

М. А. Михайлец

ОХРАНА
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НА МЕЖДУНАРОДНОМ
УРОВНЕ

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по гуманитарному образованию в качестве
пособия для студентов учреждений высшего образования,
обучающихся по специальности
1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного
наследия (по направлениям)»*

УДК 008:061.1(100)ЮНЕСКО(075.8)
ББК 7л5я73
М69

Рецензенты:

кафедра истории Беларуси и музееведения
Белорусского государственного университета
культуры и искусств (заведующий кафедрой
доктор исторических наук, профессор *М. А. Беспалая*);
кандидат исторических наук *Ю. И. Внукович*

Михайлец, М. А.

М69 Охрана культурного наследия на международном уровне :
пособие / М. А. Михайлец. – Минск : БГУ, 2017. – 231 с.
ISBN 978-985-566-495-7.

Дается системная характеристика охраны культурного наследия на международном уровне: деятельности ЮНЕСКО в этой сфере, а также международных конвенций, заключенных под ее эгидой.

Для студентов, обучающихся по специальности 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)».

УДК 008:061.1(100)ЮНЕСКО(075.8)
ББК 7л5я73

ISBN 978-985-566-495-7

© Михайлец М. А., 2017
© БГУ, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Республика Беларусь, будучи активным участником международных договоров в сфере культуры, одной из первых присоединяется к большинству соответствующих конвенций ЮНЕСКО. Наша страна ратифицировала пять конвенций ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и поддержания культурного разнообразия и два протокола к ним: Гаагскую конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта – в 1957 г. (11-й среди всех стран), Первый протокол к Гаагской конвенции – в 1957 г. (9-й), Второй протокол к Гаагской конвенции – в 2000 г. (3-й), Конвенцию о запрещении и предупреждении незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности – в 1988 г. (59-й), Конвенцию всемирного наследия – в 1988 г. (103-й), Конвенцию нематериального наследия – в 2005 г. (10-й), Конвенцию о разнообразии форм культурного самовыражения – в 2006 г. (10-й).

Беларусь не ратифицировала лишь Конвенцию об охране подводного культурного наследия 2001 г. Объясняется это тем, что большинство вопросов, которые документ призван урегулировать, касаются наследия, находящегося на дне морей и океанов. Впрочем, не исключено, что наша страна присоединится к данной конвенции, как это сделали некоторые государства, не имеющие выхода к морю, например Венгрия и Словакия.

Режимы охраны, установленные конвенциями ЮНЕСКО, постоянно развиваются и совершенствуются, что выражается в деятельности генеральных ассамблей государств-участников, межправительственных комитетов, фондов, в принятии новых версий руководств по выполнению отдельных конвенций и т. д. Таким образом, для активного участия нашей страны в охранных режимах, предложенных конвенциями, необходимо наличие подготовленных профессиональных кадров в данной области.

Настоящее пособие предназначено для студентов высших учебных заведений Беларуси, обучающихся по специальности 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)». В основу издания положен образовательный стандарт высшего образования первой ступени по данной специальности, согласно которому «Охрана историко-культурного наследия» входит в цикл специальных дисциплин государственного компонента образования.

В книге рассматриваются проблемы определения культурного наследия в международном праве, международно-правовые основы охраны культурного наследия, а также конвенции ЮНЕСКО, посвященные различным аспектам охраны культурного наследия.

Глава 1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Хотя культурное наследие вплетено в ткань нашей жизни и мы постоянно сталкиваемся с теми или иными его проявлениями, это понятие до сих пор тяжело поддается точному определению. В то же время именно термин «культурное наследие» закрепился в международном праве и практике охранной деятельности ЮНЕСКО и был выделен среди таких понятий, как «памятник», «культурные ценности», «древности» и пр.

1.1. ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Много написано о трудностях, возникающих при попытках определения культурного или историко-культурного наследия. Этот термин широко используется, но ускользает от определения. Понятия «культура» и «наследие» каждое само по себе допускает много различных толкований, а их совмещение лишь усугубляет ситуацию. Терминологические трудности, касающиеся использования слова «культура» в качестве определителя, очень многочисленны, поскольку это всеохватывающий термин, применимый к любому аспекту человеческого общества. В свою очередь, термин «наследие» обозначает то, что нам досталось от предков, он эластичный и неустойчивый, легко используется в отношении различных культурных явлений и незначительно ограничивает масштаб термина «культурное наследие». Само это понятие также постоянно развивается.

Попытки описать, чем является «культурное наследие», в большинстве своем склоняются к использованию общих понятий, под-

разумевающих культуру, унаследованную из прошлого. Так, К. Кобольдт считает, что культурное наследие — это «выражение или представление культурной идентичности общества в определенный период» [1, с. 3]. Т. Лоулянки описывает культурное наследие как «культуру и ландшафт, которые разделяются сообществом и передаются в будущее для удовлетворения потребности людей в смысле идентичности и принадлежности» [2, с. 207]. В *Рекомендации ЮНЕСКО о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ* 1968 г., говорится, что культурные ценности выступают «результатом и свидетельством различных традиций и духовных достижений прошлого и что они являются, таким образом, одним из основных факторов, определяющих лицо народов» [3, преамбула].

К проявлениям культурного наследия относится практически все, что человек делает, придавая этому ценность. Движимое культурное наследие может включать почти все объекты, имеющие какую-либо культурную значимость, — от художественных шедевров до следов древней повседневной утвари. В качестве недвижимого наследия могут рассматриваться археологические объекты, свидетельствующие о ранней человеческой культуре, доисторические пещеры, наскальные рисунки, древние города и здания, сады и памятники. К другим видам недвижимых объектов, имеющих культурную ценность, относятся природные объекты, которые являлись, а возможно, и сейчас являются особенно важными для определенной культуры. Это могут быть места проведения обрядов и церемоний, деревья, скалы или водопады. Вдобавок культурное наследие может иметь не только материальное, но и нематериальное воплощение и включать народную музыку, обряды, знания и навыки и т. п.

Все, что мы собой представляем, — это выражение культуры, которую мы наследовали и которую можем обогатить и передать будущим поколениям. Понятие наследования, получения чего-либо от одного поколения и возможной передачи этого следующему поколению — центральный момент в определении культурного наследия. Существуют такие аспекты культурного наследия, на которые мы не хотели бы оказывать воздействия и предпочли бы передать будущим поколениям нетронутыми. Выбор такого рода объектов зависит от значения, придаваемого им. Таким образом, характерным способом обращения с подобными объектами становится охрана — термин, подверженный различным толкованиям в зависимости от ценностей, которые, как мы считаем, присущи культурному наследию.

1.2. ЦЕННОСТИ, ПРИСУЩИЕ КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ

Управление культурным наследием основывается на установлении ценности. То, как мы постигаем культурное наследие и придаем ему ценность, предопределяет, каким образом мы сохраняем это наследие. Хотя почти аксиомой считается, что культурное наследие необходимо сохранять, масштабы такой охраны и основания, на которых она строится, представляют собой сложную и эмоциональную тему. Придание ценности — это динамичный социальный процесс, основывающийся на современной практике и потому чувствительный к изменениям в обществе. Он касается нескольких конкурирующих, развивающихся и относительных ценностей, от которых зависит, какую форму примет охрана в будущем. Можно говорить о самых разных ценностях: символической, информационной, эстетической, экономической, исторической, научной, культурной, археологической, этнической, рекреационной, образовательной, технической, социальной, правовой и так далее, однако есть ряд обобщенных отличительных ценностей, которые сыграли важную роль в создании и обосновании режимов охраны, предложенных ЮНЕСКО. Для объяснения того, какие формы приняла охрана в международном праве, требуется их краткое рассмотрение. Любому объекту или практике в той или иной степени присущи три важнейшие ценности: эстетическая, историческая и экономическая.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

Она заключается в красоте формы, цвета и окружения культурного наследия. Именно эта ценность, воплощенная в материальных объектах, интересует тех, кто стремится любоваться таким наследием в музеях, исторических местах, на природных объектах. Нематериальное наследие также обладает эстетической ценностью, проявляющейся, например, в движениях танцоров и других исполнителей, в мелодиях музыки и т. п.

Культурное наследие может также воплощать и выражать религиозные или моральные позиции, придающие ему сакральный характер. Нерелигиозные объекты могут пробуждать ностальгические чувства по отношению к людям, событиям, культурам, служить образцом героизма, изобретательности, лидерства. Они представляют собой связующее звено с прошлым, с немногими объектами, сохранившимися от минувших эпох. Зачастую они отражают общее наследие человечества и придают чувство единства и идентичности

не только отдельным культурам, но и всем людям. Они пробуждают такие эмоции, как гордость, печаль, сожаление, восхищение, радость. Уникальность объекта культурного наследия состоит не только в его материальных отличительных особенностях, но и в той сумме эмоций, которые он вызывает.

Историческая ценность

Культурные объекты воплощают в себе и сохраняют информацию. Во многих случаях эти материальные объекты — единственное, при помощи чего мы можем восстановить прошлое. Важно, что это наследие разрушающееся и невозобновляемое. Извлечение исторической информации может быть долговременным и дорогим процессом и обычно должно проводиться *in situ*.^{*} Впрочем, процесс изучения не заканчивается извлечением культурного наследия из его археологического контекста, это длительное научное исследование, обязательно рассматривающее важность наследия в широком контексте и выявляющее взаимосвязь с новыми открытиями. В то время как многие объекты культурного наследия обладают схожими выразительными и экономическими ценностями, именно благодаря возможности сообщения уникальной информации о прошлом объекты приобретают индивидуальность.

Экономическая ценность

Она включает ценность, внутренне присущую объекту культурного наследия, и его отличительную ценность в тех случаях, когда объект является частью индустрии наследия, особенно если используется в качестве туристского ресурса.

Многие предметы культурного наследия созданы из материалов, которые сами по себе являются ценными (например, золото, серебро, драгоценные камни). До тех пор, пока такой материал имеет экономическую ценность, предмет культурного наследия также будет ею обладать. Однако экономическая ценность включает не только стоимость материала, но и отличительную ценность предмета культурного наследия, поэтому цена материала предмета культурного наследия обычно составляет небольшую долю его ры-

^{*} *In situ* (лат. — на месте). Употребляется чаще всего в археологии для обозначения артефактов, которые не перемещались с изначального местоположения. Изучение археологических артефактов *in situ* является необходимым условием получения достоверной исторической информации.

ночной стоимости. Реальная экономическая ценность складывается из раритетности объекта, его эстетических качеств, исторической важности.

Нельзя полагаться исключительно на рыночные механизмы в отношении культурного наследия. Законодательство в этой области обычно направлено на исключение культурного наследия из коммерческой сферы. Это, однако, лишь одна крайняя возможность его использования, другая — это бесконтрольное частное применение объектов культурного наследия, например, использование греческих храмов в качестве конюшен или полотен П. Веронезе для украшения ванной комнаты. Между этими возможностями существует много других вариантов сочетания общественного и частного использования.

Нередко утверждается, будто любые попытки охраны культурного наследия путем выведения его из рыночной сферы приводят к возникновению многомиллиардного черного рынка. По этой причине часть экспертов говорит о том, что если нереально полностью остановить торговлю объектами культурного наследия, то следует разрешить свободную рыночную торговлю ими. Однако это обстоятельство лишь объясняет, а не оправдывает уничтожение прошлого.

И все же международная торговля предметами искусства и древности (как легальная, так и нелегальная) процветает, и за уникальные объекты выплачиваются рекордные суммы. Таким образом, культурное наследие, хранящееся как в государственных учреждениях, так и у частных лиц, неизбежно становится объектом экономической оценки. Предметы культурного наследия получают экономическую оценку не только в смысле определения точной цены, за которую их можно приобрести, но и в смысле определения суммы страховых выплат, размера налогов и трат на обеспечение безопасности.

Кроме того, культурное наследие служит основой непрерывно растущей туристской индустрии, поскольку памятники и музеи — это объекты, постоянно притягивающие туристов. Многие из величайших мировых памятников находятся на территории развивающихся стран, и последние нередко рассчитывают, что доходы от туризма станут основными для их экономик. Часто подобные экономические соображения приводят к превращению наследия в товар. Во многих случаях культурное наследие является не бременем для государственного бюджета, а важной отраслью, приносящей пользу смежным сферам, например биомедицине, устойчивому земледелию, международному туризму.

Многие считают, что культурное наследие не должно быть субъектом рыночных отношений, однако суровая реальность такова, что оно им является хотя бы из-за явной недостаточности бюджетных ресурсов, выделяемых на его сохранение.

1.3. ДЛЯ КОГО ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ?

Решение о том, можно ли тот или иной предмет либо практику отнести к культурной ценности, принимают отдельные лица, а также группы лиц: определенное сообщество, народ, все человечество.

Группа или сообщество

Носителем культуры выступает однородная группа или сообщество, образующие культурную единицу. Культуру группы характеризуют отличительные ценности, выделяющие ее среди прочих групп: язык, история, верования, обычаи, идентичность и др. Степень однородности группы и ее отношение к наследию — весьма сложный вопрос, вызывающий конфликты в тех случаях, когда различные группы, зачастую нечетко определенные либо только выделяющиеся, предъявляют свои права на тот или иной объект наследия. Если группа обладает легальной политической властью, ей легче определить значение ценности культурного наследия и сферы его применения. Там, где политическая власть слаба (обычно среди меньшинств, коренных народов), возможности по определению масштаба культурного наследия существенно ограничены. Особенно это характерно для ситуаций, когда разные группы предъявляют права на одно и то же наследие.

Права группы постепенно получают правовой статус в международном законодательстве, и поэтому понятие «права на культурное наследие» вытекает из дискурса в область прав человека. Группы могут обладать правом на собственную культурную идентичность, которую они вольны развивать и защищать. Сюда же относится и право на возвращение культурного наследия, а также на то, чтобы оно не уничтожалось. Признание этих прав в качестве прав человека ведет к более строгому международному режиму защиты, чем тот, который существует ныне. Можно, например, содействовать принятию государствами более эффективных мер при нарушении этих прав. Такие требования соблюдения законов могли бы иметь место в международных трибуналах.

Все чаще считается, что защита культурной идентичности и культурных практик группы позволяет ей участвовать в позитивных эффектах глоболизирующей экономики, противостоя в то же время негативным последствиям глоболизирующей культуры. Таким образом, культурная идентичность группы рассматривается как эффективный двигатель развития, согласующийся с социоэкономическим развитием в XXI в.: глобализацией, локализацией, разнообразием, устойчивым развитием и ответственностью [2, с. 225].

Нация

Мир, в котором мы живем, представляет собой арену противоборства различных сил. С одной стороны, глобальные коммуникации, взаимозависимые экономики, растущее международное регулирование и распространение негосударственных организаций вызвали увеличение взаимозависимости мира. С другой стороны, в последние годы наблюдаются увеличение межнациональной напряженности, рост этнического национализма, фундаментализма и распад политических союзов. Культурное наследие играет существенную роль в процессе становления наций. Важность культурного наследия как национального символа проявилась в XIX в., когда оно выступило как часть исторического самосознания ряда европейских государств. Культурное наследие стало символом национальной идентичности, источником культурной гордости, чувства солидарности и общности истории. В нем также черпают вдохновение все, кто стремится подражать великим достижениям прошлого. Использование культурного наследия в современном обществе, в том числе в качестве средства поддержки национализма, поощряется, в частности, *Рекомендацией ЮНЕСКО об охране в национальном плане культурного и природного наследия 1972 г.*, в преамбуле которой декларируется, что «включение в социальную и политическую жизнь должно быть одним из основных аспектов регионального развития и национального планирования...». То, как это реализуется и какое наследие используется с этой целью, не обязательно вытекает из истории, а часто обусловлено современным обществом. Фактически для этого может быть применено любое культурное наследие государства. С другой стороны, в подавляющем большинстве государств следы древних цивилизаций не принадлежат прямым предкам современного населения, что может привести к пренебрежительному отношению к такому наследию и даже к его уничто-

жению, как произошло с Бамианскими статуями Будды, разрушенными режимом талибана в Афганистане.

Ситуация усложняется, когда речь идет о движимом наследии, которое может перемещаться между государствами. Особенно сложная ситуация с останками затонувших кораблей, когда вещи с места катастрофы часто происходят из нескольких стран, да и команда может быть интернациональной. Это часто приводит к тому, что различные государства могут претендовать на такие останки, объявляя их частью своего культурного наследия. Например, когда в 1993 г. у берегов Филиппин было обнаружено затонувшее в 1414 г. китайское торговое судно, это вызвало у филиппинцев взрыв чувства национальной гордости. Президент Фидель Рамос заявил, будто найденные останки «подтвердили, что у нас продолжительная и славная история экономических взаимоотношений с нашими азиатскими соседями. Что может являться лучшим источником вдохновения для нас, филиппинцев, в качестве всеобщей подготовки к вызовам XXI века?» [4, с. 11].

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

При всей разделенности человечества на «национальные квартиры» большая часть культурного наследия служит свидетельством общей истории всех людей. Например, поскольку все человечество происходит от общих предков, археологические находки их орудий и останков, а также информация, полученная при их изучении, крайне важны не только для того государства, на территории которого они найдены, но и для всех народов. В 1999 г. многие места, где найдены останки древнейших людей, были включены в Список всемирного, культурного и природного наследия (далее – Список всемирного наследия), в том числе Стеркфонтейн, Сворткранс и Кромдраай в Южной Африке. История и развитие наших биологических предков – это единая история человечества, а всемирная культура больше, чем сумма отдельных национальных культур. Данная позиция наиболее характерна для академических трудов, посвященных культурному наследию.

Признание универсальной ценности культурного наследия имеет довольно древнее происхождение, но конкретизировано было в эпоху Возрождения, когда зарождались основы международного права. Среди образованных элит Европы стала преобладать точка зрения, согласно которой искусство, литература и наука составляют транснациональное всеобщее достояние. В это же время возни-

кает интерес к древнегреческой и древнеегипетской цивилизациям, происходит развитие антикварианизма, возникает археология. Военные успехи Наполеона в Италии и Египете сопровождалась систематическими конфискациями и грабежом произведений искусства. Однако последние трактовались не только как трофеи победителя; их перевозка во Францию рассматривалась как закономерное включение в общеевропейский контекст и базировалась на идее существования панъевропейской художественной и научной культуры с Францией в качестве ее центра и хранительницы. Основываясь на подобных идеях, в 1813 г. британский суд вице-адмиралтейства в Новой Шотландии постановил, что иностранные произведения искусства, захваченные кораблем как приз, являются «собственностью человечества в целом» [4, с. 12]. Такие представления ясно просматриваются в попытке гуманизации войн, принятой в Кодексе Либера 1863 г., где содержится ряд положений, касающихся защиты религиозных организаций, образовательных учреждений и музеев изобразительного искусства.* Забота об охране культурного наследия, рассматриваемого как общее достояние, проявилась также во время бурных протестов, сопровождавших разграбление и поджог летнего дворца китайских императоров англо-французскими войсками во время Второй опиумной войны 1860 г. Руководство по военному праву, полученное французскими офицерами, содержало положения о том, что «разрушение или похищение художественных коллекций, библиотек и архивов противоречит международному праву, поскольку эти богатства являются наследием всего человечества, и все заинтересованы в том, чтобы последствия войны для них были минимальны» [5, с. 21].

Развитие научной археологии и обнаружение археологических находок, которые не связаны ни с одной из ныне существующих наций, внесли существенный вклад в признание культурного наследия достоянием всего человечества. Во время попытки кодификации международного военного права при содействии Лиги Наций выработалось понимание того, что памятники и произведения искусства — не национальное, а всеобщее наследие, нуждающееся в защите для пользы всего человечества. Это понятие в 1939 г. было разъяснено Международным советом музеев, который провозгла-

* Согласно поручению Президента США Авраама Линкольна 24 апреля 1863 г. по армии США был издан приказ № 100 «Инструкция полевым войскам Соединенных Штатов», подготовленный юристом Фрэнсисом Либером. Данная Инструкция, известная ныне как Кодекс Либера, содействовала процессу последующей кодификации законов и обычаев войны.

сил, что «государства, богатые на произведения искусства, являются лишь хранителями таких работ для всеобщей пользы всего человечества» [6, с. 52]. Таким образом, выработалось новое представление о культурном наследии как о компоненте общечеловеческой культуры независимо от территории его происхождения, современного местоположения, прав собственности и национальной юрисдикции.

Сегодня существует следующая концепция: многие культурные ценности обладают художественными, научными и образовательными достоинствами, составляющими культурное наследие всего человеческого общества. Дж. Кинг рассматривает культурное наследие как собственность всего человечества, поскольку оно отражает достижение его части, которое не может рассматриваться отдельно от других достижений, в иных географических точках [7, с. 199]. Таким образом, например, искусство древнего человека является частью общечеловеческого культурного наследия и не принадлежит исключительно тому конкретному месту, где развивались древние культуры. Это не значит, что государство, на территории которого находится подобное наследие, не может предъявлять права на него, однако данные права не абсолютны. Потому в рамках существующей структуры международного права необходимо обеспечить соблюдение интересов обеих сторон — и государства, на чьей территории находятся объекты культурного наследия, и всего человечества. Вследствие этого высказываются идеи о необходимости государствам — обладателям культурного наследия вменить в обязанность обеспечение соблюдения интересов человечества в том, что касается доступа к этому наследию, распространения информации о нем, а также физической защиты.

Культурное наследие может играть важную роль в политических отношениях между государствами. Пропаганда взаимопонимания между независимыми государствами и признание различий между разными национальными культурами служат важным поводом для охраны культурного наследия. В преамбуле *Рекомендации ЮНЕСКО, определяющей принципы международной регламентации археологических раскопок* 1956 г., говорится: «Чувства, возбуждаемые созерцанием художественных произведений старины и знакомством с ними, могут способствовать значительному укреплению взаимопонимания между народами», а текст преамбулы *Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности* 1970 г. утверждает: «Обмен культурными ценностями между странами для целей образования, науки и культуры расширяет знания о человеческой цивилизации, обогащает культурную жизнь

всех народов и вызывает взаимное уважение и понимание между странами». Возвращение культурных ценностей стимулирует взаимопонимание между ними, хотя может также быть использовано в политических целях.

1.4. СМЫСЛ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ФИЗИЧЕСКАЯ ОХРАНА

Многие ценности, воплощенные в культурном наследии, могут быть реализованы только благодаря физической сохранности. Это кажется очевидным. Однако некоторые предметы культурного наследия никогда не предназначались для сохранения, а создавались в целях потребления или разрушения. Обычно это относится к предметам культурного наследия в могилах и захоронениях. В таком случае физическое сохранение прямо противоречит религиозным верованиям группы или сообщества, в результате чего возникает конфликт между теми, кто стремится сохранить такое наследие, и представителями создавшей его культуры.

Физическая сохранность также обязательно предшествует сохранению целостности, так что если предмет культурного наследия продолжает существовать в виде разрозненных фрагментов, физическая и культурная целостность будет нарушена. Например, хотя стела, изъятая из храма, все еще будет являться культурным наследием, пострадает физическая и контекстуальная целостность храма. Впрочем, иногда подобное разобщение может быть ответом на угрозы, ставящие под вопрос существование всей культурной ценности. В таком случае спасение ее части будет меньшим злом по сравнению с полной утратой. В связи с этим существует проблема сохранения культурного наследия в развивающихся странах, где часто невозможно создать надлежащие условия для его физической сохранности, особенно перед угрозой уничтожения в ходе военных действий. Таким образом, некоторые эксперты ставят вопрос о возможности временного перемещения культурного наследия из таких стран. Другие специалисты говорят о существовании некоего порога целостности, зависящего от природы объекта, и объекты могут быть перемещены до достижения этого порога [4, с. 14]. Правда, само определение такого порога – очень сложная задача. Может быть и так, что разделение объекта культурного наследия на части повышает его общую экономическую ценность, однако при этом будет полностью утеряна содержащаяся в нем историческая инфор-

мация. Поиск выхода из подобных ситуаций ставит также вопрос о точном определении того, что следует считать отдельным объектом культурного наследия.

ОХРАНА *IN SITU*

Даже при обеспечении физической целостности культурного наследия его перенос из природного либо археологического контекста может нарушить способность такого наследия выступать в качестве исторического источника, хотя оно может по-прежнему обладать определенным экономическим и эстетическим значением. Несмотря на то что охрана *in situ*, несомненно, помогает сохранять историческую ценность культурного наследия, степень деконтекстуализации, которой могут быть подвержены объекты, остается дискуссионным вопросом. Таким образом, потребность в охране *in situ* следует оценивать в каждом конкретном случае индивидуально. Некоторые археологические объекты могут быть извлечены из контекста при минимальном нарушении их исторической ценности, другие — нет.

Историческая ценность археологического наследия вытекает не только из его физической сохранности, но в большей степени из его научного изучения, которое является преимущественно изучением *in situ*. Процесс такого изучения гарантирует рассмотрение культурного наследия в том природном и археологическом контексте, в котором оно было найдено. Ненаучное извлечение археологического и исторического наследия из его естественного природного или археологического контекста влечет утрату ценной информации. В целях увеличения исторической ценности культурного наследия важно, чтобы не только сохранялась его физическая целостность, но и была гарантирована сохранность его контекста. Признание исторической ценности культурного наследия может, однако, входить в противоречие с другими присущими ему ценностями, особенно с экономической. Хотя такие конфликты могут возникать, они необязательны и теоретически нет причин, по которым культурное наследие не может обладать всеми перечисленными ценностями. При этом именно научной ценности следует отдавать предпочтение перед другими.

ОХРАНА ДОСТУПНОСТИ

Эстетическая ценность культурного наследия может быть реализована только в том случае, если это наследие доступно группе, обществу, нации или публике в целом. Меры, призванные обеспе-

чить доступность, могут подпадать под понятие охраны. Некоторые государства отстаивают мнение, что культурное наследие независимо от его происхождения должно быть доступно как можно большему числу людей, а также открыто для изучения ведущими учеными. В результате утверждается, что древнегреческие и древнеегипетские артефакты не только не должны обязательно возвращаться в страны происхождения, но их следует экспортировать в другие государства, чтобы они были предоставлены более широкой аудитории для обозрения и большему количеству исследователей для изучения. Если в государствах-поставщиках существуют копии, то для обмена можно использовать их, поэтому исключаящие меры не должны преобладать, а надо обеспечивать доступность культурного наследия как в государствах-поставщиках, так и в государствах-импортерах. Деликатная природа некоторых объектов культурного наследия не позволяет открывать их для широкого доступа. Например, избыточное освещение повреждает краски, которыми выполнены рисунки в пещере Ласко во Франции, поэтому в настоящее время пещера закрыта для туристов. Такая ситуация характерна для многих остатков кораблекрушений, которые лучше сохраняются на морском дне, хотя это и препятствует широкому доступу к ним.

УДЕРЖАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Многие государства, особенно развивающиеся, богатые в культурном, но бедные в других отношениях, стремятся к тому, чтобы удержать в своих границах объекты культурного наследия. Часто в таких случаях охрана культурного наследия имеет в виду именно схемы по его удержанию. Благодаря удержанию в пределах государства может быть реализовано большинство ценностей культурного наследия. Для многих развивающихся стран, особенно тех, которые недавно обрели независимость, удержание культурного наследия тесно связано с идеологией национализма, манифестацией которого оно является. В силу этого необходимо, чтобы культурное наследие находилось на территории национального государства. В зависимости от характера объектов культурного наследия удержание может проявляться в различной степени. Если речь идет об объектах наследия, принадлежащих живой и процветающей культуре, то они, вероятнее всего, используются для каких-либо религиозных или церемониальных целей в соответствии со своим предназначением. Например, Афо-а-Ком, скульптура, созданная народом ком (Камерун), была украдена и вывезена в США. Добиваясь ее возвра-

щения, первый секретарь посольства Камеруна в США заявил, что «она не имеет цены. Это сердце народа ком, объединяющее племя, дух нации, сплывающий нас. Она не является и не может являться произведением искусства, предназначенным для продажи» [8].

Экономический доход, получаемый от туризма, а также от прав на интеллектуальную собственность, способствует тому, что выгоднее удерживать культурное наследие у себя, чем просто единожды продать его на международном рынке.

Отсюда следует, что в определенных обстоятельствах государство можно оправдать в стремлении удерживать культурное наследие, которое обоснованно составляет его национальное наследие. Впрочем, удержание всего культурного наследия в пределах определенного государства не всегда выступает выгодной стратегией, допустим, когда игнорируются такие моменты, как улучшение межгосударственных отношений или сотрудничество путем межкультурного обмена. В некотором роде законы, направленные на удержание культурного наследия, могут способствовать сохранению наследия *in situ* и снижению риска его деконтекстуализации. С другой стороны, они могут препятствовать получению новых знаний в результате проведения раскопок. Те, кто контролируют культурное наследие, контролируют прошлое, в том смысле, что они могут не только выставлять наследие, но и в какой-то мере управлять его интерпретацией, научным изучением и местом в более широком глобальном контексте. Таким образом, политика по удержанию культурного наследия может использоваться государством либо определенными группами в государстве для установления контроля над информацией из прошлого.

ОХРАНА КАК СОТРУДНИЧЕСТВО

В то время как реализация эстетической, экономической и исторической ценностей, присущих культурному наследию, может быть достигнута через физическое и контекстуальное сохранение этого наследия в государстве, где оно было найдено, борьба с внешними угрозами культурному наследию требует создания международных систем, которые помогали бы государству выполнять его ведущую охранную роль. В таком смысле охрана выступает лишь структурированием подобных систем сотрудничества. Особенно ярко это проявляется в Конвенции всемирного наследия: «Под международной охраной всемирного культурного и природного наследия понимается создание системы международного сотрудничества и помощи для

оказания государствам – сторонам Конвенции помощи в усилиях, направленных на сохранение и выявление этого наследия» [9, ст. 7].

Подобная система была создана для охраны нематериального культурного наследия. Правда, Конвенция об охране нематериального наследия использует иной термин – англ. *safeguarding*, что можно перевести как «сбережение» – от «оберегать»: сохранять бережно, не нарушая. В то же время «сбережение» – более широкий термин, который имеет в виду не только защиту наследия от рисков и угроз, но и позитивные действия по его популяризации. Такая охрана-сбережение «означает принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия» [10, ст. 2(3)].

Термины «охрана», «сохранение», «сбережение» обозначают широкие категории, которым в зависимости от конкретных обстоятельств придается то или иное более узкое значение. Понятно, что охрана подводного наследия означает не то же самое, что охрана наследия нематериального. В то же время один и тот же объект в зависимости от обстоятельств может подпадать под различные режимы охраны (например, это касается артефакта, незаконно поднятого с затонувшего корабля, который затем пытаются нелегально вывезти из страны).

1.5. ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Включение культурного наследия в режим охраны добавляет к ряду уже выделенных ценностей, которыми оно обладает, еще одну – правовую. Она подчеркивает остальные ценности и выделяет объект наследия среди других подобных объектов.

Процесс отбора культурного наследия, подпадающего под правовую охрану, сложен, ему посвящены отдельные работы. Специалисты утверждают, что процесс охраны культурного наследия начинается не с приписывания наследию ценности с последующей вытекающей из этого правовой защитой, а с общественной убежденности в необходимости сохранения определенного вида объектов, исходя из чего устанавливается такой правовой режим, который признает ценность именно за данными объектами.

Трудности процесса отбора объектов для охраны повлияли на их правовую классификацию, включающую такие понятия, как «культурное наследие», «культурные ценности», «древности», которые предполагают использование различных правовых режимов.

Как культурное наследие определяют и охраняют, так им и управляют, его интерпретируют и понимают. Отношение к наследию, в свою очередь, влияет не только на то, каким образом воспринимают людей, связанных с ним, но и на то, каким образом эти люди осознают себя сами и как этот образ они стремятся сохранить в глазах других. Это способствует укреплению и возможному расширению определений, представленных в правовых актах, что, в свою очередь, влияет на укрепление изначальных представлений и предпосылок к охране.

Данный процесс вызвал к жизни множество национальных правовых систем по охране культурного наследия. Кроме того, на международном уровне разрабатываются международные правовые нормы по охране наследия, придавая тому, на что они распространяются, правовую ценность, подчеркивающую все остальные ценности, присущие культурному наследию.

1.6. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЯХ

Принятие шести конвенций ЮНЕСКО в области культуры заняло чуть более 50 лет — начиная с Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и заканчивая Конвенцией об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г. В каждой из этих конвенций имеется собственное определение культурного наследия, хотя можно проследить и некоторые тенденции, например замену категории «культурные ценности» категорией «культурное наследие», а также расширение этой категории на нематериальное культурное наследие. Все определения культурного наследия, представленные в конвенциях, отражают тот экономический, общественный и политический контекст, в котором они обсуждались, и проливает свет на проблемы, с которыми сталкивалось наследие в тот или иной период. Из-за сложившейся практики принятия конвенций, при которой они служат ответами на текущие вызовы и решением конкретных проблем, стоящих перед тем или иным видом наследия, не существует единого определения культурного наследия, которое объединяло бы все идеи и служило всем целям.

Первоначально культурное наследие рассматривалось в контексте прав на собственность. В частности, в Гагской конвенции 1907 г. речь шла об охране «культурных ценностей» (англ. *cultural property*) обычно в контексте защиты гражданской собственности или институтов, служащих общественным интересам [11, ст. 23(ж), 27, 56]. Беспрецедентное разрушение и разграбление культурного наследия во время Второй мировой войны требовало от государств принятия незамедлительных мер. Определение *культурных ценностей*, принятое в Гагской конвенции 1954 г., было введено в контексте захвата собственности евреев, разрушения исторических центров Ковентри, Дрездена, Сталинграда, Осаки и др. Конвенция является выполнением обязательств, зафиксированных в Уставе ЮНЕСКО, где говорится о том, что данная организация «помогает сохранению, увеличению и распространению знаний, заботясь о сохранении и охране мирового наследия человечества — книг, произведений искусства и памятников исторического и научного значения...» [12, ст. 1.2(с)]. Таким образом, определение культурных ценностей Конвенции 1954 г. включает движимые ценности: «произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше» [13, ст. 1(a)]. Огромные утраты, которые понесла европейская архитектура, повлекли необходимость включения в определение недвижимости, и туда были внесены «памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические местоположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес» [13, ст. 1(a)]. Однако в охранный режим были включены не все подобные объекты, а лишь те, «которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа» [13, ст. 1(a)]. Хотя это определение впоследствии неоднократно подвергалось критике за свою узость и несоответствие современным требованиям, оно не было пересмотрено Вторым протоколом к Конвенции, принятым в 1999 г. Главной задачей Конвенции 1954 г. являлось обеспечение физической сохранности движимых и недвижимых объектов культурного наследия, для чего подобного определения было вполне достаточно.

Гагская конвенция 1954 г. стала первой подлинно международной конвенцией, ставящей целью защиту культурного наследия, и представленное в ней определение «культурных ценностей» является первой попыткой достижения межгосударственного консенсу-

са относительно того, что подлежит охране. Поскольку Конвенция 1954 г. нацелена на защиту культурных ценностей, которые могут быть повреждены во время войны, то естественно, что под определение попали объекты, подвергающиеся риску в военное время.

Разрушение культурного наследия во время Второй мировой войны, признание его важности для развития всех народов, особенно находящихся под колониальным управлением, а также прямые угрозы существующему наследию из-за роста урбанизации и глобализации привели к возникновению организаций, стремящихся сохранять культурное наследие в его различных проявлениях. Среди них *Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест* (англ. *International Council on Monuments and Sites* – ИКОМОС) – организация, созданная в 1965 г. в качестве международной ассоциации архитекторов и специалистов по зданиям, представляющим историческую ценность. Главной задачей ИКОМОС стала охрана памятников и достопримечательных мест. Под памятником понимались «как отдельное архитектурное произведение, так и городская или сельская среда, носящие характерные признаки определенной цивилизации, знаменательного пути развития или исторического события». Кроме того, особой охране подлежали достопримечательные места. Организация сыграла важную роль в концептуализации культурного наследия и разработке многих международно-правовых документов в сфере охраны наследия, включая Конвенцию об охране всемирного наследия 1972 г. и Конвенцию об охране подводного культурного наследия 2001 г. Создание ИКОМОС потребовало размежевания его функций с *Международным советом музеев* (англ. *International Council of Museums* – ИКОМ), поэтому из сферы его интересов были исключены движимые части музейных коллекций.

Понятие «культурные ценности» занимает центральное место во многих рекомендациях ЮНЕСКО, включая *Рекомендацию о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ* 1968 г. Цель данной рекомендации – охрана преимущественно недвижимого культурного наследия, которое может быть повреждено в процессе строительства. Особенно отчетливо термин «ценности» выступает в конвенциях и рекомендациях, посвященных вопросам незаконного перемещения объектов культурного наследия. После обретения независимости перед молодыми государствами встала проблема возвращения культурного наследия, вывезенного с их территории в период колонизации, а также прекращения вывоза предметов

культурного наследия из этих государств. Они также столкнулись с коммодификацией* культурного наследия, когда экономическая, или рыночная, ценность культурных объектов затмевает все прочие присущие ему ценности. Государство в этой ситуации должно ставить национальную важность культурных объектов выше их рыночной ценности и создавать такую систему охраны, которая могла бы предотвратить попадание на рынок подобных предметов искусства. К сожалению, Конвенция 1970 г. избегает концептуализации культурного наследия и использует термин «культурные ценности», под которым понимаются «ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки...» [14, ст. 1]. Далее подробно перечисляются виды культурных ценностей, представляющих особую значимость для государства, в связи с чем вводятся правила их ввоза и вывоза. Данная категоризация часто становилась предметом критики за широту и неопределенность, однако они предусмотрены намеренно: был создан исчерпывающий список категорий, и каждому государству оставалось определить важные объекты, достойные включения в него. Поэтому список одновременно широк в том, что касается видов культурного наследия, перечисленных в каждой из категорий, и ограничен исчерпывающей природой категорий. Он лишь частично повторяет определение культурных ценностей Гаагской конвенции 1954 г., которое намного шире и основано на примерах. Причина такой разницы в определениях состоит, по-видимому, в том, что защита культурного наследия от последствий войны была тем основополагающим принципом, с которым согласились все договаривающиеся стороны при принятии Конвенции 1954 г., и поэтому не было необходимости придавать конкретное содержание объектам, подлежащим защите. В Конвенции же 1970 г. требовалось достижение тонкого баланса между государствами-экспортерами и государствами-импортерами, и, соответственно, нужно было четкое и ясное определение сферы действия Конвенции.

Таким образом, определение культурного наследия адаптировано к целям каждой конкретной конвенции. Так же обстоит дело и с рекомендациями ЮНЕСКО. *Рекомендация о международном обмене культурными ценностями* 1976 г. предлагает широкую и довольно неопределенную дефиницию культурных ценностей в целях обе-

* Коммодификация (англ. *commodification*) – придание чему-либо денежной стоимости, превращение в товар.

спечения максимально широкого обмена культурными объектами. *Рекомендация об охране движимых культурных ценностей* 1978 г. также использует термин «ценности», под которыми подразумеваются «все движимые ценности, которые являются выражением или свидетельством творчества человека или эволюции природы и которые имеют ценность с археологической, исторической, художественной, научной или технической точек зрения...» [15, ст. 1(a)]. Поскольку данное определение акцентирует внимание на ценностном и материальном аспектах объектов, подпадающих под действие рекомендации, создается впечатление, что это обязательные атрибуты объектов, подпадающих под охрану. Тем не менее именно благодаря физической защите объектов сохраняется то, что в рекомендации названо выражением или свидетельством творчества человека.

Как видно из сказанного, под определение культурных ценностей подпадает большое количество культурных объектов. Однако использование термина «ценности» по отношению к этим объектам подвергается критике. Обычно в правовой системе ценности делят на личные и общественные. Также можно выделить движимые и недвижимые, материальные и нематериальные ценности. Поскольку термин «ценности» подчеркивает прежде всего коммерческую стоимость объекта, его культурная важность отодвигается на второй план. Конечно, такой подход не способствует охране, поэтому термин «наследие» намного превосходит термин «ценности» благодаря тому, что создает концептуальные рамки, предполагающие охрану объектов.

Впервые понятие «наследие» применительно к культурным объектам встречается, как это ни странно, также в Гаагской конвенции 1954 г. В статье 1 говорится о том, что культурными ценностями считаются такие, которые «имеют большое значение для культурного наследия каждого народа». Здесь это понятие использовано не в качестве общей категории, призванной выделить ценности, подлежащие охране, а, скорее, для акцентирования того, что охране подлежат ценности, имеющие определенную культурную значимость. Впервые дефиниция «наследие» была использована ЮНЕСКО в *Рекомендации, определяющей принципы международной регламентации археологических раскопок* 1956 г., где речь идет об «археологическом наследии». К сожалению, последующие международные соглашения не использовали терминологию данной рекомендации и продолжали употреблять термин «ценности». Хотя данное определение ограничивается археологическим наследием, в этом контексте оно весьма широко и включает все объекты, найденные в ходе археоло-

гических раскопок, в том числе подводных, и тех, что государство считает значимыми. Похожий подход был использован Советом Европы в *Европейской конвенции об охране археологического наследия* 1969 г. В ней представлено определение тех объектов, которые должны рассматриваться в качестве археологического наследия: «... все остатки и предметы или любые другие следы существования человека, являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, основным или одним из основных источников информации о которых являются раскопки или открытия». В этом определении использованы термины, имеющие очень широкие значения, и цель его — не выделение объектов как таковых, а, скорее, указание на связь между объектами и их научной ценностью. Новая *Европейская конвенция об охране археологического наследия* 1992 г. в некоторой степени ограничивает широкое определение Конвенции 1969 г., предлагая ряд примеров того, что должно собой представлять такое наследие. Определение включает примеры объектов, такие как «строения, сооружения, ансамбли зданий, освоенные места, движимые объекты», и предлагает широкие критерии: «все остатки и объекты и любые другие следы человечества из прошлых эпох, сохранение и изучение которых помогают проследить историю человечества и ее связь с природной средой».

Впервые выражение «культурное наследие» в заглавии появляется в *Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия* 1972 г. Впрочем, определение культурного наследия в рамках этой Конвенции ограничено лишь недвижимыми объектами: памятниками, достопримечательными местами и культурными ландшафтами. Тем не менее оно демонстрирует движение от понимания культурного наследия как культурных ценностей, связанных с правами частной собственности и экономическими отношениями, к признанию общественной природы наследия. Важно также использование термина «наследие» в следующем контексте: в статье 4 речь идет о том, что обязанность каждого государства — «обеспечивать выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям культурного и природного наследия». Такое применение термина «наследие» в контексте будущих поколений отражает то время, когда принималась Конвенция. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. стало понятно, что защита окружающей среды, в том числе океанов, атмосферы и природного наследия, каждым отдельным государством — дело всемирной важности, требующее международного сотрудничества. Использование термина «наследие» предполагает необходимость сохранения исторического

актива для будущих поколений и вытекающее отсюда обязательство современного поколения охранять и сберечь этот актив. Кроме того, термин выходит за пределы физических проявлений культуры и позволяет включать нематериальные элементы, а также отношение людей к культурным проявлениям. Несмотря на то что Конвенция всемирного наследия предпочитает использование термина «наследие», она неоднократно употребляет и термин «ценности» как в тексте самой Конвенции, так и в Руководстве по ее выполнению. Обычно термин «ценности» применяется в отношении отдельных объектов — памятников, ландшафтов и пр.

С введением термина «культурное наследие» определение подлежащих охране объектов стало более широким и концептуальным, но, к сожалению, различия между понятиями «наследие» и «ценности» не всегда вполне осознавались. *Европейская конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей* 1985 г. продолжает использовать понятие «культурные ценности», утверждая, что культурные ценности являются частью культурного наследия. Это связано с главной целью, которую преследует Конвенция, вводящая криминальную и административную ответственность за правонарушения в отношении культурных ценностей и предлагающая совместные меры по возвращению культурных ценностей. Концептуальные трудности перехода к употреблению термина «культурное наследие» вместо «культурные ценности» отразились в переговорах, предшествовавших принятию *Конвенции УНИДРУА* по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям* 1995 г., а также в терминах, использованных в этом документе. Данную конвенцию предполагалось применять вместе с Конвенцией ЮНЕСКО 1970 г. в отношении объектов, находящихся в частной собственности. Поэтому она имеет дело с культурным наследием именно в форме собственности, и определение, использованное в ней, практически полностью повторяет определение Конвенции 1970 г. Однако к 1995 г. термин «наследие» уже получил широкое распространение и ему отдавалось предпочтение по сравнению с термином «ценности». Компромисс был найден в употреблении термина «культурный объект». В большинстве прочих отношений Конвенция УНИДРУА 1995 г. следует Конвенции 1970 г., включая использование исчерпывающего списка «культурных объектов».

Четвертая Конвенция ЮНЕСКО в сфере культуры, посвященная подводному культурному наследию, была принята почти через 30 лет после третьей, посвященной всемирному наследию. Как

* УНИДРУА — Международный институт унификации частного права.

и предыдущие конвенции, она была принята в свете новых угроз культурному наследию. В данном случае внимание было обращено на технологический прогресс в области подводных погружений и исследований, который создавал опасности для подводного культурного наследия, в особенности для останков потерпевших крушение кораблей. Разработка Конвенции об охране подводного культурного наследия стала попыткой расширения международного охранного режима с включением в него международных вод. Кроме того, появление данной Конвенции одобряло становление новой научной дисциплины — подводной археологии.

Определение культурного наследия в Конвенции 2001 г. концептуально не отличается от определения Конвенции 1970 г. в том смысле, что оно признает ценности, присущие наследию и реально требующие защиты, а также культурный, исторический и археологический характер культурного наследия. Несмотря на то что дефиниция включает список объектов и районы, которые могут обладать соответствующей ценностью, данный список примерный и неисчерпывающий. Рассматриваемое определение похоже на определение Конвенции 1954 г., но в Конвенции 2001 г. речь идет об определенном виде наследия, которое в прошлом находилось или теперь находится полностью или частично под водой.

Первые четыре конвенции ЮНЕСКО и большинство ее рекомендаций касаются материального наследия. Однако концентрация преимущественно на материальном в ущерб нематериальному все чаще признавалась неправильной. Таким образом, возникает конфликт между необходимостью охраны формы и охраной культурной сущности, воплощенной в форме. Например, объекты всемирного наследия, такие как Ангкор, охранялись в смысле предотвращения физического разрушения, несмотря на то что механизм охраны уничтожал культурную связь между народом Камбоджи и его наследием. Данные определения касались наследия архитектурных и археологических памятников и поэтому сосредоточивались на физической стороне, игнорируя вопрос их функции в современном обществе. Впоследствии этот подход был расширен и включил в себя нематериальные проявления культуры, которые могут принимать вид ритуалов, обрядов, устной истории, фольклора, музыки, танцев, умений и навыков. Они могут включать также знания и информацию, относящиеся к материальным культурным объектам. Пятая конвенция ЮНЕСКО предусматривает сбережение такого нематериального культурного наследия.

Поскольку первые конвенции ЮНЕСКО были направлены главным образом на охрану материальных проявлений наследия, тер-

мин «культурное наследие» стал ассоциироваться преимущественно с этими проявлениями, а не с сущностными культурными ценностями, которые воплощены в них. Принятое в контексте процесса беспрецедентной глобализации и признания важности культурного разнообразия, его роли в процессе защиты окружающей среды и процессе устойчивого развития определение Конвенции 2003 г. является продуктом своего времени и стремится ответить на характерные для него вызовы. Определение включает «обычай, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства» [10, ст. 2.1]. Важная часть определения состоит в следующем: именно сообщества, группы и отдельные лица устанавливают, что является их нематериальным культурным наследием, а также то, что это наследие передается от поколения к поколению.

Пожалуй, самой важной проблемой использования термина «нематериальное культурное наследие» становится вытекающее из него разделение наследия на материальное и нематериальное. Во многих случаях такое разделение невозможно, так как большинство определений материального культурного наследия, представленных в конвенциях ЮНЕСКО, предполагают, что нематериальный компонент придает материальным формам их культурный контекст.

Наконец, последняя из конвенций ЮНЕСКО — *Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения* 2005 г. — действует в сфере форм культурного самовыражения, которые циркулируют и обмениваются через культурную деятельность как культурные товары и услуги — самые современные носители культуры. Конвенция 2005 г. не оперирует понятиями «культурное наследие» и «культурные ценности», используя термины «культурное разнообразие», «культурное содержание», «формы культурного самовыражения». Это связано со сферой действия Конвенции, которая не включает область культуры, доставшуюся от предыдущих поколений, а применяется лишь в отношении того, что создается в настоящее время. Понятно, что в этом случае понятие «наследие» не отражало бы адекватно сферу применения Конвенции. Характерно также и то, что Конвенция не использует и термин «культурные ценности», критикуемый экспертами, вводя в целом новый терминологический аппарат.

Таким образом, результатом деятельности ЮНЕСКО в сфере культурного наследия стало появление довольно запутанной терминологии, включающей такие понятия, как «культурные ценности», «достопримечательные места», «подводное культурное наследие», «документальное и цифровое наследие», «священные природные

места», «кинематографическое наследие», «музыка и танцы», «традиционная медицина», «традиционные игры и виды спорта». Национальной и международной тенденцией становится очевидное движение в сторону более широкого определения культурного наследия, отражающего его важную роль в жизни общества. От отдельных предметов — архитектуры, археологических и движимых объектов — понятие наследия расширилось на ландшафты, городские и сельские территории, историческую обстановку и нематериальное культурное наследие.

Во всех конвенциях ЮНЕСКО определение культурного наследия (культурных ценностей) предваряется фразой «для целей настоящей Конвенции». Некоторые исследователи видят в этом проблему, так как все эти определения являются узконаправленными реакциями на конкретные проблемы и не предполагают выработки единого всеобъемлющего определения культурного наследия. Таким образом, международное право в данной сфере разрабатывалось без опоры на единые ключевые понятия и согласованные принципы. С другой стороны, такая система, создавшая сеть различных, часто взаимно перекрещивающихся режимов охраны, позволяет решать практические проблемы охраны культурного наследия.

Вопросы для самоконтроля

1. Что лежит в основе различных определений культурного наследия?
2. В чем сущность охраны культурного наследия?
3. Какие формы может принимать охрана нематериального культурного наследия?
4. В чем выражается правовая ценность культурного наследия?
5. Какие изменения можно проследить в терминологии конвенций ЮНЕСКО в сфере охраны культурного наследия?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кумскова, Н. В. Концептуальные подходы и терминологический круг культурного наследия в национальном и международном законодательстве / Н. В. Кумскова // Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств — участников СНГ : материалы Междунар. конф., Минск, 26–28 апр. 2007 г. / Ин-т государства и права НАН Беларуси ; редкол.: А. Б. Сташкевич [и др.]. — Минск : Право и экономика, 2007. — С. 61–66.

Михайлец, М. А. Определение культурного наследия в международном праве / М. А. Михайлец // *Dziedzictwo kulturowe Europy Środkowej w białorusko-polskiej perspektywie badawczej* / red.: М. Jarnecki, А. Bednarczuk. — Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2016. — S. 141–150.

Михайлец, М. А. Определение культурного наследия в международных конвенциях / М. А. Михайлец // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі* / навук. рэд. А. І. Лакотка ; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. — Мінск : Права і эканоміка, 2015. Вып. 19. — С. 314–320.

Молчанов, С. Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие (достояние)» в международном праве (информационно-аналитический обзор) / С. Н. Молчанов // *Моск. журн. междунар. права.* — 2000. — № 2. — С. 20–27.

Нурмамбет, Р. Г. Терминологический круг и эволюция концепций в историческом изучении культурного наследия / Р. Г. Нурмамбет // *Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств — участников СНГ : материалы Междунар. конф., Минск, 26–28 апр. 2007 г. / Ин-т государства и права НАН Беларуси ; редкол.: А. Б. Сташкевич [и др.].* — Минск : Право и экономика, 2007. — С. 167–178.

Глава 2

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Цель учреждения ЮНЕСКО: «...содействовать укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций, для всех народов без различия расы, пола, языка или религии» [12, ст. 1].

Для реализации этой цели ЮНЕСКО «помогает сохранению, увеличению и распространению знаний, заботясь о сохранении и охране мирового наследия человечества – книг, произведений искусства и памятников исторического и научного значения, а также рекомендуя заинтересованным странам заключение соответствующих международных конвенций» [12, ст. 2(с)]. Шесть таких конвенций были рекомендованы, приняты и вступили в силу в течение 70 лет существования ЮНЕСКО. Хотя каждая из конвенций представляет собой реакцию на конкретные текущие проблемы в сфере культурного наследия и мало приспособлена к взаимодействию с другими конвенциями, принципы, на которых они создавались, могут стать основой для создания системы международного права в сфере культурного наследия. Такая возможность существует не только потому, что все эти конвенции в широком смысле касаются культурного наследия, но и потому, что все они приняты в одинаковой форме и являются международными договорами, действие которых регулируется существующим международным законодательством. Перед рассмотрением непосредственно конвенций необ-

ходимо кратко обсудить международное право, регулирующее сами эти конвенции и налагающее обязательства на государства, становящиеся их участниками.

2.1. МЕЖДУНАРОДНОЕ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

С принятием в 1969 г. *Венской конвенции о праве международных договоров* было кодифицировано и получило развитие международное право в области заключения договоров, вступления их в силу, внесения поправок, толкования и прекращения. Данная конвенция регулирует все конвенции ЮНЕСКО в сфере культурного наследия. В ней изложены принципы, регулирующие вопросы толкования положений международных договоров, независимо от их названия (конвенция, договор, пакт и пр.) [16, ст. 2.1(a)]. Хотя в Венской конвенции речь идет только о соглашениях между государствами, она применяется и в отношении соглашений между другими субъектами, например международными организациями. Первые пять конвенций ЮНЕСКО в сфере культуры представляют собой исключительно межгосударственные соглашения, тогда как *Конвенция об охране и поощрении форм культурного самовыражения* 2005 г. предусматривает участие в ней организаций региональной экономической интеграции. ЮНЕСКО не является участником конвенций, а выступает как ведущая организация, способствующая их разработке и принятию.

ПРИНЯТИЕ КОНВЕНЦИЙ И ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВАМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Процесс принятия конвенций можно разделить на несколько отдельных этапов. Во-первых, конвенция должна быть принята государствами, участвующими в переговорах. В самом начале переговоров обычно оговаривается порядок принятия. Обычно проект должен набрать на голосовании не менее 2/3 голосов присутствующих и голосующих государств [16, ст. 9]. Во-вторых, должна быть установлена аутентичность текста, т. е. текст должен содержать именно то, о чем договаривались участвующие в переговорах государства. Аутентичность самой первой конвенции — Гаагской 1954 г. — была установлена в единственном экземпляре, который хранится в архивах ЮНЕСКО (то же касается Первого и Второго протоколов к ней). Остальные конвенции в сфере наследия предусматривают наличие двух аутентичных копий

с подписями Президента Генеральной конференции, на которой была принята конвенция, и Генерального директора ЮНЕСКО. Всем государствам-участникам рассылаются заверенные копии аутентичного текста. Тексты конвенций составляются на нескольких языках, все они равно аутентичны. Конвенции 1954 и 1970 гг. были написаны на английском, французском, русском и испанском языках. В Конвенции всемирного наследия 1972 г. к ним добавился арабский, а в последующих – китайский. На практике не все языки используются в равной степени, например, Комитет всемирного наследия использует только английский и французский варианты, хотя, естественно, в случае необходимости обращается и к другим. Возможность использования разных языков помогает в толковании конвенций, но иногда приводит к путанице, так как ряд категорий трудно поддается переводу. Таким образом, несмотря на то что терминология должна иметь одно и то же значение во всех аутентичных текстах конвенции, могут возникать конфликты, связанные с точным значением слов. В случае возникновения подобных трудностей следует обратиться к статье 33(4) Венской конвенции, где говорится, что «если сравнение аутентичных текстов обнаруживает расхождение значений, которое не устраняется применением статей 31 и 32, принимается то значение, которое с учетом объекта и целей договора лучше всего согласовывает эти тексты».

Когда конвенция принята и установлена аутентичность текста, государства могут приступать к процессу принятия на себя обязательств, возлагаемых конвенцией. В этом отношении процедура ЮНЕСКО несколько отличается от общепринятой. Обычно процесс принятия государством на себя обязательств состоит из двух этапов: подписания конвенции государством и сдачи на хранение документа о ратификации. Подписывая конвенцию, государство сообщает о своем признании того, что данный документ правильно отображает положение, с которым государство собирается согласиться, а также его намерения в скором времени стать участником данной конвенции. Хотя подписание ни к чему не обязывает государство, оно требует, чтобы данное государство воздерживалось от любых действий, противоречащих основополагающим принципам конвенции, которые лишили бы договор его объекта и цели [16, ст. 18]. Такая процедура предусмотрена Гаагской конвенцией 1954 г. и Первым и Вторым протоколами к ней, а также Конвенцией УНИДРУА 1995 г.

Остальные конвенции ЮНЕСКО следуют иной процедуре. Прежде всего в них не предусмотрено подписание документа от-

дельными государствами. Конвенция принимается всеми государствами – членами ЮНЕСКО на Генеральной конференции путем голосования при поддержке более чем половины всех государств, затем подписывается Генеральным директором ЮНЕСКО и Президентом Генеральной конференции. Дальнейший процесс принятия на себя государствами обязательств требует передачи на хранение документа о ратификации (принятии, присоединении). Такое выражение согласия принятия на себя обязательств является самым значимым действием, которое может быть предпринято государством по отношению к конвенции. Разница в терминах «ратификация», «присоединение», «принятие» носит чисто технический характер. Самая распространенная форма – ратификация.

Такая форма, как «присоединение», имеет различные смыслы в разных конвенциях. В Гагской конвенции 1954 г. она используется применительно к тем государствам, которые не подписали эту конвенцию либо не были членами ЮНЕСКО и не могли участвовать в ее обсуждении. Впоследствии такие государства могут присоединиться к Конвенции по приглашению Исполнительного совета ЮНЕСКО. Поскольку остальные конвенции не предусматривают подписания отдельными государствами, «присоединение» используется во втором, более позднем, смысле – как процедура, предусмотренная для государств, не являющихся членами ЮНЕСКО.

ПРОТОКОЛЫ

Многие вопросы, касающиеся охраны культурного наследия на оккупированных территориях во время вооруженных конфликтов, не были согласованы и угрожали принятию Гагской конвенции 1954 г. Выход был найден в том, что эти вопросы вынесли в отдельную конвенцию. Поскольку последняя тесно связана с Конвенцией 1954 г., было решено, что она станет, по сути, дополнением к Гагской конвенции, и только государства – участники главной Конвенции могут быть ее членами. Термин «протокол» применительно ко второй конвенции использован, чтобы подчеркнуть ее тесную связь с основной Конвенцией. Подобным образом, когда в 1999 г. государства – участники Гагской конвенции пожелали усовершенствовать систему охраны, они сделали это путем принятия новой конвенции, названной Вторым протоколом. Важно то, что эти протоколы представляют собой самостоятельные международные правовые документы.

Оговорки

Оговорки — одна из главных проблем международного договорного права. Согласно Венской конвенции «оговорка означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству» [16, ст. 2(d)]. Оговорки играют большую роль в международном праве, позволяя государствам, когда их в целом устраивают формулировки конвенции, исключать отдельные обязательства, которые они не могут принять на себя. Например, присоединяясь к Конвенции 1970 г., Австралия внесла оговорку в отношении статьи, требующей регулировать деятельность антикваров, так как, согласно австралийской конституции, эта функция закреплена за отдельными штатами, а не за федеральным правительством. Данная поправка была необходима, чтобы Австралия стала полноправным членом Конвенции. Подобные поправки позволяют государствам присоединяться к конвенциям без существенного изменения их национальных правовых систем. По этой причине оговорки представляют собой необходимую часть международного договорного права и обычно допускаются. Ни Гагская конвенция 1954 г., ни оба протокола к ней не запрещают оговорки (хотя никаких существенных оговорок и не было). Однако в некоторых случаях режим конвенции таков, что любые отклонения от него нарушают его характер, и, следовательно, государства-участники должны согласиться с тем, что никакие оговорки не допускаются вообще либо допускаются применительно к отдельным статьям. Например, Конвенция подводного наследия 2001 г. предусматривает, что «за исключением случая, предусмотренного в ст. 29, к настоящей Конвенции не могут делаться никакие оговорки» [17, ст. 30].

Некоторые конвенции не запрещают оговорки и даже указывают случаи, когда они могут быть сделаны. В конвенциях всемирного наследия и нематериального наследия оговорки не запрещены, а там, где говорится о внесении взносов в фонды конвенций, специально заявлено: государство может сделать оговорку, что оно не будет связано положениями настоящей статьи [9, ст. 16(2); 10, ст. 26(2)].

Часто при сдаче на хранение документов о присоединении государства делают «декларации» или «заявления о взаимопонима-

нии», подчеркивая тем самым наличие собственной интерпретации некоторых положений конвенции. Обычно это делается для подтверждения соответствия положений конвенции национальному законодательству, что должно способствовать их лучшей реализации. Однако заявления могут выступать и в качестве замаскированных оговорок, когда с их помощью пытаются предотвратить определенные правовые последствия принятия конвенции для государства. В случае принятия государством оговорок другое государство-участник может эти оговорки оспорить. Особенно это касается тех случаев, когда второе государство считает, что принятые оговорки противоречат самой сущности и целям конвенции, и таким образом становится невозможным достижение соглашения между этими государствами [16, ст. 19(c)].

Для большинства конвенций ЮНЕСКО в сфере наследия принятие оговорок и заявлений не вызывало особых проблем. Исключением стала Конвенция 1970 г. Данная конвенция допускает оговорки, и это было сделано специально для ее лучшей реализации, с тем чтобы к ней могли присоединяться государства с различными правовыми системами в сфере перемещения культурного наследия и торговли им. Многие государства воспользовались этим и приняли различные оговорки при ратификации данной конвенции. Так, США приняли оговорку и шесть заявлений о том, каким образом они интерпретируют отдельные положения Конвенции 1970 г.

Следует ли заявления приравнять к оговоркам — дискуссионный вопрос. С одной стороны, утверждается, что заявления — это не более чем интерпретация понимания отдельных положений государством, и потому они не имеют такой силы, как оговорки. С этой точки зрения заявления США никоим образом не касаются их обязательств по отношению к другим государствам-участникам. С другой стороны, они могут стать поводом для серьезного пересмотра взаимоотношений между государствами. Так, Мексика в ответ на заявления и оговорку, принятые США при ратификации Конвенции 1970 г., выпустила следующую декларацию: «Правительство Соединенных Штатов Мексики изучило текст комментариев и оговорок к Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности, сделанные Соединенными Штатами Америки 20 июня 1983 г. Оно пришло к выводу, что данные комментарии и оговорки не совместимы с целями и задачами Конвенции, и их применение привело бы к достойным сожаления результатам, разрешив импорт в Соединенные Штаты Аме-

рики культурных ценностей и их реэкспорт в другие страны, что может иметь негативные последствия для культурного наследия Мексики» [18].

Приняв эту декларацию, Мексика не рассматривает США как государство – участника Конвенции, поэтому невозможны любые взаимные права и обязанности между этими государствами.

ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ

Государства принимают на себя обязательства согласно конвенции лишь после вступления ее в силу [16, ст. 24]. Число стран, требуемое для вступления конвенции в силу, зависит от того, как они об этом договорятся при принятии данного документа, и прописано в каждой из конвенций. Это число зависит от предмета конвенции, ее цели, режима международной охраны, который она устанавливает. Например, цель Конвенции 1954 г. и ее Первого протокола – введение такого режима, который защищал бы культурное наследие во время вооруженных конфликтов и был бы эффективным в случае, когда два противоборствующих государства являются участниками Конвенции (поэтому его эффективность не зависит от большого числа участников). Следовательно, в отношении Конвенции 1954 г. и ее Первого протокола было достаточно, чтобы пять государств сдали на хранение документы о присоединении, тогда Конвенция вступала в силу в отношении данных государств. Конвенция 1970 г. и Конвенция УНИДРУА 1995 г. также применяются в отношениях между двумя государствами: импортером и экспортером, поэтому для эффективного функционирования их охранных режимов требовалось, чтобы только три и пять государств соответственно сдали на хранение документы о ратификации для вступления этих конвенций в силу.

В случае внесения значительных изменений в существующий международный режим охраны требуется больше государств для того, чтобы конвенции вступили в силу. Например, Второй протокол 1999 г. ввел существенные изменения в режим Конвенции 1954 г., и для обеспечения их широкого принятия до вступления в силу количество необходимых для этого государств было увеличено до двадцати.

При введении новых конвенциональных систем, основанных на международном сотрудничестве, для их нормального функционирования требуется большое количество государств. Например, конвенции об охране всемирного наследия и подводного наследия

требовали присоединения двадцати государств, а Конвенция об охране нематериального наследия — тридцати.

Обычно конвенции предусматривают наличие периода между сдачей на хранение документа о присоединении и вступлением конвенции в силу для данного государства даже в том случае, если необходимое количество государств уже было достигнуто, и она вступила в силу.

После вступления конвенции в силу государство-участник может выйти из нее, сдав на хранение документ о денонсации конвенции. Все конвенции ЮНЕСКО в сфере культурного наследия предусматривают специальную процедуру денонсации, которая обычно окончательно наступает через три месяца после сдачи на хранение соответствующего документа.

ПЕРЕСМОТР ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

Почти все конвенции ЮНЕСКО в сфере культурного наследия предусматривают возможность пересмотра положений или внесения поправок [13, ст. 39; 19, ст. 15; 14, ст. 25; 9, ст. 37; 17, ст. 31; 10, ст. 38]. Исключение — Второй протокол к Конвенции 1954 г. В конвенции УНИДРУА также говорится о возможности пересмотра либо внесения поправок. Но даже если пересмотр положений и внесение поправок не прописаны самой конвенцией, они возможны согласно статье 40 Венской конвенции.

Впрочем, внесение поправок в конвенцию — очень сложный процесс. Требуется, чтобы все государства-участники согласились с поправками, а это маловероятно. Существенной проблемой было бы также параллельное существование двух режимов охраны при одновременном наличии старой и новой версий конвенции. Одни государства денонсировали бы старую версию и приняли новую, другие отказались бы от новой и продолжали руководствоваться старой, а некоторые могли использовать обе в зависимости от того, с каким государством имели бы дело. Это не очень проблематично в отношениях между двумя государствами, но во взаимоотношениях между несколькими государствами проблемы нарастают. Примером может служить ситуация, возникшая во время войны в Ираке, когда некоторые члены коалиции и Ирак были участниками Гаагской конвенции 1954 г., тогда как ее лидеры — США и Великобритания — на тот момент к ней не присоединились. Более того, некоторые государства являлись членами лишь самой Конвенции и не присоединились к ее Первому протоколу, а другие присоеди-

нились и к Первому протоколу. Это создает множественность правовых взаимоотношений, особенно тогда, когда на практике могут применяться несколько конвенций одновременно.

Нежелание государств пересматривать положения конвенций особенно ярко проявилось в случае Конвенции всемирного наследия. Хотя в определении наследия в тексте документа существуют явные пробелы, для их устранения не было рекомендовано никаких поправок. Правда, в 1992 г. экспертами рассматривалось предложение Италии о пересмотре Конвенции всемирного наследия, но оно так и не было вынесено на дипломатический уровень. Кажется, государства-участники достигли неформального консенсуса относительно того, что следует избегать официального пересмотра конвенций. Недавно вступившие в силу конвенции об охране подводного и нематериального наследия пока не требуют внесения поправок; Гагская конвенция 1954 г. была в определенной степени пересмотрена благодаря принятию Второго протокола в 1999 г. Хотя Конвенция УНИДРУА 1995 г. сняла ряд трудностей и противоречий, возникших при реализации Конвенции 1970 г., именно последняя, с момента принятия которой прошло более сорока лет, нуждается в пересмотре.

ОБРАТНАЯ СИЛА КОНВЕНЦИЙ

Статьей 28 Венской конвенции предусмотрено, что конвенции не имеют обратной силы. Таким образом, положения конвенции не могут применяться в отношении фактов, действий, ситуаций, которые существовали до вступления конвенции в силу для данного государства. Это фундаментальный правовой принцип. Хотя ни одна из конвенций ЮНЕСКО не имеет обратной силы, данное положение вызвало серьезные дебаты при обсуждении Конвенции 1970 г. Развивающиеся страны, обретшие независимость в период деколонизации 1950–1960-х гг., очень хотели вернуть культурное наследие, вывезенное с их территории за время колониального правления и находящееся в государственных и частных коллекциях бывших метрополий. Многие государства считали, что Конвенция будет бесполезной, если не будет иметь обратной силы, поскольку значительная часть их культурного наследия уже была вывезена из страны. Однако если бы Конвенция имела обратную силу, это вызвало бы проблемы, связанные с правом частной собственности владельцев объектов культурного наследия в различных государствах, и привело бы к конституционным проблемам и возможным

нарушениям прав человека. Результатом стало бы игнорирование Конвенции значительным количеством государств. То, что Конвенция 1970 г. не имеет обратной силы, положило начало новой эре в сфере перемещения культурного наследия.

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Международное право и внутригосударственное право относятся к разным уровням. Далеко не всегда вступление договора в силу в отношении государства означает, что договор вступил в силу в данном государстве. Это зависит от конституционной и правовой системы последнего. В отношении взаимодействия международного и внутригосударственного права выделяют два подхода — монистический и дуалистический. Монистический подход предусматривает единую правовую систему, чаще всего устанавливает примат международного права над внутригосударственным (как в случае Республики Беларусь) и характерен для государств с так называемым романо-германским правом. При монистическом подходе конвенция, вступившая в силу в соответствии с правовой и конституционной процедурой государства, становится частью национального законодательства. Дуалистический подход заключается в том, что внутригосударственное и международное право рассматриваются как два различных, самостоятельных правопорядка, поэтому дуалистические государства действуют на двух уровнях, и положения конвенции не являются частью внутригосударственного законодательства до тех пор, пока не принят закон о вступлении ее в силу на национальном уровне. Такой подход характерен для государств с англосаксонским правом.

Если конвенция затрагивает личные права человека, то особенно важно, чтобы обеспечивалась возможность реализации этих прав на национальном уровне. Поскольку конвенции ЮНЕСКО в основном касаются государства и его отношения к культурному наследию, то обычно эти проблемы не возникают. Однако выполнение конвенций 1970 г. и УНИДРУА 1995 г., в которых затрагиваются права собственности отдельных лиц, имеет важные последствия для отдельных граждан. То, насколько реализация конвенции затрагивает внутригосударственное законодательство, зависит от соответствующих национальных законов. Например, когда Великобритания присоединилась к Конвенции 1970 г., было заявлено, что существующее законодательство в целом соответствует Конвенции, и поэтому необходимости в принятии новых законов нет. Были введены лишь поправки в отношении некоторых криминальных правонарушений.

В международном плане важно, что государство не может отказать от выполнения обязательств, возлагаемых на него конвенцией, прикрываясь тем, что положения его конституции достаточны для выполнения данных обязательств. Это отражено в статье 77 Венской конвенции, где говорится: «...участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора». Что касается культурного наследия, это может быть проблематичным в отношении многих федеративных государств, в которых, согласно конституции, культурные вопросы относятся к сфере, регулируемой на уровне субъектов федерации, а не на уровне центрального правительства. В двух конвенциях ЮНЕСКО обращено внимание на подобные случаи. Статья 34 Конвенции всемирного наследия и почти идентичная ей статья 35 Конвенции нематериального наследия предусматривают, что к государствам – участникам Конвенции, имеющим федеральные устройства, относятся следующие положения:

«(а) в том, что касается положений настоящей Конвенции, выполнение которых является предметом законодательной деятельности центральной или федеральной законодательной власти, обязательства федерального или центрального правительства будут теми же, что и обязательства государств-участников, не являющихся федеративными государствами;

(b) в том, что касается положений настоящей Конвенции, выполнение которых является предметом законодательной деятельности каждого из штатов, стран, провинций, кантонов, которые в соответствии с системой федерации не обязаны принимать законодательных мер, федеральное правительство доводит указанные положения до сведения компетентных властей штатов, стран, провинций и кантонов с целью их принятия».

В то время как в статье 34(а) говорится о том, что если выполнение положений Конвенции входит в компетенцию федерального или центрального правительства, то его обязательства будут аналогичны обязательствам унитарных государств, статья 34(б) касается ситуации, когда эти вопросы (входящие в блок культурной политики) относятся к компетенции отдельных субъектов федерации. В любом случае в международном плане именно федеральное либо центральное правительство принимает обязательства по выполнению конвенций и должно оказывать влияние на правительства низшего уровня для принятия теми охранных систем согласно той или иной конвенции. То, что именно федеральное правительство принимает обязательства на международном уровне безотноситель-

но к конституционной системе государства, отражено в статье 30 Конвенции о культурном разнообразии 2005 г., в которой говорится: «...международные соглашения налагают на участников одинаковые обязательства независимо от их конституционных систем...» Вопросы разграничения полномочий между федеральным и местным правительствами возникали в Австралии относительно объекта всемирного наследия «Дикая природа Тасмании» и в Германии касательно Кельнского собора. Остальные конвенции ЮНЕСКО не содержат подобных статей, что отражает основной принцип — государство обязано выполнять положения конвенции независимо от своего конституционного строя.

Конвенции 1954 и 1970 гг. содержат еще и так называемые колониальные статьи, касающиеся того, до какой степени конвенция, к которой государство присоединилось, распространяется «на всю совокупность территорий или на какую-нибудь из территорий, которые Она представляет в международных отношениях» [13, ст. 35; 19, ст. 12]. Такой, на сегодня устаревший, подход использован в Конвенции 1954 г. и в более усовершенствованном варианте — Конвенции 1970 г. В Конвенции 1954 г. и Первом протоколе к ней это расширение можно осуществить путем подачи специальной нотификации в момент ратификации Конвенции. Конвенция 1970 г. предполагает, что ее действие будет распространяться на подобные территории [14, ст. 22]. Отражая процесс деколонизации и самоопределения многих территорий, конвенции о подводном наследии и нематериальном наследии предоставляют право на присоединение территориям, которые, согласно конституционному устройству государств с юрисдикцией на международные отношения данных территорий, имеют право на самостоятельное решение вопросов, связанных с культурным наследием [17, ст. 49]. Конвенция о культурном разнообразии 2005 г. первая и единственная из конвенций ЮНЕСКО в сфере культуры предусматривает присоединение организаций региональной экономической интеграции [20, ст. 27(3)]. В 2006 г. Европейский союз стал членом Конвенции 2005 г. в таком качестве.

Толкование конвенций

Являясь продуктом многосторонних переговоров и строгого отбора, международные конвенции представляют собой компромиссные тексты, удовлетворяющие всех участников переговоров; в некотором смысле каждое из государств-участников вносит в них маленькую долю своей правовой системы. С этой точки зрения

текст конвенции является и составной частью мировой правовой системы, и наименьшим общим знаменателем отдельных национальных правовых систем. Он результат несовершенного по своей природе процесса. Для того чтобы достичь консенсуса по вопросам, которые, не будучи решены, могут нарушить дальнейший ход переговоров, положения конвенций формулируются открытыми для различных толкований. Такая «конструктивная двусмысленность» размывает правовое содержание окончательных положений, но все же является необходимым злом при составлении международных конвенций. Кроме того, процесс принятия конвенций также страдает из-за проблем, связанных с переводом, использованием мнения экспертов, отражающих лишь точку зрения заинтересованных групп, несовершенных проектов, — результат спешки, возникающей в конце долгих, затянувшихся переговоров только из-за того, что время проведения встречи подошло к концу.

Таким образом, каждое государство самостоятельно выбирает, какую международную конвенцию следует принять, а также способ ее имплементации в национальное законодательство при соблюдении духа конвенции. Поскольку имеется множество национальных правовых систем, то существуют и различные формы имплементаций на национальном уровне и толкований положений конвенций. Так как конвенции — продукт трудного переговорного процесса, то неудивительно, что они, скорее, устанавливают общие принципы, а не детальные предписания, предоставляя каждому государству возможность самостоятельного наполнения этих принципов. Трактовка этих конвенциональных норм, какой бы широкой она ни была, подчиняется принципам, изложенным в Венской конвенции.

В целом при толковании конвенций возможны три подхода. Первый во главу угла ставит текст. Это дословный объективный подход, принимающий во внимание употребляемые в тексте слова и выражения. Второй подход выходит за рамки первого при нарастании двусмысленности и направлен на выяснение намерений государств, принявших конвенцию. Третий подход еще шире, и в его рамках объяснение конвенции происходит исходя из ее предмета и цели. В Венской конвенции сочетаются все три подхода.

Первое правило толкования международных договоров содержится в статье 31(1) Венской конвенции: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» [16, ст. 31(1)]. Конкретные способы воплощения данного правила требуют достижения баланса меж-

ду обычным значением использованных слов и предметом и целью конвенции.

Статья 31(2) предусматривает, что конвенция включает как основной текст, так и преамбулу и приложения. Преамбула конвенции является интегральной частью конвенциональной системы и создает контекст для толкования положений конвенции. Во многих случаях (это касается и конвенций ЮНЕСКО в сфере культурного наследия) ключевые принципы изложены в пунктах преамбулы. Многие конвенции имеют также приложения, включая Гаагскую конвенцию 1954 г. и Конвенцию об охране подводного культурного наследия 2001 г.

Согласно статье 31(3) Венской конвенции при толковании конвенций «наряду с контекстом учитываются:

- а) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений;
- б) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования;
- с) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками».

Примером последующего соглашения, которое нужно учитывать при толковании конвенции, служат руководства по выполнению Конвенций 1970, 1972, 2003 гг. и Второго протокола к Гаагской конвенции 1954 г. Поскольку эти руководства постоянно обновляются органами конвенций и применяются ими на практике, они также подпадают под параграф «б», относящийся к последующим практикам. Понятие «последующее соглашение» также может быть применено ко Второму протоколу к Гаагской конвенции 1999 г., позволяющему интерпретировать присоединившимся к нему государствам более раннюю конвенцию в свете его положений.

В статье 32 Венской конвенции говорится об использовании дополнительных средств толкования: подготовительных материалов и обстоятельств заключения договора, «чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31:

- а) оставляет значение двусмысленным или неясным; или
- б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными».

Подготовительные материалы могут содержать важную информацию, касающуюся толкования конвенций. В то же время следует учитывать, что часто эти материалы являются неполными и даже могут вводить в заблуждение, отражая взгляд на проблему только

одного из делегатов. Поэтому их использование возможно только как дополнительное средство толкования для подтверждения значения, проистекающего из статьи 31 либо в случае возникновения проблемы в этом отношении.

Данные принципы толкования предназначены для применения в судебной сфере, когда основная задача — это определение точного значения того или иного положения. Однако судьи не могут изменять положения; они могут лишь толковать их с целью решения возникшего вокруг них спора. Кроме того, при определении значения положений международных конвенций национальные суды стремятся к такому толкованию внутреннего законодательства, которое бы соответствовало нормам конвенций, а также вело к гармонизации внутреннего законодательства с целью и задачами конвенций.

Хотя Венская конвенция этого не предусматривает, тенденция к тому или иному толкованию положений конвенций в определенной степени зависит от способа внедрения ее норм в национальное законодательство. Государства с монистическим подходом к международному праву не обязательно принимают специальные законы регулирования той сферы, которую затрагивает конвенция, и опираются на саму конвенцию. Дуалистические государства должны вносить изменения во внутреннее законодательство, если оно не соответствует нормам конвенции. Кроме того, природа конвенционального режима определяет, обязательно или нет изменение внутреннего законодательства. Например, Конвенция 1970 г. затрагивает права собственников, поэтому некоторые государства, такие как Австралия и США, сочли необходимым внести поправки во внутреннее законодательство; Великобритания же сделала это в весьма ограниченном масштабе.

В то же время Конвенция всемирного наследия требует от всех государств принятия мер по созданию режима сотрудничества, предусмотренного Конвенцией, что можно сделать без внесения изменений во внутреннее законодательство, и поэтому лишь немногие государства внесли такие изменения.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, НАЛАГАЕМЫЕ КОНВЕНЦИЯМИ

Цитируемая в качестве основополагающего принципа, регулирующего конвенциональное законодательство, статья 26 Венской конвенции предусматривает, что «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно

выполняться». Этот принцип восходит к латинскому выражению *Pacta sunt servanda* («Договоры должны выполняться»). Сами по себе конвенции ЮНЕСКО в сфере культурного наследия не предоставляют защиту культурному наследию; ее обеспечивают государства, добровольно принимающие на себя обязательства по реализации конвенций.

Государство, на чьей территории находится культурное наследие. Международный правовой порядок основан на принципах суверенитета и равноправия всех государств. Все системы охраны культурного наследия требуют активного участия стран, на территории которых оно располагается. Каждое государство обладает абсолютной верховной властью над своей территорией и, следовательно, над культурным наследием, находящимся на его территории. Поэтому фундаментальный принцип международного права состоит в том, что государство может распоряжаться этим наследием так, как пожелает. Присоединяясь к международным конвенциям, страна соглашается с принятием конкретных обязательств в отношении культурного наследия, которые требуют от нее определенных действий в отношении этого наследия (или воздержания от таковых). Конвенция может также допускать вмешательство других государств или международных организаций (например, ЮНЕСКО) в дела, связанные с культурным наследием. Любые подобные действия, согласующиеся с конвенциональным режимом, не являются нарушением суверенитета государства. Другими словами, суверенитет государства согласуется с ограничениями, представляющими собой свободно принимаемые обязательства, вытекающие из международных договоров.

Например, Конвенция всемирного наследия основана на фундаментальном принципе, согласно которому государство — это центральная фигура международного режима охраны культурного наследия. Конвенцией предусмотрено, что, исходя как из практических соображений, так и из принципа суверенитета государств, именно государства, на территории которых находится культурное наследие, должны заниматься его охраной. В то же время, присоединяясь к Конвенции, государство-участник признает, что часть наследия, находящегося на его территории, должна рассматриваться как всемирное достояние. Этот один из видов проявления суверенитета. Еще одно проявление суверенитета состоит в том, что государство может в любой момент выйти из Конвенции через процесс денонсации. Такие же принципы действуют в отношении Конвенции 2003 г. и в некоторой степени — Конвенции 2001 г.

Содержание обязательств, налагаемых конвенциями, значительно различается в каждом конкретном случае. Конвенции всемирного наследия и нематериального наследия не вводят много норм в смысле предписывающих правил. Они создают международные схемы сотрудничества и прописывают, каким образом эти схемы должны функционировать.

Другие государства – участники конвенции. Многосторонние конвенции, такие как конвенции ЮНЕСКО в сфере культурного наследия, являются, по сути, законотворчеством, т. е. установлением стандартов в том смысле, что они стремятся к достижению общего эффекта и введению новых норм в международное право, согласно которым будут действовать и взаимодействовать государства-участники. Это предполагает установление новых правил поведения для последних.

Международные конвенции по своей природе похожи на контракт и создают систему взаимных обязательств между государствами-участниками. Таким образом, обязательства являются взаимными (лат. *inter partes*) в отношении заключающих их государств. Поэтому в случае нарушения обязательств конвенции одной стороной другая может потребовать от первой возмещения причиненного ущерба. Такая ситуация возможна в отношении Конвенции 1954 г. Когда одна сторона разрушает культурное наследие другой, она тем самым разрывает «контракт», заключенный между ними. Подобным образом разрыв Конвенции 1970 г. возможен, когда одно государство нарушает ее, разрешив, например, ввоз культурного наследия, похищенного из национального музея другого государства-участника. Обычно в таких случаях пострадавшее государство требует возмещения ущерба. В некоторых государствах это прописано в национальном законодательстве по имплементации Конвенции 1970 г.

Многосторонние конвенции могут также устанавливать обязательства по отношению ко всем договаривающимся сторонам (лат. *erga omnes contractantes*). Это значит, что, принимая многостороннюю конвенцию, каждое государство берет на себя обязанности, присущие другим государствам-участникам, и потому несоблюдение государством принятых на себя согласно конвенции обязательств нарушает общие интересы всех государств-участников. Исходя из этого, каждое государство – участник конвенции может предпринимать действия против государства-нарушителя независимо от того, считается ли оно непосредственно потерпевшим. То, являются ли обязательства, налагаемые конвенцией, *erga omnes contractantes*, во

многим зависит от ее режима. В некоторых случаях конвенции создают систему международного сотрудничества (например, конвенции всемирного и нематериального наследия), обязуя государства сохранять культурное наследие на своей территории. Нарушение данного обязательства не всегда затрагивает другие государства, однако существует мнение, что в рамках конвенции всемирного наследия обязательства каждого государства-участника по отношению к объектам всемирного наследия, находящимся на его территории, имеют значение для всего человечества, и потому нарушение этих обязательств затрагивает всех остальных государств-участников.

Третьи государства. Фундаментальный принцип международного права состоит в том, что конвенции не накладывают прав и обязанностей на государства, которые к ним не присоединились (так называемые третьи государства), без их согласия. По этой причине третье государство может выразить письменное согласие принять на себя соответствующие обязательства без присоединения к конвенции. Если конвенция предоставляет третьему государству какие-либо права, данное государство не обязано выражать на это свое согласие, разве только оно даст знать, что не желает предоставления себе этого права [16, ст. 36(1)]. Предоставление прав какому-либо третьему государству на практике может означать передачу этих прав целой группе третьих государств, и в этом смысле оно применимо к любому государству, т. е. к международному сообществу.

Возможность того, что третьи государства могут быть наделены правами и обязанностями, предусмотрена Конвенцией нематериального наследия. Первые элементы, включенные в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, — бывшие элементы Списка шедевров устного и нематериального наследия человечества, учрежденного ЮНЕСКО в 1997 г. [10, ст. 31]. При этом многие государства, чьи элементы вошли в Репрезентативный список, не являются участниками Конвенции нематериального наследия. Это затруднение несколько смягчается тем обстоятельством, что налагаемые обязательства не слишком обременительны и выгоды значительно перевешивают обязанности.

Международное сообщество. Не существует единой правовой реальности под названием «международное сообщество». На деле это сообщество равноправных суверенных государств. Данные государства могут (иногда при помощи конвенций) решать стоящие перед ними проблемы наиболее подходящими для этого способами, например через ООН или ЮНЕСКО либо через конвенциональный

режим, установленный, к примеру, Конвенцией всемирного наследия. Таким образом, ссылки в международных конвенциях и других международных документах на международное сообщество должны рассматриваться как относящиеся к сообществу всех суверенных государств.

Однако в узком смысле международное сообщество может означать только сообщество государств – участников конкретной конвенции. В случае узкого прочтения данного выражения права и обязанности государств ограничены взаимными правами и обязанностями, вытекающими из конвенции.

2.2. «МЯГКОЕ ПРАВО»

«Мягкое право» – термин, используемый для обозначения международных документов, не накладывающих правовых обязательств на государства. Оно устанавливает определенные стандарты и рекомендует государствам предпринимать определенные шаги в конкретном направлении при решении тех или иных проблем. ЮНЕСКО очень часто принимает документы мягкого права по вопросам, относящимся к культурному наследию. Они имеют форму рекомендаций и деклараций. Рекомендации содержат принципы и предписания, которые должны послужить основой внутреннего законодательства, административных процедур и политических решений, касающихся определенных вопросов. ЮНЕСКО приняла целый ряд рекомендаций в сфере культурного наследия (см. Международные и национальные правовые акты и документы).

В декларациях излагаются общие принципы по какому-либо вопросу. Самые известные декларации ЮНЕСКО – это *Декларация о культурном разнообразии* 2001 г. и *Декларация, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия* 2003 г. Определенное значение для охраны некоторых видов наследия имеет также *Декларация ООН о правах коренных народов* 2007 г. Хотя и рекомендации, и декларации – это международные документы, они не накладывают никаких обязательств на государства. В то же время рекомендации играют важную роль в создании конвенций. Так, предшественницей Конвенции 1970 г. была Рекомендация 1964 г., а Конвенции 2003 г. – Рекомендация 1989 г. Рекомендации играют важную роль в информировании о проблемах и создании общей международной основы в сфере охраны культурного наследия.

2.3. МАНДАТ ЮНЕСКО

Концепция общечеловеческого культурного наследия предусматривает создание независимого от государств международного административного режима, который мог бы представлять все человечество. В сфере культурного наследия ведущей организацией, устанавливающей институциональный механизм охраны культурного наследия, является ЮНЕСКО.

В 1945 г. Бразилия внесла предложение о включении в Устав ООН положения о признании культуры общим наследием человечества и создании международного органа, занимающегося сотрудничеством в сфере сохранения культурного наследия. Хотя это предложение не было принято, его теоретические принципы стали основой создания Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО. «Организация ставит себе задачей содействовать укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций» [12, ст. 1(1)].

Для реализации этой цели ЮНЕСКО наделена тремя важными функциями. *Первая* — функция сотрудничества и взаимодействия, при реализации которой ЮНЕСКО действует в качестве посредника между государствами при решении проблем, важных для всего человечества. Не будучи глобальным администратором, являясь, по сути, конгломератом государств-членов, ЮНЕСКО тем не менее способна проявлять некоторую самостоятельность в сфере культурного наследия и создавать совместно с государствами соответствующие системы сотрудничества. *Вторая* важная функция, вытекающая из первой, заключается в том, что ЮНЕСКО «рекомендует с этой целью заключать международные соглашения, которые она сочтет полезными...» [12, ст. 1(2a)]. Эта функция реализуется в конвенциях, рекомендациях и декларациях, принимаемых при содействии ЮНЕСКО. *Третья* важная функция ЮНЕСКО — достижение своих целей посредством образования, распространения знаний и взаимопонимания; ее она осуществляет, «заботясь о сохранении и охране мирового наследия человечества — книг, произведений искусства и памятников исторического и научного значения...» [12, ст. 1(2c)].

Будучи межправительственной организацией, ЮНЕСКО отражает точку зрения государств — ее членов и потому не может быть

абсолютно независимой. Она выступает органом, ответственным за координацию усилий по сохранению культурного наследия всего мира, и ее мандат предоставляет ей возможность действовать в упреждающей манере, формулируя рекомендации, предоставляя обеспечение техническими службами, координируя инициативы, давая советы и действуя в качестве посредника в случае возникновения конфликтов между государствами-членами. Однако эта упреждающая природа ЮНЕСКО ограничена рамками программ, а также бюджетом, который формируется государствами-участниками. ЮНЕСКО не имеет полиции и возможности введения санкций. Ее авторитет чисто моральный, и именно его она задействует для охраны культурного наследия. Это достигается различными способами: убеждением; политическим давлением на правительства (особенно на представительных международных форумах); путем предоставления технической, административной, а иногда и финансовой помощи. Благодаря использованию этих мер ЮНЕСКО часто удалось содействовать сохранению культурного наследия. В качестве примеров можно привести предотвращение строительства завода по переработке боксидов возле археологических достопримечательностей в Дельфах (Греция); предупреждение затопления древних наскальных рисунков в долине Коа из-за строительства дамбы (Португалия); остановку строительства шоссе возле пирамид Гизы (Египет); предотвращение строительства канатной дороги в Мачу-Пикчу (Перу).

Такая роль ЮНЕСКО связана не только с реализацией ее устава, но и с теми полномочиями, которые предоставляются ей некоторыми конвенциями в сфере охраны культурного наследия, принятыми при ее содействии. Эти взаимоотношения с каждым конвенциональным режимом уникальны.

2.4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЮНЕСКО И КОНВЕНЦИЯМИ ЮНЕСКО В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Международные конвенции могут спонсироваться и приниматься Генеральной конференцией ЮНЕСКО согласно ее Уставу. Однако после вступления конвенции в силу она начинает жить собственной жизнью и связывает только те государства, которые стали ее участниками. Иногда это может вызывать проблемы, так как в переговорах по конвенции, спонсируемых ЮНЕСКО, не обяза-

тельно участвуют исключительно государства — члены этой организации. ЮНЕСКО просто предоставляет переговорную площадку для сторон, обсуждающих конвенцию. Поэтому государство может стать участником конвенции, не являясь членом ЮНЕСКО, а Генеральная ассамблея государств — членов конвенции не может налагать обязательства на третьи государства. Поскольку ЮНЕСКО сама создана на основе многосторонней конвенции, государства — участники конвенции не могут накладывать обязательства на государства через Генеральную конференцию, Исполнительный совет или секретариат, за исключением специальной процедуры, предусмотренной Уставом. Как только конвенция вступает в силу, она становится независимой от своего родителя — ЮНЕСКО. Поэтому если конвенция создает любые специфические отношения между ЮНЕСКО и одним из своих специальных органов, возникают трудности с разделением полномочий. Например, когда США и Великобритания выходили из ЮНЕСКО в определенные периоды, это вызывало серьезные трудности при их взаимодействии с органами, учрежденными конвенциями, участниками которых они являлись, поскольку те создавались на базе ЮНЕСКО.

Первым административным органом, организованным для конвенции ЮНЕСКО в сфере культурного наследия, стал Комитет всемирного наследия, учрежденный Конвенцией всемирного наследия. Он, а также секретариат, созданный для помощи Комитету (Центр всемирного наследия), приложили немало усилий для реализации Конвенции. Центр всемирного наследия — уникальный орган, не предусмотренный никакой другой конвенцией в сфере культурного наследия. Его роль очень велика, но плохо определена, что привело к возникновению напряжения между Центром, Комитетом всемирного наследия, Генеральной ассамблеей государств-участников и другими органами ЮНЕСКО. При разрешении этого конфликта было установлено: несмотря на то что каждая конвенция и созданные ею органы автономны, требуется тесное взаимодействие для обеспечения скоординированной и непротиворечивой реализации всех конвенций в сфере культурного наследия.

Прочие органы конвенций представлены комитетами, созданными для содействия имплементации соответствующих конвенций. Хотя Гагская конвенция 1954 г. не предусматривала создания специального комитета, Второй протокол 1999 г. учредил *Комитет по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта* [21, ст. 24]. Подобные комитет и секретариат были созданы Конвенцией нематериального наследия [10, ст. 5, 10]. Конвенция под-

водного наследия предусматривает создание *Консультативного научно-технического органа* с ограниченными административными полномочиями, который призван лишь оказывать «соответствующее содействие Совещанию государств-участников в научных и технических вопросах, связанных с применением Правил» [17, ст. 23]. Косвенно секретариатом Конвенции подводного наследия выступает сама ЮНЕСКО, поскольку статья 24 говорит, что «Генеральный директор обеспечивает секретариатское обслуживание Конвенции». Конвенция 1970 г. не создала никакого комитета или органа по реализации своих положений, так как предусматривалось, что каждое государство будет само в состоянии реализовать Конвенцию. Все же в 1978 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО учредила *Межправительственный комитет содействия возврату культурных ценностей в случае их незаконного присвоения*. Комитет служит посредником между государствами-участниками в случаях конфликтов между ними по вопросам возвращения или реституции культурных объектов, а также является совещательным органом и форумом для двусторонних переговоров и инициирует механизмы защиты культурных ценностей. В 2013 г. на внеочередном совещании государств – участников Конвенции 1970 г. был создан Вспомогательный комитет Конвенции и состоялись выборы 18 его членов. Такое ретроспективное создание комитетов для двух первых конвенций – признание потребности в координирующем органе, который помогает их реализации.

Хотя эти органы самостоятельны, они находятся под сильным влиянием ЮНЕСКО и вместе представляют силу, которая может активно способствовать сохранению культурного наследия; в то же время они служат механизмом, благодаря которому государства-участники могут взаимодействовать, создавая общий глобальный режим охраны. Таким образом, ЮНЕСКО, будучи организацией, созданной благодаря воле государств-членов, может проявлять собственную инициативу и обладает определенной независимостью.

Конвенциональные режимы предусматривают также другие механизмы взаимодействия государств-членов с ЮНЕСКО. Например, Гагская конвенция 1954 г. заявляет, что «Высокие Договаривающиеся Стороны могут заключать специальные соглашения по всем вопросам, которые, по их мнению, должны быть урегулированы особо». Более того, на основании статьи 23(2) Гагской конвенции ЮНЕСКО может делать предложения государствам-участникам по собственной инициативе. Возможность запроса помощи от ЮНЕСКО была использована, к примеру, Ливией, когда Израиль

оккупировал ее южную часть. Власти Ливии попросили ЮНЕСКО прислать своего представителя на место археологических раскопок Тира в целях обеспечения его охраны благодаря мониторингу за деятельностью на данном объекте. Это было выполнено. Кроме того, представитель разместил вокруг объекта отличительный знак Конвенции 1954 г. Подобная упреждающая деятельность должна осуществляться ЮНЕСКО и в случае конфликтов, не носящих международного характера. В этом случае организация предлагает свои услуги противоборствующим сторонам, чтобы обеспечить выполнение положений Конвенции 1954 г. во время вооруженного конфликта [13, ст. 19(3)]. Второй протокол 1999 г. еще раз подтвердил эти полномочия [21, ст. 22(7), 33].

Конвенция 1970 г. также позволяет государствам-участникам обращаться в ЮНЕСКО за технической помощью, особенно в отношении информации и образования, консультирования и помощи экспертов, взаимодействия и посредничества. В Конвенции 1970 г. инициативы ЮНЕСКО прописаны еще более детально: они включают проведение исследований, публикацию научных работ, посвященных вопросам незаконного перемещения культурных ценностей, а также внесение предложений государствам-участникам по реализации Конвенции [14, ст. 17]. Конвенция подводного наследия больше направлена на сотрудничество между государствами в поиске механизмов, которые обеспечили бы ее реализацию, а не обращение за помощью к ЮНЕСКО. Конвенции всемирного наследия и нематериального наследия, по своей сути системы международного сотрудничества, отличаются от других конвенций в вопросах сотрудничества с ЮНЕСКО — центром, где размещаются их комитеты и секретариаты; такая роль ЮНЕСКО отражена во многих положениях этих документов. Нет ничего удивительного в том, что ЮНЕСКО наиболее активна в отношении этих конвенций, что особенно выражается в деятельности Комитета всемирного наследия и Центра всемирного наследия.

Таким образом, обычно роль ЮНЕСКО по отношению к конвенциям сводится к технической помощи. При принятии Конвенции 1954 г. это было сделано специально для минимизации взаимоотношений государств-участников с ЮНЕСКО, с тем чтобы государства, не являющиеся членами ЮНЕСКО, присоединились к Конвенции. Установление конвенционального режима сотрудничества, характерного для Конвенции всемирного наследия, требует, естественно, иного подхода, при котором ЮНЕСКО становится неотъемлемой частью режима охраны.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Назовите основные этапы принятия государствами обязательств согласно конвенциям.
2. Как реализуются конвенции на национальном уровне?
3. Чем отличаются режимы охраны культурного наследия, установленные согласно разным конвенциям ЮНЕСКО?
4. Каким образом конвенции ЮНЕСКО в сфере охраны культурного наследия могут затрагивать интересы третьих стран?
5. Охарактеризуйте суть взаимоотношений между ЮНЕСКО и конвенциями ЮНЕСКО в сфере культурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галенская, Л. Н. Музы и право. Правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры / Л. Н. Галенская. – Л. : ЛГУ, 1987.

Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко. – Минск : Тесей, 1999.

ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.unesco.org/>. – Дата доступа: 15.02.2016.

Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Руководство Генеральной конференции. – Париж : ЮНЕСКО, 2002.

Глава 3

ЗАЩИТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СЛУЧАЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Во время ведения войн культурное наследие практически всегда подвергается разрушениям. Иногда они происходят случайно. Нередко противоборствующие стороны оправдывают их военной необходимостью. Однако очень часто разрушения культурных ценностей осуществляются намеренно, в целях уничтожения исторической памяти о противнике, его культуры и веры. Такая судьба постигла Карфаген в 146 г. до н. э., Варшаву в конце 1944 – начале 1945 гг., армянское кладбище в Джульфе в 1998–2005 гг., руины Пальмиры в 2015 г. и многие другие выдающиеся образцы культурного наследия в разные эпохи по всему миру. Иногда намеренное разрушение памятников, храмов и произведений искусства становится частью геноцида. Так, нацистский режим уничтожал любые материальные свидетельства присутствия еврейского народа на территории Рейха и оккупированной Европы, стирая с лица земли синагоги, кладбища, памятники, школы.

3.1. ГААГСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СЛУЧАЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА 1954 г.

Гаагская конвенция 1954 г. – это реакция на массовые разрушения европейского культурного наследия во время Второй мировой войны. Ее целью было устранение недостатков Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. и дополнение послевоенных Женевских конвенций.

Конвенция стремится достичь почти невозможного баланса между интересами военных, с одной стороны, и защитой культурных ценностей — с другой. Для того чтобы Конвенция могла быть принята государствами с большими и потенциально активными вооруженными силами, потребовалось привнести в нее доктрину военной необходимости. Целью создателей Конвенции было написание «реалистичного», а не «идеального» ее варианта с надеждой на то, что скромные, а не принудительные положения лучше послужат делу охраны наследия, чем режим, предполагающий полную неограниченную защиту. Хотя казалось, что требуемый баланс был найден, это положение стало предметом непрекращающихся дебатов с момента вступления Конвенции в силу в 1956 г.

Центральный пункт Конвенции представляет собой требование, чтобы защита культурных ценностей включала их охрану и уважение [13, ст. 2]. Материальная защита как аспект охраны и правовые ограничения как часть уважения культурного наследия требуют принятия ряда позитивных и негативных мер и в мирное время, и во время вооруженного конфликта, причем обеими сторонами: государством, на чьей территории находятся подлежащие охране культурные ценности, а также государством, которое может быть вовлечено в конфликт на территории первого государства. В то время как такой режим охраны распространяется на все культурное наследие, подпадающее под определение Конвенции, был установлен и более строгий охранный режим для ограниченной категории культурных ценностей, «имеющих очень большое значение». Общий и специальный режимы охраны дополняют правила перевозки культурных ценностей, положения о персонале, задействованном при защите культурных ценностей, и об обмене информацией и международном контроле для обеспечения охраны. Многие из этих правил прописаны не в основном тексте Конвенции, а в Исполнительном регламенте, который является неотъемлемой ее частью [13, ст. 20]. Наконец, Конвенция учредила свой видимый знак — сине-белый щит, который можно использовать однократно для обозначения культурных ценностей, находящихся под общей защитой, или трехкратно для обозначения культурных ценностей, находящихся под специальной защитой [13, ст. 6, 10, 16, 17].

К сожалению, оказалось невозможным достичь согласия по всем аспектам режима охраны. Так, многие государства не согласились с правилами, касающимися вывоза культурных ценностей с оккупированных территорий. Поэтому статьи, регулирующие этот вопрос, были не включены в Конвенцию, а вынесены в отдельный прото-

кол, что позволило многим государствам присоединиться к ней без принятия на себя этих обязательств.

Конвенция применялась многими государствами-участниками во время многочисленных вооруженных конфликтов. Однако разрушение культурных ценностей во время ввода советских войск в Афганистан, Ирано-Иракской войны, Первой и Второй войн в Персидском заливе, конфликтов между Вьетнамом и Камбоджей, на территории бывшей Югославии, в Палестине выявило многие нестыковки в Конвенции, что потребовало ее пересмотра в виде Второго протокола 1999 г. [22, с. 54].

Руководящие принципы преамбулы

В преамбуле представлен как исторический контекст Конвенции, так и основные принципы, лежащие в основе ее статей. К историческому контексту Конвенции относится четвертый пункт, где говорится о том, что составители руководствовались «принципами защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, установленными в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. и в Вашингтонском пакте от 15 апреля 1935 г.». Кроме того, в первом пункте констатируется, что «культурным ценностям был нанесен серьезный ущерб в ходе последних вооруженных конфликтов», отсылая тем самым к событиям Второй мировой войны.

Второй и третий пункты представляют собой первое международное признание идеи существования общего культурного наследия всего человечества и необходимости его охраны. В них заявляется, что «ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для культурного наследия всего человечества, поскольку каждый народ вносит свой вклад в мировую культуру», а «сохранение культурного наследия имеет большое значение для всех народов мира». Как видно, эти принципы относятся не к государствам и международному сообществу, а к народам и человечеству, что отражает их гуманный характер и указывает на основных бенефициариев.*

Разрушение культурных ценностей во время войны часто влекло за собой призывы к их защите на том основании, что культурное наследие — это общее наследие человечества, которое должно быть выше конфликтов между отдельными государствами. Такие собы-

* Бенефициарий (от лат. *beneficium* — благодеяние) — лицо, получающее выгоду от чего-либо.

тия, как обстрелы прусской стороной аббатства Сен-Дени и других важных объектов культурного наследия в Страсбурге и Париже во время франко-прусской войны, разрушение кафедрального собора в Реймсе и Лувенской университетской библиотеки во время Первой мировой войны, вызвали осуждение международным сообществом уничтожения «общего наследия культурных наций». Данная позиция выражена и в Пакте Рериха, который был поддержан Международным бюро музеев при Лиге Наций. Кроме того, в 1938 г. Лига Наций подготовила проект международной Конвенции об охране исторических зданий и произведений искусства во время войны, в которой также говорилось об общем наследии. Лучше всего это отразилось в официальном комментарии Международного бюро музеев, где отмечалось, что это общая проблема для «всех правительств и народов, которые заботятся о сохранении их общего художественного и исторического наследия» [5, с. 20]. В статье 5(1) проекта Конвенции речь шла о том, что участники должны нести общую и индивидуальную ответственность за охрану во время войны памятников, представляющих художественный и исторический интерес. К ним относились, согласно статье 7(б), «строения, сохранение которых является предметом заботы всего международного сообщества».

Наконец, преамбула не только предписывает государствам-участникам предпринимать «все возможные меры для защиты культурных ценностей», но также признает, что «для эффективности защиты этих ценностей она должна быть организована еще в мирное время принятием как национальных, так и международных мер». Это упоминание об обязанностях, которые следует выполнять в мирное время, а также призыв к государствам реализовывать Конвенцию путем внесения изменений в национальное законодательство подчеркивают разницу между новой Конвенцией и предыдущими.

СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

Конвенция 1954 г. — часть послевоенного развития международного гуманитарного права, которая тесно связана с Женевскими конвенциями 1949 г. Поэтому сфера ее применения служит отражением сферы применения Женевских конвенций и включает конфликты международного характера, которые могут возникнуть между двумя и более Высокими Договаривающимися Сторонами независимо от их официального объявления, и даже те случаи, когда одна из сторон не признает формального состояния войны [13, ст. 18(1)]. Последнее замечание особенно важно, поскольку лишь

немногие государства, вовлеченные в современные вооруженные конфликты, официально провозглашали состояние войны.

Понятие «международный вооруженный конфликт» может толковаться весьма широко и относиться к любому вторжению вооруженных сил одного государства на территорию другого. Таким образом, состояние международного вооруженного конфликта возникает безотносительно к акту объявления войны и того, каким образом начались военные действия и имеют ли они легальный характер. В результате, несмотря на споры о легальности вторжения коалиционных войск в Ирак в 2003 г., с точки зрения международного права это никоим образом не затрагивает реальности военного конфликта с позиции Конвенции 1954 г. Однако для вступления Конвенции в действие необходимо, чтобы в конфликте участвовали по меньшей мере два государства. Если в конфликте задействовано более двух государств, не требуется, чтобы все они были участниками Конвенции. Согласно статье 18(3), «если одна из Держав, находящихся в конфликте, не участвует в настоящей Конвенции, Державы, являющиеся Сторонами этой Конвенции, в своих взаимоотношениях остаются, тем не менее, связанными ее постановлениями. Кроме того, Они будут связаны Конвенцией по отношению к указанной Державе, если последняя заявила о принятии положений Конвенции и поскольку Она их применяет». Например, если одни государства – члены коалиции, вторгшейся в Ирак в 2003 г., были участниками Конвенции 1954 г. (Австралия, Польша), то ее лидеры – США и Великобритания – нет. Государства – участники Конвенции при этом должны выполнять принятые на себя согласно Конвенции взаимные обязательства. Более того, если государство, не являющееся членом Конвенции, заявляет, что оно соглашается с ее положениями, то государства-участники имеют по отношению к нему такие же обязательства, как и к другим участникам Конвенции в той степени, в которой это касается их. Такая ситуация возникла в 1962 г., когда ФРГ, столкнувшаяся с конституционными трудностями при ратификации Конвенции 1954 г., заявила, что она принимает на себя обязательства согласно Конвенции.

То, насколько широко следует применять Конвенцию, следует из статьи 18(2): «Конвенция также будет применяться во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встречает никакого военного сопротивления». Это в полной мере относится к ситуации с Крымом, который с марта 2014 г. является объектом территориальных разногласий между Украиной и Российской Федерацией.

Впрочем, во многих современных конфликтах противоборствуют не независимые государства, и с этой точки зрения они не носят международного характера. Часто объявление конфликта «международным» — это политический вопрос, связанный с признанием того или иного режима государством. Если два государства вовлечены в конфликт, а одно из них не признает законность правящего режима другого, это не означает, что конфликт не носит международного характера. Например, хотя в 1996 г. силы коалиции отказались признать талибан законным правительством Афганистана, он являлся правительством де-факто, поскольку контролировал большую часть территории страны. Следовательно, данный конфликт нужно считать международным. Более сложной представляется ситуация, когда возникают обоюдные претензии на ту или иную территорию, как в случае с Израилем и Палестинским государством или Сербией и Косово. Еще более трудные те конфликты, в которых одно государство выступает против негосударственного противника, находящегося на территории другого государства. Так, во время вторжения в Ливан в 1982 г. Израиль заявил, что оно направлено не против государства Ливан как такового, а против Организации освобождения Палестины, базирующейся на его территории. Однако, реализуя широкий подход к Конвенции 1954 г., Израиль применял ее положения в этом конфликте.

Конвенция стремится распространить свой режим защиты и на конфликты, которые не носят очевидного международного характера. В статье 19(1) говорится: «В случае вооруженного конфликта, не имеющего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон, каждая из Сторон, участвующих в конфликте, будет обязана применять, по крайней мере, положения настоящей Конвенции, относящиеся к уважению культурных ценностей». Эта статья может применяться во время конфликтов, носящих характер гражданской войны, или внутренних конфликтов с участием освободительных движений. В таких случаях члены Конвенции продолжают придерживаться обязательств согласно Конвенции. Самую большую проблему при этом представляет попытка возложить международные обязательства на участников внутригосударственного конфликта, которые не имеют государственных структур и не могут иметь никаких международных прав и обязательств. Таким образом, когда статья 19(1) применима к государствам, чьи вооруженные силы вовлечены в конфликт, гораздо труднее применить их другой противоборствующей стороне. Особенно наглядно эта ситуация про-

явилась в последние годы в связи с вооруженным конфликтом в Сирии и Ираке, связанным с деятельностью так называемого Исламского государства. Тем не менее Конвенция служит попыткой установления общего режима охраны и предусматривает, что «стороны, находящиеся в конфликте, приложат все усилия к тому, чтобы ввести в действие путем специальных соглашений все или часть постановлений настоящей Конвенции» [13, ст. 19(2)]. В целях поощрения заключения таких специальных соглашений Конвенция предусматривает, что «применение указанных выше положений не будет затрагивать юридический статус Сторон, находящихся в конфликте» [13, ст. 19(4)]. Таким образом, при вступлении такого соглашения в силу речь идет не о том, что одна из сторон признает законность или сам факт существования другой стороны; Конвенция стремится исключить возможные политические последствия подобных соглашений. Кроме того, для поощрения сотрудничества между противоборствующими сторонами Конвенция уполномочивает ЮНЕСКО предоставлять свои услуги сторонам конфликта в целях реализации ее положений.

В отношении статьи 19 существует много неопределенностей. Например, неясно, какой уровень беспорядков или насилия позволяет говорить о конфликте, не носящем международного характера. Попытки во время переговоров определить понятие «конфликт» провалились, давая тем самым возможность применять Конвенцию во время самых разных событий, начиная от бандитизма и заканчивая гражданской войной. Поскольку сегодня существует много сложных форм вооруженных конфликтов, в которые часто вовлечены негосударственные стороны, движения сопротивления, международные миротворческие силы, террористические организации, а также принимая во внимание, что конфликты могут носить одновременно как международный, так и внутренний характер, следует стремиться к самому широкому толкованию статей 18 и 19 Конвенции для того, чтобы обеспечить ее широкое применение. При этом возможно одновременное применение обеих статей относительно одного и того же конфликта для того, чтобы затронуть все противоборствующие стороны.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Согласно замыслу создателей Конвенции 1954 г. определение культурных ценностей должно было максимально конкретно очертить объект охраны, так как чем уже пределы охранного режима,

тем выше вероятность достижения адекватной охраны. Указывалось на то, что масштаб применения Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. был определен слишком широко, результатом чего стало отсутствие охраны культурных ценностей во время мировых войн. Главная трудность переговоров по данному вопросу – сужение определения при одновременном обеспечении охраны всей соответствующей сферы наследия. Поэтому определение Конвенции содержит как суживающие, так и расширяющие черты.

Дефиниция включает как движимые, так и недвижимые объекты безотносительно к их происхождению и владельцам. Статья 1(а) содержит неисчерпывающий перечень того, что входит в это понятие: «...памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше». При этом имеются в виду ценности, «...которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа». Таким образом, культурные ценности, согласно Конвенции, представляют собой сумму культурных ценностей всех отдельных государств. Это следует также из второго пункта преамбулы Конвенции (см. выше). Таким образом, культурные ценности – это, скорее, совокупное, чем общее наследие человечества.

Кроме того, определение культурных ценностей содержит еще два пункта: «здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей» [13, ст. 1(б)] и «центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах “а” и “б”, так называемые “центры сосредоточения культурных ценностей”» [13, ст. 1(в)]. Неисчерпывающий список включен в определение для иллюстрации видов объектов и включает музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов и укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а». «Центры сосредоточения культурных ценностей» представляют собой, как правило, центры городов с высокой концентрацией исторических зданий, в которых хранится большое количество движимых культурных ценностей; это понятие было введено в целях недопущения повторения таких со-

бытий, как бомбардировки Дрездена или Эксетера во время Второй мировой войны.

Очевидно, что защите подлежат те культурные ценности, которые определяет каждое конкретное государство. Потому конкретный набор таких ценностей сильно разнится от государства к государству и зависит от многих факторов, главный из которых — национальное законодательство, а также подход к составлению списков или инвентарей культурных ценностей. При этом несложно выявить государства, поступающие в этом отношении недобросовестно. Это касается случаев использования наследия, явно имеющего большое значение, в качестве военных объектов, когда государство заявляет о его невысоком культурном значении. Могут быть и противоположные ситуации, когда объекты, не имеющие культурного значения, провозглашаются важными только для того, чтобы послужить щитом для военной техники.

Ключевые обязательства согласно Конвенции

Ключевой статьей Конвенции 1954 г. является статья 2, в которой говорится, что «защита культурных ценностей, согласно настоящей Конвенции, включает охрану и уважение этих ценностей». Таким образом, вводятся два отдельных обязательства: охрана культурных ценностей и их уважение. Вместе эти понятия возлагают на государства позитивные обязательства — предпринимать определенные действия — и негативные — воздерживаться от некоторых действий в отношении культурных ценностей. Эти обязательства следует реализовывать как в мирное время, так и во время вооруженного конфликта, причем обоим государствам: тому, на территории которого находятся культурные ценности, подлежащие охране, и тому, которое может быть вовлечено в вооруженный конфликт на территории другого государства. Конвенция требует от государств-участников выполнения обязательств до, во время и после вооруженного конфликта.

Сохранение культурных ценностей. Введение обязательства сохранять культурные ценности — важное достижение Конвенции, поскольку предполагает реализацию определенных шагов по охране наследия еще в мирное время, а не только после начала вооруженного конфликта. Данное положение о мерах, предпринимаемых в мирное время, отличает Конвенцию 1954 г. от ее предшественниц — Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., где подобные меры не предусмотрены. Конвенция утверждает, что именно государство, на

чей территории находится культурное наследие, способно обеспечить для него оптимальный охранный режим. Она возлагает на государство обязанность создания подходящей системы охраны культурных ценностей от возможных последствий вооруженного конфликта [13, ст. 3]. Однако в Конвенции не указано, какие именно шаги следует предпринимать, оставляя это на усмотрение конкретного государства, в зависимости от финансовых, материальных и технических ресурсов, которыми оно располагает. Резолюция II, принятая Конференцией по разработке предварительного варианта Конвенции, настоятельно советует государствам-участникам учредить национальный консультативный комитет и наделить его полномочиями, среди которых должно быть решение вопросов, предусмотренных Конвенцией. Одним из вариантов, рассматриваемых создателями Конвенции, было учреждение института гражданской службы, на который возлагались бы охранные функции в случае вооруженного конфликта, упаковка движимых культурных ценностей, подготовка к чрезвычайным ситуациям, таким как пожар или обрушение здания. Подобные меры предпринимались во время Второй мировой войны. Так, с началом войны хранящиеся в Лувре ценности были быстро упакованы и перевезены в провинциальные замки, за пределы предполагаемой зоны военных действий, а Лондонская национальная галерея прятала картины в тайных шахтах Уэльса.

Самой действенной мерой по охране считается информирование противоборствующих сторон о культурных ценностях, подлежащих защите, с тем чтобы избежать военных действий, могущих их затронуть. Для достижения этого государству требуется не только ясно определить, что является культурной ценностью согласно Конвенции, но и информировать об этом остальных участников. С этой целью можно, например, передать на хранение в ЮНЕСКО списки культурных ценностей и карт с их расположением для обмена такой информацией с другими государствами-участниками, а также с воюющими государствами и их вооруженными силами. Так, во время Балканской войны в начале 1990-х гг. власти Хорватии передали списки культурных памятников противникам после серьезного повреждения средневековой крепости Эрдут в результате бомбардировок. Для идентификации культурных ценностей Конвенция ввела специальный знак, хотя его использование и время установки строго не определены [13, ст. 6, 16, 17; 23, ст. 20, 21].

В то время как статья 3 Конвенции налагает широкое обязательство охранять культурные ценности, насколько это возможно, другие ее положения говорят о конкретных шагах, которые следует

предпринимать в этом направлении в мирное время. В частности, государства-участники обязуются включать в уставы или инструкции вооруженных сил «положения, способные обеспечить соблюдение настоящей Конвенции и, кроме того, воспитывать еще в мирное время личный состав своих вооруженных сил в духе уважения культуры и культурных ценностей всех народов» [13, ст. 7(1)]. В связи с этим ЮНЕСКО были подготовлены образцы инструкций, которые государства могут использовать при реализации статьи 7. Также государства-участники «обязуются подготовить и создать еще в мирное время в своих вооруженных силах службы или специальный персонал, которые будут следить за тем, чтобы уважались культурные ценности, и сотрудничать с гражданскими властями, которым поручена охрана этих ценностей» [13, ст. 7(2)].

Уважение культурных ценностей. Конвенция требует от государств-участников уважения по отношению к культурным ценностям, находящимся как на их собственной территории, так и на территории других государств — участников Конвенции во время вооруженного конфликта и возможной оккупации. Проявление такого уважения состоит как из позитивных, так и из негативных действий. Конвенция налагает три негативных обязательства. Во-первых, каждое государство должно воздерживаться от любого использования ценностей, сооружений для их защиты, а также прилегающих к ним участков в целях, которые могут привести к их разрушению и повреждению в случае вооруженного конфликта [13, ст. 4(1)]. Вследствие этого государствам запрещается использовать культурные ценности в качестве военной базы или склада снабжения. Во-вторых, каждому государству следует избегать любого враждебного акта, направленного против культурных ценностей, расположенных как на собственной территории, так и на территории других государств-участников. В-третьих, каждое государство должно «пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма в отношении указанных ценностей». Запрещаются также реквизиции культурных ценностей и любые репрессивные меры, направленные против них [13, ст. 4(3), 4(4)].

Строго говоря, *первое обязательство* запрещает использовать культурные ценности не в военных целях вообще, а только в тех случаях, когда с большой долей вероятности может наступить их разрушение или повреждение. Впрочем, более широкое толкование предполагает, что использование культурных ценностей в военных целях в любом случае может привести к плачевным последствиям.

Второе обязательство требует, чтобы государства-участники воздерживались от любых враждебных действий по отношению к культурным ценностям, включая те, к которым прибегала противоборствующая сторона в нарушение первого обязательства статьи 4. Таким образом, главное обязательство государств-участников – воздержание от любых враждебных действий по отношению к культурным ценностям, находящимся как на собственной территории, так и на территории других государств-участников. При этом если нарушение первого обязательства статьи 4 *может создать* опасность для культурной ценности, то нарушение второго однозначно *создает* такую опасность. Однако абсолютизация обязательства воздерживаться от любых враждебных действий по отношению к культурным ценностям может привести к попыткам использования таких ценностей в качестве прикрытия военного оборудования, персонала, вооружения. Для предотвращения таких ситуаций статья 4(2) предусматривает, что «обязательства, указанные в пункте 1 настоящей статьи, могут быть нарушены только в случае, если военная необходимость настоятельно потребует такого нарушения».

Это первая статья Конвенции, относящаяся к доктрине военной необходимости. Ее включение сопровождалось продолжительными дебатами, что отражено в окончательном компромиссном тексте, трудном для толкования и практического применения. Предложение убрать любые ссылки на военную необходимость было отклонено 22 голосами против 8 при 8 воздержавшихся (еще 8 членов Комиссии отсутствовали при голосовании). Данное положение намеренно было оставлено неясным, чтобы его можно было достаточно гибко применять в различных ситуациях. Так, использование слова «только» в статье 4(2) представляет собой попытку ограничить обращение к военной необходимости исключительными случаями, правда, текст не дает никаких указаний относительно того, когда достигается необходимый порог, после которого возможно использование этой доктрины. Также нет никаких указаний насчет того, кто определяет достижение этого порога. Эти пробелы, однако, не означают, что исключение можно применять просто потому, что это удобно с военной точки зрения. Кроме того, к действиям в случае военной необходимости должен применяться принцип соразмерности (пропорциональности). Таким образом, если противник вынужден использовать культурную ценность способом, который подвергает ее опасности (например, переходя реку по историческому мосту, потому что другого пути нет), уровень риска или поврежденный для культурной ценности должен быть пропорционален воен-

ной цели, которая может быть при этом достигнута. Официальный эксперт ЮНЕСКО во время составления Конвенции считал, что статья 4(2) должна толковаться следующим образом: «Обязательство уважать культурную ценность остается даже в том случае, если она используется противником для военных целей». Таким образом, в отношении положений Конвенции не действует принцип взаимности. В результате возможна ситуация, когда одна сторона может оправдывать использование исторического моста для транспортировки войск без того, чтобы это обязательно вело к атаке данного объекта противником.

Третье негативное обязательство — воздерживаться от любых действий, ведущих к повреждению или разрушению культурных ценностей, — является абсолютным, и относительно его не существует возможности оправдания на основе военной необходимости. Правда, в статье 4(3) существует пробел — она не препятствует реквизиции государством культурных ценностей, находящихся на его собственной территории, но принадлежащих другому государству. Так, во время Суэцкого кризиса в 1956 г. Египет реквизировал *Французский институт восточной археологии* в Каире.

Кроме того, государства-участники берут на себя позитивное абсолютное обязательство «запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей» [13, ст. 4(3)]. Считается, что эта статья особенно актуальна во время современных конфликтов, когда археологические места и музеи становятся объектами разграбления. Это обязательство не содержит строгих ограничений и применяется к культурным ценностям как на оккупированной территории, так и на прочей территории противника, а также на территории любого другого государства, где ведутся военные действия. Важно, что данное обязательство позитивно и требует от государства принятия некоторых действий, а не простого воздержания. Правда, существует некоторая неясность относительно масштабов данного обязательства. Что касается его применения на оккупированных территориях, можно предположить, что оккупационные власти должны применять его как по отношению к собственным вооруженным силам, так и по отношению к гражданскому населению и любым уцелевшим войскам противника.

Статья 4(5) предусматривает, что государство-участник «не может освобождаться от обязательств, установленных в настоящей статье, в отношении другой Высокой Договаривающейся Стороны, основываясь на том, что последняя не приняла мер по охране,

предусмотренных в статье 3». Эта статья означает, что даже если государство не принимает никаких мер по охране своих культурных ценностей или принимает такие меры, которые следует признать неадекватными, противоборствующей стороне не позволено уклоняться от главного обязательства, налагаемого Конвенцией. Таким образом, тот факт, что государство, на чьей территории находится культурная ценность, не предприняло никаких мер по ее защите ввиду предстоящей опасности, не сумев, например, перевести ее, не говорит о том, что противник может рассматривать такое наследие как не подпадающее под действие Конвенции.

Оккупация

В Конвенции оговорен ряд проблем по охране культурных ценностей на оккупированных территориях. Статья 18(2) применяется «во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встречает никакого военного сопротивления». Правда, Конвенция не определила значение термина «оккупация», полагаясь в этом на общепринятое определение, отраженное в Гаагской конвенции 1907 г., в которой говорится, что «территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность» [11, ст. 42]. В случаях, когда оккупация не встречает вооруженного сопротивления и поэтому не возникает вооруженного конфликта, Конвенция действует в полном объеме и не ограничивается применением лишь тех статей, которые касаются оккупации. Поэтому обязательство по уважению культурных ценностей статьи 4 также применяется к последним на оккупированной территории, включая обязательство «запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма в отношении указанных ценностей». Это обязательство действительно по отношению к любым формам оккупации и распространяется на гражданское население и остаток вооруженных сил противника, хотя и требует определенного сотрудничества с властями оккупированной территории, чему посвящена статья 5 Конвенции.

Статья 5(1) предусматривает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны, оккупирующие полностью или частично территорию другой Высокой Договаривающейся Стороны, должны по мере возмож-

ности поддерживать усилия компетентных национальных властей оккупированной территории, чтобы обеспечить охрану и сохранение ее культурных ценностей». Данная статья опирается на положение обычного международного права, требующего от оккупирующих государств разрешения на свободное функционирование существующих административных механизмов для удовлетворения потребностей местного населения. Следовательно, оккупирующее государство должно сохранять за существующими административными структурами власти обязанность по охране культурного наследия. Кроме того, оккупирующему государству следует воздерживаться от любых действий, препятствующих властям выполнять свои обязанности.

Обязательство по обеспечению охраны культурных ценностей на оккупированной территории включает обязательства, предусмотренные статьей 3; сюда относится составление перечней, создание планов и проектов по охране, защите от пожаров, чрезвычайных происшествий и т. п. Однако обязательство по сохранению культурных ценностей на оккупированных территориях изложено в Конвенции не вполне ясно и служит предметом дискуссий среди специалистов. Хотя оккупирующая сторона обязана уважать культурное наследие на оккупируемой территории, воздерживаясь от любых враждебных актов в отношении культурных ценностей и такого их использования, которое может привести к угрозе их существования или к разрушению, это, по сути, не является обязательством охранять и сохранять культурные ценности; здесь достаточно лишь оказывать поддержку в данном вопросе национальным властям. Поэтому данные обязательства не абсолютны; они ограничены возможностью их выполнения в условиях военного конфликта или оккупации.

В действительности во время оккупации структуры национальной администрации часто оказываются полностью разрушенными и вследствие этого неспособными осуществлять какую-либо деятельность по охране культурного наследия. Таким образом, хотя в статье 5(1) признается первостепенная роль национальных властей в деле охраны и сохранения культурного наследия, в статье 5(2) говорится, что «в случае если необходимо срочное вмешательство для сохранения культурных ценностей, расположенных на оккупированной территории и поврежденных в ходе военных операций, и если компетентные национальные власти не могут это обеспечить, оккупирующая Держава принимает, насколько это возможно, самые необходимые меры по охране этих ценностей в тесном сотрудничестве с указанными властями».

Данная статья относится только к сохранению, а не к охране культурных ценностей. Правда, некоторые исследователи считают эти понятия синонимами. Другие же полагают, что термин «сохранение» следует трактовать в свете событий и опыта Второй мировой войны, когда отдельные государства-оккупанты, желая избежать ответственности за разграбление и уничтожение культурных ценностей, приказывали инженерным частям «расчищать руины», представлявшие собой поврежденные или уничтоженные культурные объекты. В целом статья 5(2) применяется в ситуациях, когда национальные власти не способны предпринимать срочные необходимые действия для сохранения культурных ценностей от повреждений.

Узкое толкование статьи 5(2) предполагает, что оккупирующая сторона прибегает к специальным мерам по сохранению, только если культурная ценность уже была повреждена. В таком случае исключаются варианты, когда культурная ценность может подвергаться опасности во время оккупации и требуется принятие превентивных мер до ее повреждения. Это, например, может касаться необходимости принятия мер по укреплению сооружений в исторических центрах городов, которые подвергаются опасности из-за вибрации, производимой военной техникой. Кроме того, узкое толкование устраняет из сферы действия оккупацию, которая произошла без военного конфликта и поэтому не вызвала никаких разрушений и повреждений культурных ценностей.

Если же принять более широкое толкование данной статьи, то ясно, что обязательства оккупирующей стороны должны заключаться в тесном сотрудничестве с национальными властями оккупированной территории. Стремясь улучшить такое сотрудничество, оккупирующее государство должно назначить специального представителя для культурных ценностей на оккупированной территории [23, ст. 2(a)].

Последний пункт статьи 5(3) отражает опыт Второй мировой войны, когда на оккупированных территориях возникло вооруженное сопротивление, уничтожавшее культурные ценности. В результате положение предусматривает: «...каждая из Высоких Договаривающихся Сторон, правительство которой рассматривается членами движения Сопротивления как их законное правительство, обратит, если возможно, их внимание на обязательства соблюдать те положения Конвенции, которые касаются уважения культурных ценностей».

При узком толковании статьи 5 в целом на оккупирующее государство возлагаются довольно ограниченные обязанности, заключа-

ющиеся в поддержке охраны культурных ценностей, которую осуществляют национальные власти, и только в случае необходимости. Трудность толкования данной статьи может быть проиллюстрирована примером проблемы проведения археологических раскопок оккупирующей стороной на оккупируемой территории. Вопрос о том, касается ли статья 5 археологических раскопок, возник при их проведении Израилем на оккупированных палестинских территориях, особенно на Западном берегу, включая Иерусалим. Одни специалисты полагали, что поскольку в статье 5 говорится о сотрудничестве с национальными властями, то очевидно, что на проведение археологических раскопок необходимо получить их согласие. Другие говорили о том, что такого запрета статья 5 не содержит. Поскольку толкование статьи 5 в этом вопросе является спорным, он был отдельно оговорен во Втором протоколе 1999 г.

Кроме того, на оккупированных территориях в полной мере должны применяться обязательства по уважению культурных ценностей, в том числе изложенные в статье 4(3) о запрете, предупреждении и пресечении любых актов кражи, грабежа, незаконного присвоения культурных ценностей, вандализма в их отношении, а также о запрете реквизиции движимых культурных ценностей. Также применяется обязательство по воздержанию от принятия любых репрессивных мер, направленных против культурных ценностей (ст. 4(4)).

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

Признавая необходимость защиты во время вооруженного конфликта всех культурных ценностей, составители Конвенции предусмотрели режим, который предоставляет некоторым памятникам, музеям, археологическим местам, укрытиям с движимыми культурными ценностями и другим недвижимым культурным ценностям, имеющим очень большое значение, более высокий уровень защиты. Для этого во второй части Конвенции вводится специальный уровень защиты. Этот повышенный уровень защиты для ограниченного числа объектов достигается путем модификации обязательства по уважению культурных ценностей через введение более строгого стандарта в отношении обязательства воздерживаться от использования культурных ценностей или их окружения в военных целях и от любых враждебных актов, направленных против них [13, ст. 9].

«Под специальную защиту может быть взято ограниченное число укрытий, предназначенных для сохранения движимых культур-

ных ценностей в случае вооруженного конфликта, центров сосредоточения культурных ценностей и других недвижимых культурных ценностей, имеющих очень большое значение» [13, ст. 8(1)]. Использование выражений «ограниченное число» и «имеющих очень большое значение» не имеет какого-то особого смысла и просто подчеркивает избирательный характер культурных ценностей, попадающих под специальную защиту. Однако движимые культурные ценности непосредственно не попадают под это определение и могут оказаться под такой защитой, будучи размещенными в специальных укрытиях. В то же время признание таких укрытий имеющими очень большое значение зависит от значимости хранящихся там культурных ценностей. То же касается и музеев.

Для того чтобы культурные ценности могли подпасть под режим специальной защиты, они должны соответствовать ряду критериев. Во-первых (и это самое главное), культурные ценности не должны использоваться в военных целях. Что касается центра сосредоточения культурных ценностей, то он не должен использоваться для перемещения личного состава и материальной части войск, даже транзитом; в нем также не допускается деятельность, имеющая прямое отношение к военным операциям, размещение личного состава войск, производство военных материалов [13, ст. 8(3)]. Однако культурные ценности не считаются используемыми в военных целях, если охраняются вооруженной стражей, специально назначенной для такой охраны, или если около них находятся полицейские силы, на которые обычно возлагается обеспечение общественного порядка [13, ст. 8(4)]. В то время как предписание отказа от использования культурных ценностей в военных целях очевидно, гораздо более строгим является требование достаточного удаления таких культурных ценностей от крупных промышленных центров и любых важных объектов, уязвимых с военной точки зрения (аэродром, радиостанция, предприятие оборонного сектора, порт, крупная железнодорожная станция, важная линия коммуникаций) [13, ст. 8(1)]. Неясность терминов «уязвимый пункт», «военный объект» и «крупный промышленный центр», возможность их различных толкований, а также неопределенность в отношении того, что следует считать «достаточным расстоянием», привели к фактической неработоспособности данного положения. Многие государства обратили внимание на то, что практически все, что может рассматриваться как культурные ценности, имеющие очень большое значение, находится недалеко от промышленных центров или потенциальных военных объектов, а это исключает их из режима

специальной защиты. По-видимому, составители Конвенции осознали эти трудности, но вместо того чтобы прямо решить их, еще больше запутали ситуацию, введя два неопределенных исключения. Статья 8(2) предусматривает, что «убежище для движимых культурных ценностей может быть также взято под специальную защиту, каково бы ни было его местонахождение, если оно построено таким образом, что, по всей вероятности, бомбардировка не сможет нанести ему ущерба». Государство — владелец культурной ценности также принимает на себя обязательство не использовать такие укрытия в военных целях. Некоторые государства во исполнение данного пункта построили бомбоубежища для движимых культурных ценностей в зданиях, которые сами по себе считаются важными недвижимыми культурными ценностями. Например, Нидерланды построили бомбоубежище в Королевской картинной галерее Маурицхейс в Гааге.

Второе исключение, прописанное в статье 8(5), позволяет государству отступать от требования удаленности от важных военных целей, провозгласив еще в мирное время, что оно обязуется «не использовать этот объект в случае вооруженного конфликта и, в частности, если речь идет о порте, вокзале или аэродроме, осуществлять любое движение в обход». Плохо сформулированная, эта статья ничего не говорит о военном использовании либо об удаленности от индустриального центра. Учитывая все это, единственной культурной ценностью, которая может воспользоваться статьей 8(5) [4, с. 99], по сути, является Ватикан.

Последнее требование к культурным ценностям для получения ими режима специальной защиты изложено в статье 8(6) и касается необходимости внесения этих ценностей в Международный реестр культурных ценностей, находящихся под специальной защитой. Процедура внесения прописана в статьях 11–16 Исполнительного регламента Конвенции. Поскольку просьбу о внесении в данный реестр обычно направляет государство, на чьей территории находится культурная ценность, оккупирующая сторона рассматривается как обладающая компетенцией подавать такую просьбу в отношении культурной ценности, находящейся на оккупированной территории [23, ст. 13(2)].

Отдельные положения регулируют использование отличительного знака Конвенции для обозначения культурных ценностей, находящихся под специальной защитой (ст. 10 и 17 Конвенции и ст. 20 и 21 Исполнительного регламента). Хотя обозначение знаком культурных ценностей, находящихся под специальной защитой, явля-

ется обязательным во время вооруженного конфликта, и его требуется нанести в начале вооруженных действий, нанесение до этого не обязательно.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА И ДОКТРИНА ВОЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Предоставляя углубленную защиту только ограниченному количеству культурных ценностей, можно было бы надеяться, что такие ценности, «имеющие очень большое значение», будут выведены из-под действия доктрины военной необходимости. К сожалению, это не так.

Ключевая обязанность государств-участников в отношении культурных ценностей, находящихся под специальной защитой, — воздержание от любых враждебных актов, направленных против них, а также от использования таких ценностей и прилегающих к ним участков в военных целях [13, ст. 9]. Обязательство воздерживаться от любых враждебных актов, направленных против культурных ценностей, находящихся под специальной защитой, идентично обязательству статьи 4 относительно культурных ценностей, находящихся под общей защитой. Обязательство не использовать культурные ценности и прилегающие к ним участки в военных целях представлено в статье 4 по-другому. Однако на практике использование таких ценностей в военных целях практически всегда подвергает их разрушению или повреждению в случае вооруженного конфликта, поэтому основное различие между обязательствами, изложенными в статьях 4 и 9, заключается в том, что последнее действует с момента включения культурной ценности в Международный реестр, а первое применяется в случае вооруженного конфликта.

Таким образом, статья 9 сама по себе мало чем дополняет режим общей защиты. Основное различие между режимами общей и специальной защиты касается снятия иммунитета с культурных ценностей и использования по отношению к ним понятия военной необходимости. Статья 11(1) предусматривает, что «если одна из Высоких Договаривающихся Сторон допускает в отношении ценности, находящейся под специальной защитой, нарушение обязательств, взятых ею в силу статьи 9, противная Сторона освобождается от своего обязательства обеспечить неприкосновенность данной ценности до тех пор, пока это нарушение продолжает иметь место. Однако каждый раз, когда Она находит это возможным, Она предварительно требует положить конец этому нарушению в разумный срок».

В статье 11(2) говорится, что «кроме случая, предусмотренного в пункте 1 настоящей статьи, иммунитет культурной ценности, на-

ходящейся под специальной защитой, может быть снят только в исключительных случаях неизбежной военной необходимости и лишь до тех пор, пока существует эта необходимость». Единственное выдвигаемое при этом требование к снимающей иммунитет стороне — достаточно заблаговременная нотификация такого решения противной стороне, если обстоятельства это позволяют. Конвенция не дает строгого и четкого определения, что является «исключительным случаем неизбежной военной необходимости», однако в ней говорится, что констатировать их могут воинские начальники, «начиная только от командира дивизии или части, соответствующей дивизии, и выше». При этом «во всех случаях, когда обстоятельства это позволяют, решение о снятии иммунитета нотифицируется достаточно заблаговременно противной Стороне» [13, ст. 11(2)]. Также «Сторона, которая снимает иммунитет, должна об этом информировать, по возможности в кратчайший срок, письменно и с указанием причин Генерального комиссара по культурным ценностям, предусмотренного Исполнительным Регламентом» [13, ст. 11(3)].

К сожалению, система режима специальной защиты полностью провалилась. В Международный реестр был внесен только один исторический центр с памятниками (Ватикан) и восемь укрытий движимых культурных ценностей (по одному от Австрии и Германии и шесть от Нидерландов). Причины такого провала очевидны. Во-первых, критерии включения в Реестр очень строгие и сильно ограничивают круг возможных кандидатур на включение. Особенно это касается критерия удаленности культурной ценности от любого индустриального центра или потенциального военного объекта. Во-вторых, использование доктрины военной необходимости по отношению к культурным ценностям, находящимся под специальной защитой согласно статье 11, является значительным ослаблением защитного режима. Данная статья — одно из самых противоречивых положений Конвенции, и во время ее принятия разгорелись бурные дебаты. Желание, чтобы как можно большее число государств присоединилось к Конвенции, потребовало принятия такого варианта данной статьи, который устраивал бы мощные военные государства — США и Великобританию, которые, впрочем, впоследствии отказывались присоединяться к ней более 50 лет. Это привело к установлению неопределенного режима, неоднократно критиковавшегося многими государствами. В-третьих, реально достигнутый уровень защиты оказался лишь минимально больше обычного уровня, характерного для общего режима; зато он отягощен очень сложной процедурой внесения в Международный ре-

есть. Поэтому Второй протокол 1999 г. сделал попытку ввести новый режим — усиленной защиты, — исправив недостатки, присущие режиму специальной защиты.

РЕЖИМ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Конвенция предусматривает введение режима международного регулирования, который управлял бы процессом защиты культурных ценностей во время вооруженного конфликта. Считая маловероятным, что государства, вовлеченные в военный конфликт, будут сами в состоянии регулировать защиту культурных ценностей во время конфликта, особенно учитывая вероятное отсутствие контактов между ними, была скопирована концепция держав-покровительниц, учрежденная Женевскими конвенциями, при которой каждая из противоборствующих сторон позволяет соответствующим службам третьих государств действовать с целью решения конкретных проблем (ст. 21 Конвенции).

Державы-покровительницы служат только одним элементом международного регулирования. Вторым выступает институт генерального комиссара по культурным ценностям для государств, вовлеченных в конфликт. Для назначения генерального комиссара разработана сложная система (см. ст. 1, 2, 4 Исполнительного регламента). Роль генерального комиссара заключается преимущественно в надзоре, расследовании и предоставлении докладов относительно вопросов, регулируемых Конвенцией [23, ст. 6]. Дополнительные функции касаются создания импровизированных укрытий согласно режиму специальной защиты [23, ст. 11] и предоставления специальной защиты культурным ценностям во время транспортировки [13, ст. 12–14; 23, ст. 17–18]. Таким образом, система согласованного надзора и предоставления докладов состоит из делегатов каждой из противоборствующих сторон, делегатов держав-покровительниц [23, ст. 3, 5] и генерального комиссара, а также может включать экспертов и инспекторов [23, ст. 7].

Однако данный режим международного регулирования никогда не функционировал. Генеральный комиссар назначался только один раз, в 1967 г., для Израиля и арабских государств. Такой провал режима международного регулирования объясняется его громоздкостью и непрактичностью. Реализация этого режима зависит от многих бюрократических формальностей, требует определенного согласия между сторонами и просто занимает много времени, что делает его абсолютно непригодным к условиям современных вооруженных конфликтов.

Подобные проблемы характерны также для режима транспортировки культурных ценностей, предусмотренного главой III Конвенции. Созданный с целью предоставления абсолютного иммунитета транспорту, перевозящему культурные ценности в укрытия или районы, не охваченные боевыми действиями, данный режим также стал очень громоздким и перегруженным бюрократическими процедурами, что привело к его недееспособности. Хотя знак Конвенции один раз использовался при перевозке культурных ценностей из Ангкора в Пхном Пенх во время гражданской войны в Камбодже в 1972 г., строго говоря, это не было применением положений Конвенции. Поэтому глава III Конвенции на практике не применялась ни разу.

Система международного регулирования провалилась еще в одном отношении. Статья 26 содержит требование к государствам-участникам по меньшей мере раз в четыре года посылать генеральному директору доклады, содержащие сведения относительно принимаемых ими мер по реализации Конвенции и ее Исполнительного регламента. Большинство государств-участников попросту игнорирует данное обязательство.

3.2. ПЕРВЫЙ ПРОТОКОЛ И ОККУПАЦИЯ

Как уже отмечалось, ключевым обязательством государств — участников Конвенции 1954 г., изложенным в статье 4(3), является обязательство «запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма в отношении указанных ценностей». Однако подобное обязательство не отражено в статьях, посвященных оккупации, и не относится к вывозу культурных ценностей с оккупированных территорий. Этому вопросу посвящен Первый протокол.

После окончания Второй мировой войны многие государства выразили желание, чтобы все ценности, приобретенные на оккупированных территориях с применением силы, даже если за них было заплачено, стали предметом реституции. Это было отмечено в Заключительном акте Парижской конференции по репарациям 1945 г. [24], и многие государства хотели, чтобы данное положение нашло отражение в Гаагской конвенции 1954 г. Однако указанный вопрос затрагивает фундаментальные представления о частной собственности, которые очень различаются во внутреннем законо-

дательстве разных государств, а кроме того, его трудно сформулировать в международной конвенции. Из-за трудностей, связанных с имплементацией предлагаемых положений в национальное законодательство ряда государств, этот вопрос был вынесен в отдельный протокол. Таким образом, эти государства смогли присоединиться к основной Конвенции. Правда, существует неопределенность относительно последствий ратификации Первого протокола. Согласно одному мнению, Протокол применяется только тогда, когда территория одного участника Протокола оккупирована другим его участником. Другое мнение состоит в том, что государство, территорию которого оккупировали, не обязательно должно являться участником Протокола, и что обязательства, изложенные в нем, касаются только оккупирующего государства.

Первый протокол предусматривает, что государство-участник «обязуется предотвращать вывоз с территории, оккупированной ею во время вооруженного конфликта, культурных ценностей, определенных в статье 1 Конвенции...» [19, ст. 1]. Тем самым любой вывоз культурных ценностей, не являющийся их перевозкой в укрытие в соответствии с Конвенцией 1954 г., должен пресекаться независимо от их собственности.

Незаконно вывезенные культурные ценности часто путешествуют по многим странам до попадания в нужную точку; одни из этих стран являются участниками Конвенции, другие — нет. Поэтому Протокол ввел специальное положение, согласно которому каждая договаривающаяся сторона «обязуется взять под охрану те культурные ценности, которые ввезены на ее территорию прямо или косвенно с любой оккупированной территории» [19, ст. 2]. При этом не устанавливаются никаких временных ограничений относительно того, как давно была вывезена культурная ценность. Речь не обязательно идет о какой-либо конкретной ценности, это может быть целая категория культурных ценностей, например, цилиндрические печати, многие из которых пропали во время разграбления Багдадского музея в 2003 г.

Существует мнение, что для эффективной реализации положений Протокола все три стороны — оккупирующее государство, оккупируемое государство и государство, конфискующее культурную ценность, — должны являться его участниками. Согласно другому мнению, для реализации Протокола достаточно, чтобы его участником было конфискующее государство. Вторая точка зрения, естественно, более предпочтительна для эффективного предупреждения незаконного вывоза культурных ценностей.

Согласно статье 3 Протокола, присоединившаяся к нему сторона «обязуется по прекращении военных действий вернуть культурные ценности, находящиеся на ее территории, компетентным властям ранее оккупированной территории, если эти ценности были ввезены в нарушение принципа, установленного в пункте 1. Эти ценности никогда не будут удерживаться в качестве военных репараций». Следует отметить, что выражение «по прекращении военных действий» дополняется фразой «ранее оккупированной территории». Она означает, что возврат должен наступить не после прекращения военных действий как таковых, а именно после окончания оккупации, которая может продолжаться намного дольше, чем сами военные действия. В противном случае получится, что культурная ценность будет возвращена оккупационным властям, ранее допустившим ее незаконный вывоз. Сложности в таких ситуациях возникают, когда оккупация длится продолжительное время, как, например, обстоит дело с северной частью Кипра, захваченной Турцией.

Государство, конфисковавшее культурную ценность, обязуется вернуть ее ранее оккупированному государству, но не владельцу, которого должны установить компетентные власти этого государства.

Применение Протокола неизбежно влечет за собой конфискацию и возврат всех культурных ценностей, вывезенных с оккупированной территории, включая вывоз, произошедший по вине оккупирующего государства, призванного его предотвращать. Может возникнуть такая ситуация, что государство вынуждено будет конфисковать культурную ценность у своего гражданина и вернуть ее компетентным властям ранее оккупированного государства, даже если такая ценность была куплена добросовестно на законных основаниях. Вследствие этого Протоколом предусмотрено, что сторона, «которая была обязана предотвратить вывоз культурных ценностей с оккупированной ею территории, выплатит вознаграждение добросовестным держателям культурных ценностей, которые должны быть возвращены» [19, ст. 4]. Ранее оккупированное государство не должно выплачивать никакой компенсации, а государство, возвращающее ценность, не получает никакой компенсации за расходы, связанные с конфискацией и возвратом. Выплата компенсации касается только оккупирующего государства и добросовестного покупателя и не является предварительным условием возврата ценности.

Хотя такая структура призвана содействовать возвращению культурных ценностей на ранее оккупированные территории, она вызывает много вопросов, особенно касательно определения ста-

туса добросовестного держателя и расчета суммы причитающейся ему компенсации.

Во время вооруженных конфликтов, как международных, так и внутренних, подходящей охранной мерой в отношении движимых культурных ценностей считается их отправка на сохранение в третье государство. Так, во время гражданской войны в Испании коллекция музея Прадо была отправлена на сохранение в Женеву, откуда вернулась в 1939 г. [25, с. 111]. Протокол не требует, чтобы принимающая сторона выразила согласие на такое размещение, поэтому может случиться так, что государство не знает о сохранении таких ценностей на его территории. Несмотря на это принимающее государство обязано вернуть такие ценности без компенсации за связанные с возвратом расходы. Обязательство возврата культурных ценностей является абсолютным и должно предотвращать случаи, когда после окончания конфликта компетентные власти государства, куда должны вернуться ценности, не признаются из политических соображений государством, которое эту ценность должно вернуть. Такая ситуация возникла, например, когда правительство США после Второй мировой войны отказалось вернуть в Венгрию корону святого Стефана на том основании, что венгерское коммунистическое правительство признавалось в США незаконным. Такой риск еще более возрастает, когда конфликт имеет внутригосударственный характер и фракция, требующая возврата ценности, реально не контролирует ситуацию в стране.

К сожалению, немногие государства предприняли необходимые шаги по имплементации положений Первого протокола в национальное законодательство. Например, Нидерланды в 2002 г. оказались не в состоянии конфисковать и вернуть четыре иконы, незаконно вывезенные с Северного Кипра, из-за пробела во внутреннем законодательстве, несмотря на то, что страна присоединилась к Первому протоколу в 1958 г. Эти иконы были возвращены на Кипр только в 2014 г., после того как в 2007 г. были внесены изменения во внутреннее законодательство Нидерландов [26].

3.3. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТОКОЛЫ 1977 г. К ЖЕНЕВСКИМ КОНВЕНЦИЯМ

Для усовершенствования Женевских конвенций 1949 г. в 1977 г. к ним были приняты дополнительные протоколы. Первый дополнительный протокол касается защиты жертв международных во-

оруженных конфликтов, второй — жертв конфликтов, носящих немеждународный характер. Дополнительные протоколы содержат не только новые положения, касающиеся гражданских объектов в целом, но и положения, относящиеся именно к культурным ценностям.

Особенно важна посвященная общей защите гражданских объектов статья 52 Первого дополнительного протокола, в которой говорится, что «гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий», а «нападения должны строго ограничиваться военными объектами». Правда, в статье сделана оговорка, что «военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дают явное военное преимущество». Получается, что гражданские объекты не подлежат безусловной защите в том случае, если их можно отнести к военным объектам. Это дань доктрине военной необходимости, представленной в статье 4 Гагской конвенции 1954 г., хотя данная формулировка признается специалистами гораздо более удачной. Впоследствии она была использована во Втором протоколе 1999 г.

В статье 53 Первого дополнительного протокола предусмотрена специальная защита для культурных объектов и мест отправления культа: «Без ущерба для положений Гагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года и других соответствующих международных документов запрещается:

- а) совершать какие-либо враждебные акты, направленные против тех исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов;
- б) использовать такие объекты для поддержки военных усилий;
- с) делать такие объекты объектами репрессалий».

В несколько сокращенной форме положения статьи 53 повторяются во Втором дополнительном протоколе применительно к культурным ценностям в конфликте, носящем немеждународный характер [27, ст. 16].

Многие формулировки дополнительных протоколов к Женевским конвенциям легли в основу положений Второго протокола к Гагской конвенции 1954 г., принятого в 1999 г.

3.4. ВТОРОЙ ПРОТОКОЛ К ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1999 г.

Ввиду уничтожения культурных ценностей во время конфликтов в Иране, Ираке, Кувейте, бывшей Югославии стало очевидным, что ни Конвенция 1954 г., ни дополнительные протоколы к Женевским конвенциям не обеспечивают надлежащую защиту этих ценностей во время войны. В 1992 г. ЮНЕСКО совместно с правительством Нидерландов поручило профессору П. Бойлану провести обстоятельный анализ Гаагской конвенции 1954 г. и ее Первого протокола для выяснения причин «очевидного неуспеха» в достижении целей, которые были перед ней поставлены.

На основе рекомендаций, содержащихся в докладе П. Бойлана, и большой подготовительной работы ЮНЕСКО и правительства Нидерландов была созвана дипломатическая конференция, которая 17 мая 1999 г. подписала *Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта* 1954 г.; он вступил в силу в 2004 г.

Второй протокол дополняет Гаагскую конвенцию 1954 г., являясь в большинстве случаев своеобразной надстройкой над существующим режимом, заменяя, однако, режим специальной защиты новым режимом усиленной защиты. Будучи дополнительным, данный режим доступен только государствам — участникам Гаагской конвенции 1954 г.; возможна также одновременная ратификация и Гаагской конвенции 1954 г., и Второго протокола [21, ст. 1(d)].

Протокол вводит режим усиленной защиты для культурных ценностей, имеющих «огромное значение для человечества», а также конкретизирует меры, предпринимаемые государствами-участниками в мирное время; особенно это касается распространения информации о Конвенции. Не исключая полностью (несмотря на рекомендацию П. Бойлана) доктрину военной необходимости, он вносит ряд поправок в режим общей защиты, приводя доктрину военной необходимости в соответствие с новыми нормами международного гуманитарного права, в частности с дополнительными протоколами 1977 г. к Женевским конвенциям. Наконец, Протокол вводит новый режим международного регулирования, в том числе санкции за нарушение Конвенции.

В то же время Протокол не внес никаких изменений в определение культурных ценностей, полностью оставив дефиницию Конвенции 1954 г. Хотя данное определение неоднократно критиковалось многими экспертами за неконкретность, большинство го-

сударств в ходе обсуждения Второго протокола высказалось за его сохранение.

Сфера действия Второго протокола охватывает как международные, так и немеждународные конфликты [21, ст. 3 и 22]. Поскольку термин «конфликты, не носящие международного характера» не определен ни в Конвенции 1954 г., ни в Женевских конвенциях, широкое применение Протокола ограничено лишь статьей 22(2): «Настоящий Протокол не применяется к ситуациям внутренних беспорядков и напряженности, таким как бунты, отдельные и спорадические акты насилия и другие акты аналогичного характера».

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ЗАЩИТЫ

Среди обязательств, возлагаемых на государства — участников Протокола, важное место занимают меры по сохранению культурных ценностей, включающие «составление перечней, планирование чрезвычайных мер по защите от пожаров и разрушения конструкций, подготовку к вывозу движимых культурных ценностей или обеспечение должной защиты этих ценностей на местах и назначение компетентных властей, отвечающих за охрану культурных ценностей» [21, ст. 5]. В отношении ценностей, находящихся под усиленной защитой, необходимо также принимать на национальном уровне надлежащие правовые и административные меры, признающие их исключительную культурную и историческую ценность и обеспечивающие «защиту на самом высоком уровне» [21, ст. 10(b)]. Кроме того, статья 30 требует от государств распространения Протокола еще в мирное время не только в вооруженных силах, но и среди мирного населения.

Перечень мер, изложенных в статьях 3 и 5, не исчерпывающий, и, принимая во внимание трудности, с которыми могут столкнуться развивающиеся государства при их реализации, он не является обязательным, однако государство-участник должно пытаться реализовывать эти меры; в противном случае это может привести к уничтожению или повреждению культурных ценностей во время вооруженного конфликта. Например, Багдадский музей не составил точных описей хранящихся в нем ценностей, что впоследствии привело к проблемам с оценкой масштабов его ограбления и поиском предметов из его коллекций на международном рынке антиквариата.

Второй протокол усиливает требования по распространению информации о Конвенции и внедрению ее положений в воинские уставы, предусматривая, что государства-участники обязаны не только

обеспечивать «по возможности самое широкое распространение настоящего Протокола, как в мирное время, так и во время вооруженного конфликта», но и «любые военные или гражданские власти, которые во время вооруженного конфликта несут ответственность за выполнение настоящего Протокола, должны быть полностью ознакомлены с его текстом» [21, ст. 30(3)]. С этой целью участники должны среди прочего включать в уставы своих вооруженных сил руководящие принципы и инструкции, касающиеся защиты культурных ценностей; разрабатывать и осуществлять программы подготовки и образования в мирное время; обмениваться друг с другом информацией о законах, административных положениях и мерах, принимаемых ими для реализации Конвенции; информировать друг друга о законах и административных положениях, которые они могут принять для обеспечения выполнения Протокола [21, ст. 30(3)].

В Беларуси действует постановление Министерства обороны Республики Беларусь от 06.05.2009 г. № 24 «Об утверждении Инструкции о порядке применения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Республики Беларусь и транспортных войсках Республики Беларусь».

Статья 6 Протокола дополняет статью 4 Конвенции 1954 г., касающуюся уважения культурных ценностей, конкретизируя обстоятельства, при которых возможно нарушение обязательства воздерживаться от совершения враждебного акта против культурных ценностей со ссылкой на крайнюю военную необходимость. Мнения о необходимости включения доктрины военной необходимости во Второй протокол разделились. Одни государства выступали за ее полное исключение, другие — за сохранение. Компромисс был найден в том, что доктрина была оставлена, но ее применение строго оговорено.

Таким образом, нарушение обязательства воздерживаться от совершения враждебного акта против культурных ценностей со ссылкой на крайнюю военную необходимость может допускаться только тогда, когда: «(i) эти культурные ценности по своему назначению превращены в военный объект, (ii) нет никакой практически возможной альтернативы для получения равноценного военного преимущества помимо той, которую можно получить в результате совершения враждебного акта против этого объекта. Причем эти условия являются кумулятивными, т. е. должны выполняться одновременно» [21, ст. 6(a)].

Термин «военный объект», ключевой в статье 6, заимствован из статьи 52(2) Первого дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям. Он означает «объект, который в силу свое-

го характера, расположения, назначения или использования вносит эффективный вклад в военные действия, и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которого при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество» [21, ст. 1(f)]. Такая формулировка ограничивает возможность применения доктрины военной необходимости только случаями прямого использования культурных ценностей в качестве военных объектов. Значительное число наших культурных ценностей в прошлом по своему характеру и назначению были военными объектами (крепости, форты, старинное оружие, военные корабли и пр.), что не означает, что они продолжают являться таковыми сегодня, и, следовательно, они подлежат защите согласно Конвенции и Протоколу.

Второе условие применения доктрины военной необходимости: «Нарушение обязательства не использовать культурные ценности в целях, которые могут поставить их под угрозу разрушения или ущерба, со ссылкой на крайнюю военную необходимость, упоминаемую в пункте 2 статьи 4 Конвенции, может допускаться только тогда, когда нет возможности выбрать между таким использованием и другим возможным методом для получения равноценного военного преимущества». Введением данного ограничения делалась попытка практически исключить случаи применения военной необходимости, поскольку почти всегда можно выбрать альтернативные варианты для военной атаки; однако это положение также является компромиссным, что отражено в выражении «военное преимущество», которое можно трактовать довольно широко.

Третье условие гласит, что «решение о ссылке на крайнюю военную необходимость должно приниматься воинским начальником, командующим силами, равными по размеру батальону или большей численности или меньшими по размеру силами, если обстоятельства не позволяют действовать иначе» [21, ст. 6(c)]. Считается, что тем самым повышается уровень объективности при принятии решений, хотя это спорный момент, поскольку старшие офицеры, отвечая за исход военных действий в большем масштабе, могут разрешить повреждение или уничтожение культурной ценности, оправдывая это достижением военного преимущества.

Наконец, пункт «d» предусматривает, что «в случае нападения, основанного на решении, принятом в соответствии с подпунктом (а), когда это позволяют обстоятельства, направляется действительное предварительное предупреждение». Поскольку достижение успеха в военном деле часто связано с эффектом неожиданности, весьма высока вероятность того, что атака на культурную ценность в це-

лях достижения военного преимущества делает возможность применения этого пункта маловероятной.

В то время как статьи 5 и 6 Протокола расширяют и дополняют обязательства, изложенные в статьях 3 и 4 Конвенции, Протокол вводит и новые обязательства, призванные усилить защиту культурных ценностей; они сформулированы в статьях 7–9. В статье 7 изложен ряд обязательств, направленных на предотвращение повреждения и уничтожения культурных ценностей, когда одна противоборствующая сторона собирается атаковать другую. Согласно статье 7(a), атакующая сторона «делает все практически возможное, чтобы удостовериться в том, что объекты нападения не являются культурными ценностями, находящимися под защитой в соответствии со статьей 4 Конвенции». Это может включать, например, изучение списков охраняемых культурных ценностей в данном регионе или сбор информации среди местного населения. Кроме того, атакующее государство «принимает все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения с тем, чтобы избежать или свести к минимуму нанесение случайного ущерба культурным ценностям, находящимся под защитой в соответствии со статьей 4 Конвенции» и «воздерживается от принятия решений о совершении любого нападения, которое, как можно ожидать, нанесет случайный ущерб культурным ценностям, находящимся под защитой в соответствии со статьей 4 Конвенции, и которое было бы чрезмерным по сравнению с конкретным и прямым военным преимуществом, которое предполагается получить» [21, ст. 7(b) b(c)]. Некоторые комментаторы считают эту статью самой важной в Протоколе, поскольку она создает необходимый баланс между враждебным актом против культурной ценности и возможным военным преимуществом, достигаемым при этом, что, впрочем, сильно зависит от толкования понятия военного преимущества [5, с. 258]. Наконец, статья 7(d) предусматривает, что государство-участник «отменяет или приостанавливает нападение, если становится очевидным:

(i) что объект является культурной ценностью, находящейся под защитой в соответствии со статьей 4 Конвенции,

(ii) что это нападение, как можно ожидать, нанесет случайный ущерб культурным ценностям, находящимся под защитой в соответствии со статьей 4 Конвенции, и было бы чрезмерным по сравнению с конкретным и прямым военным преимуществом, которое предполагается получить» [21, ст. 7(d)].

Статьей 8 предусмотрены меры предупреждения последствий военных действий. С этой целью «стороны, участвующие в кон-

фликте, в максимально возможной степени: (а) вывозят движимые культурные ценности из мест, находящихся вблизи военных объектов, или предусматривают надлежащую защиту на местах; (б) избегают размещения военных объектов вблизи культурных ценностей».

Последнее обязательство, возлагаемое на участников в рамках режима общей защиты, изложено в статье 9 и касается охраны культурных ценностей на оккупированных территориях. Согласно положениям этой статьи, оккупирующее государство «запрещает и предупреждает в отношении оккупируемой территории любой незаконный вывоз, иное изъятие или передачу права собственности на культурную ценность». Согласно принятому во Втором протоколе определению, «незаконный» означает под принуждением или иным образом в нарушение применимых норм внутреннего права оккупированной территории или международного права» [21, ст. 1(g)].

Кроме того, оккупирующее государство должно запрещать и предупреждать на оккупированной территории «любые археологические раскопки, если только это не требуется исключительно для охраны, учета или сохранения культурной ценности» [21, ст. 9(1)(b)]. Данное положение введено специально ввиду предпринятых Израилем археологических раскопок на Западном берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме. Оккупирующее государство обязано также запрещать и предупреждать «любые модификации или изменение вида использования культурной ценности, которые имеют целью скрыть или уничтожить свидетельства культурного, исторического или научного характера» [21, ст. 9(1)(c)]. Этим положением признается, что психологический урон, устранение с какой-либо территории определенной культуры или народа могут осуществляться не только путем разрушения культурной ценности, но и более «деликатным» образом — путем ее перестройки либо приспособления к иной культурной ситуации. При этом «любые археологические раскопки культурных ценностей на оккупированной территории, их модификации или изменение вида их использования осуществляются, если только это позволяют обстоятельства, в тесном сотрудничестве с компетентными национальными органами оккупированной территории» [21, ст. 9(2)]. Последнее положение соответствует доктрине военной необходимости.

РЕЖИМ УСИЛЕННОЙ ЗАЩИТЫ

Второй протокол установил новый режим, получивший название режима усиленной защиты. Осознание того, что режим специальной защиты, учрежденный Конвенцией 1954 г., оказался неработо-

способным, и необходимость внедрения нового режима образовали один из главных побуждающих мотивов принятия Второго протокола. Это отражено в первом пункте преамбулы, где говорится, что государства-участники создавали Протокол, «сознавая необходимость улучшения защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и создания системы усиленной защиты специально выделенных категорий культурных ценностей».

Для попадания под режим усиленной защиты культурные ценности должны отвечать трем условиям:

«(а) они являются культурным наследием, имеющим огромное значение для человечества;

(b) они охраняются благодаря принятию на национальном уровне надлежащих правовых и административных мер, признающих их исключительную культурную и историческую ценность и обеспечивающих защиту на самом высоком уровне;

(с) они не используются для военных целей или прикрытия военных объектов и Сторона, осуществляющая контроль над культурными ценностями, сделала заявление в подтверждение того, что они не будут использоваться подобным образом» [21, ст. 10].

Наиболее спорный момент – установление того, имеет ли культурная ценность «огромное значение для человечества». Определять это должен *Комитет по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта*. Под усиленную защиту могут приниматься как недвижимые, так и движимые культурные ценности, например музейные фонды.

Второе условие также вызывает вопросы, поскольку неясно, что понимается под «надлежащими правовыми и административными мерами». Особенно оно затрагивает развивающиеся страны; при этом Протоколом предусмотрены определенные шаги, помогающие таким государствам в реализации подобных мер: возможность запроса помощи от ЮНЕСКО, *Комитета по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта*, а также из *Фонда для защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта*.

Третье условие представляет собой расширение положений статей 8(1) и 8(5) Конвенции. При этом статья не содержит требования, предъявляемого к режиму специальной защиты, чтобы культурные ценности находились на достаточном расстоянии от потенциальных военных целей. Снятие последнего требования призвано сделать режим усиленной защиты более успешным.

Центральный момент режима усиленной защиты – учреждение *Комитета по защите культурных ценностей в случае вооруженного*

конфликта. Комитет состоит из 12 государств-участников, избираемых на совещании при обеспечении справедливого представительства различных регионов и культур мира. Каждое государство-участник само определяет своего представителя в комитете. Представители должны быть компетентны в области культурного наследия, обороны или международного права. Кроме того, государства-участники «стремятся в консультации друг с другом обеспечить, чтобы Комитет в целом включал надлежащих специалистов во всех этих областях» [21, ст. 24(4)]. Комитет собирается один раз в год на очередную сессию и на чрезвычайные сессии, когда считает это необходимым.

Одна из функций комитета — «предоставление, приостановление или отмена усиленной защиты в отношении культурных ценностей и составление, обновление и распространение *Списка культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой*» [21, ст. 27(1)(b)]. Предоставление усиленной защиты и составление Списка предусмотрены статьей 11. Для максимального охвата культурных ценностей, имеющих огромное значение для человечества, эта статья предусматривает различные возможности номинации ценностей на включение в Список. Во-первых, «каждая Сторона представляет Комитету список культурных ценностей, в отношении которых она намерена просить о предоставлении усиленной защиты» [21, ст. 11(1)]. Во-вторых, «другие Стороны, Международный комитет “Голубой щит” и другие неправительственные организации, обладающие соответствующим опытом, могут рекомендовать вниманию Комитета конкретную культурную ценность». При этом только государство-участник, на чьей территории находится культурная ценность или которое является оккупирующим государством по отношению к культурной ценности, может номинировать такую ценность на включение в Список. В таких случаях Комитет может принять решение предложить стороне запросить включение этой культурной ценности в Список.

«По получении просьбы о включении в Список Комитет информирует об этой просьбе все Стороны. Стороны могут высказать Комитету свои возражения относительно такой просьбы в течение 60 дней. Эти возражения делаются лишь на основе критериев, упоминаемых в статье 10». Исключение предусмотрено лишь для развивающихся государств, которые не в состоянии соблюсти критерии статьи 10(b). В таком случае «Комитет может принять решение о предоставлении усиленной защиты при условии, что запрашивающая Сторона обращается с просьбой о предоставлении международной помощи в соответствии со статьей 32» [21, ст. 11(5)].

Кроме того, предусмотрена специальная процедура по включению культурных ценностей в Список во время вооруженного конфликта. В таком случае просьба о включении направляется не всем государствам-участникам, а лишь сторонам конфликта.

Усиленная защита и военная необходимость. Применение отказа от иммунитета на основании *неизбежной* военной необходимости в отношении культурных ценностей, находящихся под специальной защитой Конвенции, было неудовлетворительным, главным образом потому, что было трудно отличить этот более высокий уровень защиты от более низкого, связанного с *настоятельной* военной необходимостью.

Ключевой в создании режима усиленной защиты является статья 12, в которой говорится, что «стороны конфликта обеспечивают иммунитет культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, воздерживаясь от превращения таких ценностей в объект нападения или от любого использования данных ценностей или непосредственно прилегающих мест для поддержки военных действий». Хотя в данной статье выражен ясный и недвусмысленный запрет на использование таких ценностей для поддержки военных действий или подвержения их нападению, далее Протокол предусматривает исключение из этого правила. Таким образом, и данный защитный режим не считается абсолютным, а доктрина военной необходимости используется в нем для снятия иммунитета.

В статье 13 перечислены обстоятельства, при которых культурная ценность, находящаяся под усиленной защитой, утрачивает иммунитет. Это может произойти, «если такие ценности по своему использованию становятся военным объектом». Важно, что данная статья ограничивает определение военного объекта только его использованием, а не характером, расположением, назначением или использованием (ст. 1(f)), суживая тем самым обстоятельства, при которых он может быть атакован. В статье 13(2) перечислены критерии, которые следует выполнить государству для того, чтобы атаковать такую культурную ценность: нападение является единственным практически возможным средством прекратить использование ценностей, ставших военным объектом; приняты все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения с целью прекратить такое использование и избежать или свести к минимуму ущерб культурным ценностям; если не позволяют обстоятельства по причине требований непосредственной самообороны, приказ о нападении отдается на высшем оперативном уровне командования; силам противной стороны направляется

действенное предварительное предупреждение с требованием прекратить подобное использование культурной ценности; силам противной стороны дается разумный период времени для исправления ситуации [21, ст. 13(2)].

Второе обстоятельство, при котором культурная ценность может утратить статус усиленной защиты, — когда такая защита приостановлена или отменена в соответствии со статьей 14. Согласно последней действие статуса усиленной защиты может быть приостановлено комитетом путем исключения из Списка, «если культурные ценности более не отвечают одному из критериев, упоминаемых в статье 10 настоящего Протокола». Это означает, что данные культурные ценности перестали быть культурным наследием, имеющим огромное значение для человечества, или они не охраняются должным образом на национальном уровне и, наконец, что наиболее вероятно, используются для военных целей или прикрытия военных объектов.

Кроме того, статья 14(2) предусматривает, что «в случае серьезного нарушения статьи 12 в отношении культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, в связи с их использованием для поддержки военных действий, Комитет может приостановить действие статуса усиленной защиты. Если такие нарушения продолжаются, Комитет может в исключительных случаях отменить статус усиленной защиты, исключив данные культурные ценности из Списка».

Уголовная ответственность и юрисдикция

Хотя дело каждого отдельного государства — устанавливать ответственность за противоправные действия в отношении культурного наследия, в международных конвенциях была предпринята попытка потребовать от государств установления в законодательстве такой ответственности. Это нашло отражение в Гаагской конвенции 1954 г., в соответствии со статьей 28 которой «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются принимать в рамках своего уголовного законодательства все меры, необходимые для того, чтобы были выявлены и подвергнуты уголовным или дисциплинарным санкциям лица, независимо от их гражданства, нарушившие или приказавшие нарушить настоящую Конвенцию».

Эта статья специально составлена в общих выражениях, чтобы государства-участники сами предпринимали необходимые шаги в соответствии со своим внутренним законодательством. К 1999 г.

в связи с развитием международного законодательства статья 28 Конвенции 1954 г. рассматривалась как слишком широкая и потому неэффективная. Вследствие этого обсуждение вопроса ответственности стало одним из ключевых при обсуждении Второго протокола. Многие статьи главы 4, особенно статьи 17–20, отражают и повторяют положения, содержащиеся в конвенциях по международному криминальному праву, включая дополнительные протоколы 1977 г.

В статье 15 представлен список «серьезных нарушений» Протокола: «Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящего Протокола, если это лицо намеренно и в нарушение Конвенции или настоящего Протокола совершает любое из следующих действий:

(а) делает культурные ценности, находящиеся под усиленной защитой, объектом нападения;

(б) использует культурные ценности, находящиеся под усиленной защитой, или непосредственно прилегающие места для поддержки военных действий;

(с) уничтожает или присваивает в крупных масштабах культурную собственность, находящуюся под защитой в соответствии с положениями Конвенции и настоящего Протокола;

(д) делает культурные ценности, находящиеся под защитой в соответствии с положениями Конвенции и настоящего Протокола, объектом нападения;

(е) совершает акты кражи, грабежа или незаконного присвоения или акты вандализма, направленные против культурных ценностей, находящихся под защитой в соответствии с положениями Конвенции».

Важное условие, определяющее «серьезность» преступления, — его преднамеренность. Непреднамеренные нарушения не считаются «серьезными». Ответственность предусмотрена в случае нарушения соответствующих положений не только Протокола, но и Конвенции.

Первые два из пяти пунктов относятся к усиленной защите. Первое нарушение само по себе не является нарушением Протокола. Серьезным нарушением будет считаться только такое нападение, которое нельзя оправдать положениями статьи 13 Протокола. Что касается второго нарушения, то для него не предусмотрено никаких исключений.

Три последних вида нарушений относятся как к культурным ценностям, находящимся под общей защитой, так и к культурным ценностям под специальной и усиленной защитой. Положения (с)

и (d) охватывают большинство статей Конвенции, но особенно касаются нарушений статьи 4 Конвенции и статьи 6 Протокола, относящихся к уважению культурных ценностей. Последний пункт статьи 15 прямо касается нарушения статьи 4(3) Конвенции.

Согласно статье 15(2) государства-участники должны принимать «такие меры, какие могут оказаться необходимыми для признания уголовными преступлениями согласно ее внутреннему законодательству деяний, предусмотренных в настоящей статье, и для установления для таких преступлений соответствующих наказаний. При этом Стороны соблюдают общие принципы права и международного права, в том числе нормы, распространяющие индивидуальную уголовную ответственность на других лиц, помимо тех, кто непосредственно совершил деяние».

Статья 21 касается законодательных, административных и дисциплинарных мер ответственности за «другие нарушения», т. е. за нарушения, не являющиеся серьезными. К таким нарушениям относятся: «(а) любое использование культурных ценностей в нарушение Конвенции или настоящего Протокола; (b) любой незаконный вывоз, иное изъятие культурной ценности с оккупированной территории или передача права собственности на нее в нарушение Конвенции или настоящего Протокола». Подобные действия должны быть совершены преднамеренно.

В статье 16 освещены вопросы юрисдикции. Статья требует от государств-участников принимать законодательные меры, «когда такое преступление совершено на территории этого государства», а также «когда предполагаемый преступник является гражданином этого государства», что относится к преступлениям, совершенным на территории другого государства. В случае преступлений, предусмотренных в подпунктах (a) – (c) статьи 15, существует универсальная юрисдикция, т. е. если преступник находится на территории государства-участника, то даже если он не является гражданином этого государства и преступление совершено на территории другого государства, он все равно должен нести ответственность.

Статьи 17 и 18 касаются специальных вопросов и требуют от государств-участников преследовать и выдавать преступников. В них предусмотрен ряд защитных мер в отношении предполагаемых преступников, которым «гарантируется справедливое обращение и справедливое разбирательство в соответствии с внутренним и международным правом на всех стадиях разбирательства, и таким лицам ни в коем случае не предоставляются гарантии менее благоприятные, чем те, которые предусмотрены международным правом» [21, ст. 17(2)].

Государства ревниво оберегают свою юрисдикцию, поэтому универсальная юрисдикция, как правило, предусмотрена только в случаях серьезных нарушений международного уголовного права. Статьей 16(2) предусмотрены меры предосторожности для обеспечения того, что ничто в статье 16(1) не нарушит существующие юрисдикции, установленные национальным или международным законодательством. Подобным образом статья 22(4) призвана гарантировать, что в случае конфликта немеждународного характера юрисдикция государства-участника должна полностью сохраняться и признаваться.

Государства «оказывают друг другу максимальную помощь в связи с расследованиями, уголовным преследованием или процедурами выдачи, начатыми в отношении преступлений, указанных в статье 15, включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для разбирательства» [21, ст. 19(1)]. В статье 20 приводятся основания для отказа в выдаче предполагаемых преступников и взаимной правовой помощи: «просьба о выдаче или о взаимной правовой помощи не может быть отклонена лишь на том основании, что она касается политического преступления или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, вызванного политическими мотивами». В то же время ничто в Протоколе не должно толковаться, как налагающее обязательство выдавать предполагаемых преступников, если запрашиваемая сторона имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче имеет целью судебное преследование «по причине его расы, вероисповедания, гражданства, этнического происхождения или политических убеждений» [21, ст. 20(2)].

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ НОВОВВЕДЕНИЯ

Режим регулирования, установленный Конвенцией 1954 г., к 1990-м гг. считался слишком сложным и громоздким, поэтому глава 6 Протокола посвящена институциональным нововведениям, включающим учреждение *Комитета по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта*. Секретариат ЮНЕСКО призван оказывать комитету содействие в подготовке документации, повестки дня заседаний и выполнении его решений [21, ст. 28].

Кроме того, были предусмотрены регулярные, проходящие один раз в два года совещания сторон, которые созываются одновременно с Генеральной конференцией ЮНЕСКО или по мере необходимости [21, ст. 23].

В целях преодоления трудностей, с которыми могут столкнуться развивающиеся государства при принятии мер, предусмотренных Протоколом, был учрежден *Фонд для защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта*. Фонд служит также для «оказания финансовой и иной помощи в связи с чрезвычайными, временными или иными мерами, принимаемыми для защиты культурных ценностей в период вооруженного конфликта или немедленного их возвращения после окончания военных действий» [21, ст. 29(1)]. Средства фонда состоят преимущественно из добровольных взносов сторон и пожертвований.

На третьей встрече государств – участников Второго протокола в ноябре 2009 г. была принята первая версия Руководства по выполнению данного Протокола, в которое вносились поправки на последующих встречах государств-участников. Актуальная версия Руководства доступна на сайте ЮНЕСКО [28].

Таким образом, защита культурных ценностей в военное время значительно изменилась с тех времен, когда разрушение и разграбление культурных ценностей считались военной нормой и рассматривались в качестве права победителя. Созданная на основе Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. и Женевских конвенций 1949 г. Гаагская конвенция 1954 г. играет ключевую роль в изменении такого восприятия. Однако, несмотря на весь прогресс, культурное наследие по-прежнему разрушается и повреждается во время многочисленных военных конфликтов. Особенно печально, когда такое разрушение совершается намеренно, что мы могли наблюдать, например, на территориях Ирака и Сирии, находившихся под контролем террористов Исламского государства.

Беларусь ратифицировала Гаагскую конвенцию и Первый протокол к ней в 1957 г., а также одной из первых (после Болгарии и Катара) присоединилась ко Второму протоколу в 2000 г. Статьей 136 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрено наказание лишением свободы сроком от пяти до двадцати лет за превращение культурных ценностей, находящихся под защитой, в объект нападения или уничтожения при отсутствии военной необходимости, а также за хищение таких ценностей в крупных масштабах или совершение в отношении них актов вандализма. Такая же ответственность предусмотрена за использование культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, либо непосредственно прилегающих к ним мест для поддержания военных действий, а равно превращение этих ценностей либо непосредственно прилегающих к ним мест в объект нападения [29, ст. 136(8)]. Кроме того, статья 138 Уголовного кодекса Республики Беларусь пред-

усматривает наказание (ограничение свободы на срок от двух до четырех лет или лишение свободы на срок до трех лет) за умышленное использование вопреки международным договорам во время военных действий охранных знаков для культурных ценностей.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какова сфера применения Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.?

2. Охарактеризуйте суть обязательств государств – участников конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.

3. В чем суть режима специальной защиты согласно Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.?

4. Какие обязательства принимают на себя государства – участники Первого протокола к Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.?

5. Что нового в режим защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта внес Второй протокол 1999 г.?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голованов, С. В. Средства и методы ведения войны в праве вооруженных конфликтов и защита культурных ценностей / С. В. Голованов. – 2-е изд. – Минск : Право и экономика, 2013.

Зацепина, Т. Н. Международно-правовая защита культурных ценностей во время вооруженного конфликта и национальное законодательство Республики Беларусь / Т. Н. Зацепина // Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств – участников СНГ : материалы Междунар. конф., Минск, 26–28 апр. 2007 г. / Ин-т государства и права НАН Беларуси ; редкол.: А. Б. Сташкевич [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2007. – С. 94–99.

Калугин, В. Ю. Организационно-правовые средства обеспечения реализации норм по защите культурных ценностей в период вооруженного конфликта в международном механизме имплементации международного права / В. Ю. Калугин // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 3. – С. 17–26.

Хладик, Я. Гаагская конвенция 1954 г. и Второй дополнительный протокол к ней: имплементация на национальном уровне / Я. Хладик // Юстиция Беларуси. – 2003. – № 3. – С. 70–73.

Глава 4

КОНВЕНЦИЯ О МЕРАХ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАПРЕЩЕНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НЕЗАКОННОГО ВВОЗА, ВЫВОЗА И ПЕРЕДАЧИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ 1970 г.

Культурное наследие переходит от побежденных к победителям в качестве «военного трофея» так долго, как длится войны. Оно бывает также поводом к ведению войны. Перемещение культурного наследия от одной культуры к другой может не только уберегать такое наследие от уничтожения, но и наделять новыми ценностями, которые придают ему победители. Особенно ярко это проявляется, когда победители не возвращаются на свои земли, а остаются на покоренных территориях. Часто это ведет к усвоению культурного наследия покоренных народов.

Вместе с экспансией империй, от испанских конкистадоров до глобальной британской империи, культурное наследие покоренных и колонизированных народов было отдано на милость завоевателей. Оно перемещалось с одной территории на другую то в качестве символа победы, то просто из-за своей экономической ценности. Новая угроза наследию появилась в XVIII–XIX вв. с развитием интереса к коллекционированию древностей. Феномен коллекционирования привел к перемещению огромного количества культурного наследия африканских, азиатских и ближневосточных народов в колониальные державы Европы. Коллекционирование практиковалось как государственными органами, так и частными лицами. В результате на рынки колониальных держав поступило огромное

количество предметов искусства и древности. В этот период из феномена коллекционирования развилась научная дисциплина археология. В дальнейшем их пути абсолютно разошлись. Собиратели обычно смотрят на предметы только с эстетической точки зрения и их ценности, качества формы, замысла и красоты. Археологи же стремятся к реконструкции и пониманию прошлого через извлечение и научное изучение предметов в их физическом контексте. Первенство при этом отдается информации, получаемой благодаря научному изучению, а не предмету как таковому.

После краха империй и начала процесса деколонизации многие новообразованные государства стремятся к восстановлению своего утраченного культурного наследия и предпринимают шаги по предотвращению дальнейших потерь. Во многих государствах, потерявших значительную часть своего культурного наследия в период иностранной оккупации, охранный режим, введенный для предотвращения дальнейшей утраты наследия, включал передачу прав собственности на все культурное наследие государству, запрет на частное владение им и экспорт, а также на незаконные раскопки. Однако такие шаги означали резкое сужение существовавшего рынка произведений искусства и антиквариата, удовлетворявшего потребности коллекционеров и многих учреждений культуры, например музеев и университетских коллекций. В результате возник широкомасштабный черный рынок в этой сфере.

Рынок произведений искусства и антиквариата является международным и способствует перемещению культурного наследия из одного государства в другое. Таким образом, пресечение такой нелегальной торговли должно носить международный характер. В данной сфере приняты две международные конвенции: *Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности* 1970 г. и *Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям* 1995 г.

4.1. ИСТОРИЯ ОХРАНЫ ДВИЖИМОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Издавна в разных странах существовали законы об охране культурного наследия, особенно храмов и подобных священных мест, во время военных действий. Охрана движимого культурного наследия, в частности извлеченного во время раскопок, берет начало со

времен увлечения древностями и последующего развития научной археологии. Первые специальные законы об охране культурного наследия были приняты в тех европейских государствах, где имелось большое количество памятников и археологических мест. Греция приняла такой закон в 1832 г., Италия – в 1872 г., Франция – в 1887 г. [30, с. 34–38]. С началом коллекционирования древностей и последующей активизацией археологов множество культурных объектов было обнаружено также в Африке и Азии, и большая часть их была перемещена в Европу. Многие государства, наиболее пострадавшие от этого раннего этапа коллекционирования древностей, ввели строгое законодательство, особенно в том, что касается нелегального вывоза культурного наследия со своей территории. Турция приняла такие законы в 1874 г., Египет – в 1879 г. Кроме того, в это время в странах с богатым культурным наследием создавалось много музеев. В 1835 г. основан Национальный музей в Египте, в 1847 г. – Турецкий музей древностей [30, с. 44]. В большинстве стран, обладающих богатым археологическим наследием, но находящихся под колониальным управлением, охранное законодательство появилось позже. Впрочем, в начале XX в. во многих британских колониях существовали те или иные формы охранного законодательства, которое было введено в Ираке в 1924 г., в Палестине – в 1929 г., в Индии – в 1932 г. Некоторые государства, образованные на территориях бывшей Османской империи, также ввели подобное законодательство, например Ливан в 1933 г. В 1930 г. подобный закон был принят в Иране. Однако в большинстве других государств законодательство в данной сфере не было учреждено до конца процесса деколонизации.

Лигой Наций было признано, что для должной эффективности охранных режимов, установленных в разных государствах, и решения проблемы черного рынка предметов искусства и антиквариата необходимы международное сотрудничество и координация. В 1933 г. Международное бюро музеев при Лиге Наций подготовило проект *Конвенции о репатриации потерянных, похищенных или незаконно отчужденных либо вывезенных предметов, представляющих художественный, исторический или научный интерес*. К сожалению, этот проект оказался неудачным, поскольку в нем не проводилось различия между государственным и частным наследием, а многие государства желали ввести охранный режим только для государственного наследия. Следующей попыткой установления охранных режимов в отношении государственного наследия стал проект *Конвенции о защите национальных исторических художественных сокровищ*

вищ. Хотя проект предусматривал защиту для наследия, находящегося в государственной собственности, страны могли применять его и в отношении наследия, принадлежащего частным лицам. Впрочем, многие государства, включая Нидерланды, Швецию, Великобританию и США, по-прежнему возражали против введения охранного режима, опасаясь за свои развитые рынки предметов искусства и антиквариата [31, с. 4]. Переговоры продолжались вплоть до начала Второй мировой войны и показали необходимость подобного международного соглашения.

После принятия Гаагской конвенции 1954 г., посвященной, в частности, предотвращению разграбления, хищения и реституции культурного наследия во время войны, и особенно на оккупированных территориях, ЮНЕСКО обратила внимание на незаконную торговлю культурными ценностями в мирное время. В 1956 г. организация приняла *Рекомендацию, определяющую принципы международной регламентации археологических раскопок*. Хотя документ не был обязательным для исполнения государствами, в нем содержался ряд принципов, которые приняли обязательную форму в Конвенции 1970 г. Например, желательно, чтобы государства предпринимали меры по предотвращению нелегальных раскопок и экспорта археологических материалов, а также чтобы музеи гарантировали, что любые поступающие в них артефакты имели легальное происхождение. Важность Рекомендации заключалась прежде всего в том, что в ней закладывались основные принципы, руководствуясь которыми, государства могли вводить законодательные меры по предотвращению незаконной торговли культурными ценностями.

К началу 1960-х гг. у многих государств (особенно Мексики и Перу) были серьезные проблемы, связанные с незаконными раскопками и вывозом своего культурного наследия. Учитывая это, в 1964 г. ЮНЕСКО приняло *Рекомендацию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности*. Документ поощрял государства к разработке и принятию законодательства в данной сфере; также в нем излагались принципы международного сотрудничества, которые должны были лечь в основу будущей конвенции. В течение последующих шести лет проводились встречи экспертов и межгосударственные переговоры, приведшие к принятию в 1970 г. новой конвенции.

В то время как Конвенция 1970 г. призвана была решить проблему незаконной торговли культурным наследием, возвращение культурных ценностей, перемещенных во время колониального

правления и других форм контроля, продолжает оставаться предметом разногласий на международном уровне. В 1973 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию *Возвращение предметов искусства странам – жертвам экспроприации*. В ней говорится о скорейшем и безвозмездном возвращении предметов искусства, памятников, музейных экспонатов, рукописей и документов, которые были вывезены преимущественно в результате колониальной или иностранной оккупации [32].

В 1976 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция *Охрана и возвращение произведений искусства как часть сохранения и дальнейшего развития культурных ценностей*, согласно которой все государства должны оказывать противодействие незаконной торговле произведениями искусства, вывозимыми из какой-либо другой страны, а также возвращать незаконно вывезенные культурные ценности странам их происхождения.

В 1978 г. ЮНЕСКО создала *Межправительственный комитет содействия возврату культурных ценностей в случае их незаконного присвоения*.

Трудности в толковании и реализации Конвенции 1970 г. привели к принятию в 1995 г. международной Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям.

В 1999 г. на XXX сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был учрежден Фонд Межправительственного комитета. В 2015 г. совещание государств – участников Конвенции 1970 г. приняло Оперативное руководство по ее выполнению.

4.2. ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Вопрос о возвращении культурного наследия возникает при переходе его от одного правового субъекта к другому, когда субъект, утративший обладание культурным наследием, утверждает, что последнее есть проявление его культуры. Правовым субъектом может выступать государство, группа или отдельное лицо. Это с необходимостью поднимает сложный вопрос не только о культурной идентичности, но и о праве собственности, владении и контроле, а также о праве государства представлять группы или отдельных лиц, предъявляющих претензии на культурное наследие других субъектов. Еще более усложняет проблему то, что утрата собственности и перемещение могли произойти очень давно, и в течение прошедшего времени многие обстоятельства изменялись. Наконец, сегодня

перемещение культурного наследия часто имеет место в контексте коммерческого рынка этого наследия.

На рынке культурного наследия осуществляется взаимодействие между спросом на него в одном месте и предложением в другом. Конечно, это упрощение, поскольку нет единого рынка культурного наследия, а есть много рынков, на которых представлено множество продавцов и покупателей различных форм культурного наследия. Рынок предметов искусства и антиквариата обширный, но трудно-определимый. Он включает рынки монет, старинной мебели, картин, скульптур и практически любых предметов старины. Сюда относятся предметы, извлеченные из захоронений, древних строений, памятников, заброшенных и вновь открытых городов, домов, производственных помещений, мест сражений, останков судов и летательных аппаратов. Почти во всех случаях их изучение *in situ* имеет важнейшее значение для археологии. Однако, хотя контекст и происхождение этих предметов могут представлять определенную ценность для собирателей выставленных на рынке предметов искусства и антиквариата, ими эти предметы оцениваются прежде всего с художественной точки зрения [4, с. 137].

В основном спрос на культурное наследие имеется со стороны богатых развитых государств, прежде всего США, Великобритании, Швеции, Японии, Франции и Швейцарии. Большая часть предложений культурного наследия поступает из таких государств, как Перу, Мексика, Китай, Нигерия, Камбоджа, Египет, Иран и Ирак. Некоторые развитые страны также страдают из-за незаконных раскопок и торговли антиквариатом, например Греция и Италия [33]. Регулирование предложения и его ограничение представляют собой непростую задачу для большинства этих государств. У многих из них недостает ресурсов для проведения раскопок на всех обнаруженных археологических объектах или охраны их *in situ*. До тех пор, пока существует спрос на материалы с этих объектов, они находятся под угрозой.

Различают три вида нелегальной торговли культурным наследием. Первый — торговля культурным наследием, которое было незаконно изъято из археологического объекта или памятника в государстве происхождения. Это значит, что предмет был перемещен тайно, без получения разрешения от государства, контролирующего археологические раскопки и обычно без археологической экспертизы. Второй — незаконная торговля, которой предшествует похищение культурного наследия из государственных или частных коллекций. Третий — экспорт культурного наследия без получения

разрешения. Сюда относится незаконный вывоз культурного наследия законными владельцами, что обычно делается в целях более выгодной его продажи на рынках культурного наследия других стран. Но все же чаще это нелегальный вывоз культурного наследия, которое было незаконно присвоено и украдено [4, с. 137–138].

Еще во время переговоров при подготовке Конвенции 1970 г. обозначились два блока государств: с одной стороны – государства, ссылающиеся на принцип свободы перемещения культурных ценностей, которые хотели бы ограничить сферу действия Конвенции обеспечением защиты покупателей культурного наследия на своих рынках предметов искусства и антиквариата; с другой – государства, которые хотели максимально расширить принцип реституции похищенного или незаконно вывезенного культурного наследия. Эти две группы обладают во многом противоположными характеристиками. В развитых странах со стороны экономических и социальных элит наблюдается значительный спрос на культурное наследие. Обычно культурные ценности – одни из самых дорогостоящих предметов на рынке. Неудивительно, что этот спрос связан со значительной политической и экономической властью. В результате рынок в таких государствах функционирует легально, но часто не обращая внимания на легальность предложенного на рынке культурного наследия. Полностью противоположна ситуация в странах происхождения культурного наследия. Часто поставщики культурного наследия – самые бедные члены общества, занимающиеся нелегальной деятельностью и получающие лишь небольшой процент рыночной стоимости культурных ценностей.

В этом поляризованном контексте споры ведутся относительно степени регулирования рынка. Точка зрения сторонников легальной торговли археологическим наследием такова, что большая часть его принадлежит всеобщему наследию человечества и легальная торговля допускает свободный оборот культурного наследия. Этот оборот имеет научную, культурную и образовательную ценность, способствует пониманию и признанию других культур и обогащает культуру всех государств. Проблема в том, что в большинстве случаев это не оборот, а перемещение культурных ценностей в одном направлении – из развивающихся государств в развитые. Конвенция 1970 г. представляет собой попытку примирения этих двух противоположных сторон. В частности, Конвенция стремится установить режим, при котором введение контроля над импортом со стороны развитых стран согласуется с контролем над экспортом со стороны развивающихся.

4.3. ПОЛОЖЕНИЯ КОНВЕНЦИИ 1970 г.

Процесс разработки международного режима перемещения культурного наследия инициировали развивающиеся государства с богатым культурным наследием. Еще в 1960 г. Мексика и Перу предложили ЮНЕСКО принять международную конвенцию, призванную решить проблему незаконного перемещения культурного наследия. Это предложение поддержали многие государства Южной и Центральной Америки [35, с. 197]. В результате именно точка зрения государств-экспортеров доминировала во время обсуждения предварительного варианта текста Конвенции, особенно на первоначальном этапе. На финальной стадии процесса обсуждения к переговорам присоединились США, однако большинство стран-импортеров, в том числе Великобритания и Швейцария, вообще в нем не участвовали. Опытная делегация США оказала значительное влияние на окончательный текст Конвенции, хотя это проявилось не в нахождении компромиссных формулировок, а во введении ряда оговорок, которые затемняют смысл документа [35, с. 201].

Конвенция вступила в силу 24 апреля 1972 г., через три месяца после сдачи на хранение третьей ратификационной грамоты, согласно статье 21.

Руководящие принципы преамбулы

Центральный принцип, на котором построена вся Конвенция, — признание того, что «культурные ценности являются одним из основных элементов цивилизации и культуры народов» [14, п. 3 преамбулы]. Указывая на важность культурных ценностей для каждой культуры, в преамбуле утверждается, что «каждое государство обязано охранять достояние, состоящее из находящихся на его территории культурных ценностей, от опасностей кражи, тайных раскопок и незаконного вывоза».

Поскольку культурные ценности — один из основных элементов цивилизации и национальной культуры, они могут играть важную роль в улучшении культурного взаимопонимания между народами, а также внести важный вклад в культурную толерантность, мир во всем мире. Отсюда в преамбуле особо поощряется взаимобмен культурными ценностями между нациями: «...обмен культурными ценностями между странами для целей образования, науки и культуры расширяет знания о человеческой цивилизации, обогащает культурную жизнь всех народов и вызывает взаимное уваже-

ние и понимание между странами». Максимальную пользу от такого межкультурного обмена можно извлечь только в случае, если точно известны происхождение, история и окружающая среда культурных ценностей. Именно подлинности ценностей и их важности в деле улучшения взаимопонимания между нациями наносят ущерб незаконные ввоз, вывоз и передача права собственности, чему Конвенция должна воспрепятствовать.

К сожалению, механизм, благодаря которому каждое государство должно достичь этого, изложен в преамбуле неясно. В ней признается, что «каждое государство обязано охранять достояние, состоящее из находящихся на его территории культурных ценностей, от опасностей кражи, тайных раскопок и незаконного вывоза», и в то же время предусматривается, что «для предупреждения этих опасностей необходимо, чтобы каждое государство еще больше прониклось сознанием моральных обязательств в отношении как своего культурного достояния, так и культурного достояния всех народов». По мнению многих специалистов, такая ссылка на моральные, а не на правовые обязательства говорит о слабости данной нормы. Это же касается и положения преамбулы относительно того, что «музеи, библиотеки и архивы, являясь учреждениями культуры, должны заботиться о том, чтобы их коллекции создавались на основе всеобщих признанных моральных принципов». В тексте международной конвенции следовало бы сформулировать принципы, лежащие в основе деятельности государства в данной сфере и возложить на государство обязательство по контролю над тем, чтобы культурные учреждения придерживались соответствующих моральных принципов.

Основополагающие принципы Конвенции (статьи 2 и 3)

В статьях 2 и 3 сформулированы основополагающие принципы Конвенции. Первый принцип содержит признание того, что «незаконный ввоз, вывоз и передача прав собственности на культурные ценности являются одной из главных причин обеднения культурного наследия стран происхождения этих ценностей и что международное сотрудничество является одним из наиболее действенных средств обеспечения охраны» от таких опасностей. Второй принцип определяет серьезность намерений государств-участников по противодействию подобным практикам путем искоренения их причин, прекращения их осуществления и возмещения ущерба.

Перемещение культурных ценностей вызвано многими причинами. Изначальной служат невежество и игнорирование этических

принципов, и поэтому важнейшую роль необходимо отвести образованию и повышению осведомленности. Нехватка возможностей по охране культурного наследия — важный недостаток во многих странах, который необходимо исправить, учитывая тот факт, что нередко физически невозможно принять исчерпывающие меры по обеспечению безопасности и наблюдению за всеми значимыми объектами культурного наследия, особенно археологическими и палеонтологическими. Кроме того, следует установить контроль за рынком. Для обеспечения эффективной охраны необходимо усиление правовых норм и таможенного контроля с внедрением строгих и эффективных механизмов, а также обучение и активное применение законодательства. Нужно, чтобы информация о торговом обмене была полностью и своевременно доступна государствам-участникам для того, чтобы эффективно противостоять нелегальному перемещению. До тех пор, пока спрос остается высоким, будет существовать стимул предлагать соответствующие товары. Торговля археологическими и палеонтологическими находками не только опошляет их бесценную природу, но и дает побуждение к разграблению. Кроме того, нередко на рынок попадают недавно изготовленные предметы, которые продаются по высоким ценам под видом выдающихся археологических артефактов [36, п. 14].

Незаконные раскопки археологических объектов представляют собой одну из наиболее разрушительных практик в системе незаконного перемещения. Повреждения, вызванные незаконными раскопками, выходят далеко за рамки похищения важнейших археологических предметов, поскольку уничтожают целостный характер археологического памятника и археологический контекст объекта. Оперативное руководство настоятельно рекомендует государствам-участникам решительно пресекать подобную практику [36, п. 15].

Высшим приоритетом должен стать возврат похищенных, незаконно извлеченных и незаконно перемещенных культурных ценностей в страны их происхождения [36, п. 16].

Для того чтобы противостоять перечисленным вызовам, Оперативное руководство рекомендует всем государствам-участникам содействовать эффективной реализации основополагающих принципов Конвенции путем принятия соответствующего законодательства и его полного соблюдения, а также повышения осведомленности, образования, укрепления потенциала и усиления международного сотрудничества. Участники Конвенции признают тот факт, что ответственность за предотвращение нелегальной торговли лежит не только на государствах происхождения этих ценностей, но и на всех странах [36, п. 17].

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Конвенция опирается на принцип, согласно которому следует защищать культурные ценности каждого государства, но государства сами определяют, какие культурные ценности подпадают под защиту. Однако положения Конвенции представляют собой компромисс между государствами ввоза и вывоза.

В статье 1 дается определение культурных ценностей и перечислены их категории:

«Для целей настоящей Конвенции культурными ценностями считаются ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки и которые относятся к перечисленным ниже категориям:

(a) редкие коллекции и образцы флоры и фауны, минералогии, анатомии и предметы, представляющие интерес для палеонтологии;

(b) ценности, касающиеся истории, включая историю науки и техники, историю войн и обществ, а также связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и с крупными национальными событиями;

(c) археологические находки (включая обычные и тайные) и археологические открытия;

(d) составные части расчлененных художественных и исторических памятников и археологических мест;

(e) старинные предметы более чем 100-летней давности, такие как надписи, чеканные монеты и печати;

(f) этнологические материалы;

(g) художественные ценности, такие как:

(i) полотна, картины и рисунки целиком ручной работы на любой основе и из любых материалов (за исключением чертежей и промышленных изделий, украшенных от руки),

(ii) оригинальные произведения скульптурного искусства из любых материалов,

(iii) оригинальные гравюры, эстампы и литографии,

(iv) оригинальные художественные подборки и монтажи из любых материалов;

(h) редкие рукописи и инкунабулы, старинные книги, документы и издания, представляющие особый интерес (исторический, художественный, научный, литературный и т. д.), отдельно или в коллекциях;

(i) почтовые марки, налоговые и аналогичные им марки, отдельно или в коллекциях;

(j) архивы, включая фоно-, фото- и киноархивы;

(к) мебель более чем 100-летней давности и старинные музыкальные инструменты» [14, ст. 1].

Оперативное руководство по выполнению Конвенции среди этих категорий выделяет три. Первая – археологические и палеонтологические находки, полученные в результате нелегальных раскопок. В отношении данной категории государства не в состоянии вести какие-либо специальные перечни. Чтобы избежать проблем с точной идентификацией археологических и палеонтологических находок, единственно правильным подходом был признан тот, при котором все подобные находки автоматически становятся собственностью государства, и, соответственно, государства-участники могут добиваться их возвращения согласно Конвенции 1970 г. и/или принимать любые другие соответствующие меры. Особенно это важно в отношении ненарушенных археологических объектов, которые еще не были разграблены: каждый из предметов, который будет найден, крайне важен для полного понимания археологического объекта. Вторая категория – элементы художественных или исторических памятников либо расчлененных археологических объектов. Выделение предметов, отделенных от памятников или вырванных из археологического контекста и еще не инвентаризованных, также представляет собой серьезную проблему. Государствам-участникам рекомендуется четко определить данную категорию, весьма чувствительную к разграблению. Третья категория – предметы, представляющие этнологический интерес, и вещи коренных сообществ. В последние годы отмечается рост перемещения представляющих этнологический интерес предметов, которые играют важную роль во время традиционных праздников, обрядов и т. п. Государствам-участникам рекомендуется составлять и периодически обновлять перечни подобных предметов, призванные препятствовать их незаконному перемещению. Еще один важный вопрос – возвращение предметов в коренные сообщества, поскольку их отсутствие нарушает культурную жизнь этих сообществ, образование детей и подрывает уважение к их традициям. Также во всех культурах особое внимание уделяется вещам, обладающим духовной ценностью. Например, хотя человеческие останки не обязательно попадают в сферу действия Конвенции, многим коренным сообществам небезразлично возвращение останков своих предков для проведения погребальных и других обрядов на родине. Подобный воз-

врат нельзя рассматривать в рамках Конвенции 1970 г., поскольку выражение «культурные ценности» большинством коренных сообществ не применяется в отношении человеческих останков. Государствам-участникам рекомендуется в полной мере учитывать это и принимать в необходимых случаях соответствующее законодательство, опирающееся на *Декларацию ООН о правах коренных народов* 2007 г. и *Принципы и руководство по защите наследия коренных народов* (составлены в 1993 г., пересмотрены в 2000 г.) [36, п. 12].

Для целей Конвенции культурные ценности должны принадлежать к одной из перечисленных категорий. Отдельная ценность может относиться к нескольким категориям одновременно. Следует подчеркнуть, что каждое государство определяет, какие ценности имеют «значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки» [14, ст. 1].

Требование к тому, чтобы культурные ценности, подпадающие под действие Конвенции, были четко определены, позволяет как государствам-экспортерам, так и государствам-импортерам эффективно регулировать их перемещение. При этом именно на государства-экспортеры возложена обязанность определения того, что является культурными ценностями, и самого принципа определения. Так, государства могут устанавливать общие категории культурных ценностей (подобные категориям, установленным Конвенцией, обычно с ограничениями по стоимости и возрасту), подпадающих под действие Конвенции, или определять отдельные предметы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

Тонкий баланс, достигнутый в определении культурных ценностей в Конвенции, был необходим для обеспечения того, чтобы государства-импортеры могли выполнять требования государств-экспортеров относительно незаконного перемещения культурных ценностей. В статье 4 определяются условия, при которых государство может провозгласить культурные ценности своей национальной собственностью: «Государства – участники настоящей Конвенции признают, что, в соответствии с целями настоящей Конвенции культурное наследие каждого государства включает перечисленные ниже категории ценностей:

(а) культурные ценности, созданные отдельными лицами или коллективами лиц, являющихся гражданами данного государства, и культурные ценности, имеющие важное значение для данного государства и созданные на территории этого государства иностран-

ными гражданами или лицами без гражданства, проживающими на территории данного государства;

(b) культурные ценности, обнаруженные на национальной территории;

(c) культурные ценности, приобретенные археологическими, этнологическими и естественнонаучными экспедициями с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности;

(d) культурные ценности, приобретенные в результате добровольных обменов;

(e) культурные ценности, полученные в качестве дара или законно купленные с согласия компетентных властей страны, откуда происходят эти ценности» [14, ст. 4].

По существу, статья 4 вводит критерии легитимности претензий на национальные культурные ценности. При этом установленные категории культурных ценностей определены именно для целей Конвенции, то есть для предупреждения их незаконного ввоза и вывоза и не касаются прав собственности [31, с. 46]. Статья представляет собой механизм, обеспечивающий реализацию ограничений на экспорт определенных категорий ценностей [4, с. 171].

Наконец, пункты (c), (d) и (e) относятся к категориям ценностей, которые попали на территорию заявляющего претензии государства легитимно: 1) благодаря обмену; 2) получены в разрешенных научных экспедициях; 3) законно куплены. Относится ли предмет к той или иной категории, определяется в каждом конкретном случае.

Поскольку государство имеет право само определять категории культурных ценностей, подпадающих под действие Конвенции, эта статья служит лишь для ограничения масштаба Конвенции, устанавливая систему взаимного признания широты полномочий отдельного государства по контролю над культурными ценностями, находящимися на его территории.

Статья 13(d) предусматривает возможность провозглашения страной определенных ценностей неотчуждаемыми: «Государства – участники настоящей Конвенции обязуются, кроме того, в соответствии с законодательством каждого государства: ...признавать... неотъемлемое право каждого государства – участника настоящей Конвенции классифицировать и объявлять некоторые культурные ценности неотчуждаемыми, которые ввиду этого не должны вывозиться, и содействовать возвращению заинтересованным государствам таких культурных ценностей в том случае, если они были ранее вывезены».

На подобные ценности не могут распространяться никакие ограничения, относительно их не действует статус «добросовестного покупателя». Некоторые государства (Франция, Испания) при-

дали такой статус отдельным конкретным культурным ценностям, другие же наделили им целые категории объектов, как, например, сделала Мексика в отношении всех археологических находок [31, с. 87]. Специалисты отмечают: данная статья, по сути, лишь информирует другие государства о том, что подобная норма может содержаться в национальном праве. Так, если на территорию государства была ввезена ценность, объявленная неотчуждаемой в другом государстве — участнике Конвенции, и ее приобрел добросовестный покупатель, то в случае вывоза ее в государство происхождения она может быть конфискована на основании норм национального законодательства и положения статьи 13(d) [4, с. 173—174].

РЕЖИМ ВВОЗА — ВЫВОЗА

Исток незаконной торговли культурными ценностями — похищение их из таких учреждений, как музеи, незаконный вывоз с территории памятников, храмов и других объектов недвижимости либо незаконное извлечение из известных и неизвестных археологических объектов и следующий за этим вывоз из государства происхождения. Выйдя из-под юрисдикции последнего, культурные ценности затем свободно поступают на рынки антиквариата других государств. Хотя Конвенция возлагает на государство происхождения обязательства по охране культурных ценностей, находящихся на его территории, по существу она представляет собой попытку прекращения подобной торговли путем регулирования как вывоза, так и ввоза подобных ценностей. Наиболее эффективный способ такого предотвращения — запрет ввоза нелегально вывозимых культурных ценностей. Это означает, что противозаконность действий в отношении таких ценностей в государстве происхождения распространяется и официально признается и в государстве-импортере.

К сожалению, достигнутый конвенциональный режим получился недостаточно эффективным. Во время переговоров часть государств выразила озабоченность масштабом ограничений на импорт, который может быть следствием такого режима, и попыталась возложить больше обязательств на государства происхождения. При попытке найти компромисс между государствами-экспортерами и государствами-импортерами итоговые положения были сформулированы настолько расплывчато, что допускают множество различных толкований.

Основополагающей статьей в установлении режима охраны согласно Конвенции является статья 3: «Считаются незаконными ввоз, вывоз и передача прав собственности на культурные ценно-

сти, совершенные в нарушение правил, принятых государствами-участниками в соответствии с настоящей Конвенцией». Статья 3 получает дальнейшее развитие в положениях статей 6 и 7.

В соответствии со статьей 6(a) «государства-участники обязуются учредить соответствующее свидетельство, которым государство-экспортер удостоверяет, что оно дало разрешение на вывоз одной или нескольких культурных ценностей». В дополнение к этому, согласно статье 6(b), государства-участники обязуются «запретить вывоз со своей территории культурных ценностей, к которым не приложено вышеупомянутое свидетельство». Таможенные органы должны проверять наличие подобного свидетельства как во время вывоза, так и во время ввоза культурных ценностей.

Свидетельство (сертификат) – это официальный документ, выдаваемый страной-экспортером, которая подтверждает разрешение на вывоз культурных ценностей. Подобный документ необходим для эффективного контроля и предполагает сотрудничество между национальными службами в сфере охраны культурного наследия и таможенными органами всех стран, задействованных в перемещении культурных ценностей, включая транзитные страны. Государства-участники, применяющие свидетельства на ввоз, должны выдавать их только в отношении тех культурных ценностей, которые имеют свидетельства на вывоз. Наличие свидетельства на ввоз без соответствующего свидетельства на вывоз не должно рассматриваться как подтверждение добросовестности или подтверждение права собственности [36, п. 57].

Государства-участники, вводящие свидетельство на вывоз, обязаны довести форму такого свидетельства до всех заинтересованных сторон (в том числе до властей других государств-участников), с тем чтобы исключить возможность его подделки [36, п. 59].

Наконец, согласно статье 6(c), государства-участники обязуются довести запрет на вывоз культурных ценностей без свидетельства установленной формы до сведения общественности и в особенности лиц, которые могут вывозить или ввозить культурные ценности.

ЮНЕСКО и Всемирная таможенная организация разработали образец свидетельства на вывоз культурных ценностей, представленный в приложении 2 к Оперативному руководству.

ЗАПРЕТ НА ВВОЗ ПОХИЩЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В соответствии со статьей 7(b)(i) Конвенции государства-участники запрещают импорт культурных ценностей, «похищенных из музея или религиозного и светского исторического памятника или

подобного учреждения» другого государства-участника после вступления Конвенции в силу в обоих заинтересованных государствах «при условии, что такая ценность числится в описи предметов, принадлежащих данному учреждению». Относительно данного запрета необходимо сделать два замечания. Во-первых, его реализации в значительной степени способствует введение обязательно-го свидетельства на вывоз, о котором речь шла выше. Кроме того, государства-участники поощряются к сотрудничеству, особенно с таможенными органами, в деле распространения и внедрения передовых практик по охране культурных ценностей и предотвращению их контрабанды. Большую роль в решении данной проблемы играет незамедлительное предание широкой огласке всех случаев похищения культурных ценностей, а также информирование соответствующих правоохранительных органов, включая Интерпол. Во-вторых, такой запрет должен касаться определенных категорий культурных ценностей, установленных статьей 1, особенно предметов, извлеченных из незаконно раскопанных археологических объектов и других культурных ценностей, которым угрожает особая опасность. Оперативное руководство отмечает, что в таких случаях необходимо полностью соблюдать право государств-участников объявлять некоторые культурные ценности неотчуждаемыми и поэтому неподлежащими вывозу [36, п. 63].

В соответствии со статьей 8 государства-участники обязуются подвергать уголовному или административному наказанию всех лиц, ответственных за нарушение запрещений, предусмотренных в статьях 6(b) и 7(b) Конвенции. В любом случае, если невозможно предоставить документальное подтверждение легальности вывоза культурной ценности, подпадающей под действие Конвенции, такая ценность должна быть конфискована властями и возвращена заинтересованному государству-участнику в соответствии с правовой процедурой [36, п. 64].

Поскольку Конвенция не уточняет, какие именно санкции следует применять, государствам-участникам рекомендуется самим вводить в национальное законодательство специальные уголовные или административные санкции в отношении всех тех, кто допустил нарушение положений Конвенции. Такое законодательство следует своевременно обновлять в банке данных ЮНЕСКО. Государствам – участникам Конвенции 1970 г., которые являются также участниками *Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (UNTOC)*, рекомендуется отнести преступления, связанные с перемещением культурных ценностей, к разряду серьезных согласно статье 2 Конвенции UNTOC [36, п. 64–66].

ПРОДАЖИ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

Во время принятия Конвенции всемирная компьютерная сеть не использовалась как канал продаж. Оперативное руководство отмечает, что стремительный рост использования интернета для торговли культурными объектами, которые были похищены, незаконно извлечены на археологических объектах или незаконно ввезены либо вывезены, представляет собой предмет серьезного беспокойства и важнейшую угрозу культурному наследию. У некоторых государств-участников недостаточно возможностей для отслеживания в интернете выставленных там на продажу культурных ценностей в целях выявления незаконно перемещенных. Кроме того, подобные веб-сайты выставляют на продажу культурные ценности в течение ограниченного периода времени, иногда нескольких часов, чтобы воспрепятствовать возможности отследить такие культурные ценности и предпринять необходимые действия. Плюс ко всему, некоторые веб-сайты играют роль посредников в торговле культурными ценностями, не являясь их владельцами, и не могут проверить законный характер их происхождения и документацию. Существует необходимость рассмотрения способов и средств надлежащей проверки всех веб-сайтов в мире в целях выявления культурных ценностей, подпадающих под действие Конвенции 1970 г., и передачи информации заинтересованным государствам-участникам в ежедневном режиме. Национальным властям рекомендуется оказать поддержку всем интернет-провайдерам и установить общественный надзор за предложением культурных ценностей в интернете с информированием соответствующих органов о случаях выставления на продажу ранее неизвестных предметов, принадлежащих национальному наследию, или появления зарубежных ценностей под местным адресом. На подобные предупреждения должны немедленно реагировать руководители сферы культуры, привлекая экспертов (из университетов, музеев, библиотек и других организаций) для оценки соответствующих предметов.

Следуя рекомендации, принятой на третьем ежегодном совещании экспертной группы Интерпола по похищенным культурным ценностям (7–8 марта 2006 г.), Интерпол, ЮНЕСКО и ИКОМ разработали *Список основных мер по противодействию распространению незаконной торговли предметами культуры через интернет*. Оперативное руководство рекомендует государствам-участникам интегрировать данный список в национальный комплекс мер по борьбе с незаконной торговлей культурными ценностями [36, п. 68–70].

ПРОДАЖА НА АУКЦИОНАХ

Продажа на аукционах культурных ценностей, являющихся предметом незаконного перемещения, касается культурного наследия многих стран, чьи запросы на возвращение не были удовлетворены. Иногда аукционы служат «отмыванию» культурных ценностей, имеющих незаконное происхождение. Государствам, в которых проводятся аукционы, рекомендуется регламентировать их на законодательном уровне. Кроме того, если ожидается проведение аукциона по продаже незаконно перемещенных культурных ценностей, то по ходатайству заинтересованных государств Генеральному директору ЮНЕСКО предлагается рассмотреть вопрос о том, чтобы сделать публичное заявление относительно подобной коммерческой деятельности, предавая огласке негативное влияние подобной практики на охрану культурного наследия [36, п. 71].

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПЕРЕДАЧИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ НЕЗАКОННОГО ВВОЗА И ВЫВОЗА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, КОНТРОЛЬ НАД ТОРГОВЛЕЙ С ПОМОЩЬЮ РЕЕСТРОВ, УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИЛ В СООТВЕТСТВИИ С ЭТИЧЕСКИМИ ПРИНЦИПАМИ (ст. 13(a); 10(a); 7(a); 5(e))

Хотя предотвращение незаконной передачи права собственности — одна из главных целей Конвенции, в тексте документа нет информации о том, какие виды подобной передачи могут способствовать незаконному ввозу и вывозу культурных ценностей. Лишь в статье 13 говорится, что государства — участники Конвенции обязуются «предупреждать всеми надлежащими средствами передачу права собственности на культурные ценности, способствующую незаконным ввозу или вывозу этих ценностей». Тем не менее Оперативное руководство, опираясь на *Предварительный доклад о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности* 1969 г., отмечает, что недостаток информации о происхождении предмета, поставщиках и их адресах, его описания с указанием цены, за которую он был продан, равно как и непредоставление покупателю информации о возможном запрете на вывоз предмета, может способствовать незаконному перемещению культурных ценностей [36, п. 72]. В соответствии со статьей 10(a) государства — участники Конвенции обязуются «в зависимости от условий каждой страны вменить антикварам в обязанность, под угрозой уголовных санкций,

ведение реестра», в котором содержится вся подобная информация. Контроль над такими реестрами со стороны государственных органов, ответственных за охрану культурного наследия, должен способствовать отслеживанию предметов культуры, особенно тех, которые были похищены или потеряны. К сожалению, данная статья содержит оговорку «в зависимости от условий каждой страны». Конечно, эта оговорка применима прежде всего к бедным странам-экспортерам, у которых просто нет необходимых ресурсов для реализации подобных мер. Страны же, в которые ввозятся культурные ценности, напротив, вполне способны осуществить такие меры, однако многие из них ограничивают себя в этом. Так, США, ссылаясь на то, что реализация обязательства зависит от «условий каждой страны», установили минимальный контроль над своим рынком антиквариата, полагаясь на его саморегуляцию.

Оперативное руководство призывает государства-участников устанавливать равные правовые и этические правила как для музеев и других подобных учреждений, так и для коллекционеров и торговцев; особенно это касается вопроса происхождения культурных ценностей [36, п. 73].

Согласно статье 7(а) государства-участники обязуются в соответствии с национальным законодательством принимать все необходимые меры, направленные на предотвращение приобретения музеями и другими аналогичными учреждениями, расположенными на их территориях, культурных ценностей, происходящих из другого государства-участника, которые были незаконно вывезены после вступления Конвенции в силу, а также всегда, когда это возможно, информировать государство происхождения ценности – участника Конвенции – о предложении вернуть подобную ценность, незаконно вывезенную из этого государства после вступления Конвенции в силу в обоих государствах.

Впрочем, следует указать, что формулировка статьи 7(а) значительно ограничивает эффективность противодействия незаконной торговле культурными ценностями. Во-первых, она запрещает прямо не ввоз незаконно вывезенных культурных ценностей, а лишь приобретение подобных предметов, поэтому нет обязательства установления контроля над ввозом культурных ценностей. Во-вторых, запрет на приобретение подобных культурных ценностей касается лишь «музеев и других аналогичных учреждений». Таким образом, частным лицам приобретение таких ценностей не запрещено. В-третьих, введение выражения «в соответствии с национальным законодательством» лимитирует обязательство предпринимать необхо-

димые меры по предупреждению такого приобретения лишь теми способами, которые предусмотрены внутренним законодательством. На государства-участников не накладывается, таким образом, обязательство принимать новые дополнительные меры в этом направлении, ограничиваясь лишь уже существующими. Если в стране установлен жесткий контроль над подобными учреждениями, то там есть возможность эффективно реализовывать положение статьи 7(а). Если же такой контроль слабый, особенно в отношении частных учреждений, то способность государства продуктивно действовать в этом направлении резко снижается. Наконец, от стран требуется лишь принятие необходимых мер по предотвращению подобного приобретения, и нет обязательства объявлять такое приобретение незаконным [4, с. 179].

Хотя статья 7(b) прямо касается запрета на ввоз культурных ценностей, она еще более сужена. В ней запрещен «ввоз культурных ценностей, похищенных из музея или религиозного и светского исторического памятника, или подобного учреждения другого государства — участника настоящей Конвенции после вступления настоящей Конвенции в силу в заинтересованных государствах, при условии, что такая ценность числится в описи предметов, принадлежащих данному учреждению». Во-первых, эта статья имеет в виду весьма ограниченную категорию культурных ценностей, а именно похищенных из музеев и подобных учреждений. Во-вторых, похищенные ценности обязательно должны числиться в описи предметов данного учреждения. Таким образом, под действие данной статьи не подпадает, например, такая обширная категория культурных ценностей, как незаконно извлеченные археологические предметы, а также культурные ценности, принадлежащие коренным народам [4, с. 180].

Во второй части статьи 7(b) говорится о мерах, которые должно принимать государство, обнаружившее на своей территории культурную ценность, незаконно ввезенную из другого государства — участника Конвенции. Государства-участники обязуются в связи с этим «по требованию государства-участника предпринимать соответствующие шаги для обнаружения и возвращения любой подобной [т. е. похищенной из музея или подобного учреждения] культурной ценности, ввезенной после вступления настоящей Конвенции в силу в обоих заинтересованных государствах, при условии, однако, что государство, обращающееся с просьбой, выплачивает справедливую компенсацию добросовестному покупателю или лицу, которое имеет действительное право на эту ценность. Просьбы относительно розыска и возвращения направляются через ди-

пломатические каналы. Требуемая сторона представляет за свой счет документацию и другие доказательства, необходимые для установления права на требование в отношении розыска и возвращения. Стороны не облагают никакими таможенными сборами или другими сборами культурные ценности, возвращаемые в соответствии с настоящей статьей. Все расходы, связанные с возвращением одной или нескольких упомянутых культурных ценностей, несет требующая сторона» [14, ст. 7(b)].

Интересно, что хотя статья посвящена запрету незаконного ввоза культурных ценностей, в ней содержится больше требований к государствам происхождения культурных ценностей. Единственное требование к государствам-импортерам — «предпринимать соответствующие шаги» для возвращения незаконно ввезенных культурных ценностей, что может толковаться весьма широко [31, с. 60]. Как и предыдущие положения статьи 7, данный пункт наполнен ограничениями, подрывающими эффективность пресечения нелегальной торговли культурными ценностями. Во-первых, государству-импортеру следует предпринимать какие-либо шаги только по требованию другого государства — участника Конвенции, которое к тому же передается через дипломатические каналы. Поэтому если дипломатические учреждения ограничены в своих возможностях, то, вероятнее всего, никаких шагов предпринято не будет. Особенно это характерно для ситуации, когда оба государства вовлечены в вооруженный конфликт, что имело место, например, во время Второй войны в Персидском заливе, когда и США, и Ирак были участниками Конвенции, но по очевидным причинам не поддерживали дипломатические отношения. Во-вторых, бремя иницирования процесса возвращения ложится на то государство, которое предъявляет соответствующее требование и предполагает, что оно обладает необходимыми для этого административными, финансовыми и техническими возможностями, а также способно составить документацию и предоставить другие необходимые доказательства в подтверждение запроса. Кроме того, предъявляющее требование государство несет все расходы, связанные с возвращением культурных ценностей, что может стать непосильным для развивающихся стран. Третье, и, вероятно, самое затруднительное, требование заключается в необходимости выплаты компенсации «добросовестному покупателю или лицу, которое имеет действительное право на эту ценность». Данный аспект особенно проблематичен, поскольку непосредственно касается вопросов законодательного регулирования частной собственности, которые сильно отличаются в различ-

ных странах и зависят от внутреннего гражданского права. От последнего зависит также, что понимается в той или иной стране под «добросовестным покупателем». Как правило, в государствах с развитым рынком культурных ценностей это понятие трактуется весьма широко, а в государствах происхождения — узко. В то же время с 1970 г. обязанности покупателей по тщательному исследованию происхождения культурных ценностей значительно расширились, что способствовало существенному сужению обстоятельств, при которых необходима выплата компенсации [4, с. 181–182].

Многие государства рассматривают статью 7 как толкование статьи 3 Конвенции. Из этого следует, что государства-импортеры обязаны ограничить ввоз только тех культурных ценностей, о которых идет речь в статье 7, т. е. украденных из музеев и подобных учреждений. Что касается уже ввезенных культурных ценностей (пусть и незаконным путем), то статья 7 запрещает лишь приобретение их музеями и аналогичными учреждениями [4, с. 182].

В то же время статьей 13(с) предусмотрено, что государства-участники обязуются допускать предъявление иска, направленного на возвращение утерянных или украденных культурных ценностей со стороны или от имени законного собственника. Такой иск можно предъявить в отношении не только культурных ценностей, о которых идет речь в статье 7, но и любых других. Единственным ограничением здесь является вступительная фраза «в соответствии с законодательством каждого государства».

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОЙ ТОРГОВЛЕ КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

В ряде статей от государств-участников требуется учредить специальные национальные службы и принять необходимые меры, направленные на предотвращение нелегальной торговли культурными ценностями. В соответствии со статьей 5 Конвенции государства-участники обязуются создать национальные службы, которые противодействовали бы незаконному ввозу, вывозу или передаче прав собственности на культурные ценности. Такие службы должны быть обеспечены квалифицированным персоналом; на них возлагаются следующие функции: содействие разработке проектов законов в сфере пресечения незаконного перемещения культурных ценностей; составление и обновление перечня важных культурных ценностей, вывоз, который рекомендуется ограничить; содействие развитию или созданию учреждений (например, музе-

ев), необходимых для сохранения и популяризации культурных ценностей; обеспечение контроля за археологическими раскопками, сохранение некоторых культурных ценностей *in situ*, а также районов, оставляемых для будущих раскопок; установление для заинтересованных лиц (коллекционеров, антикваров и т. д.) правил, соответствующих этическим принципам Конвенции, а также надзор за их соблюдением; осуществление воспитательной деятельности в целях пробуждения и укрепления уважения к культурному достоянию всех государств и популяризации положений Конвенции; осуществление контроля за тем, чтобы всем случаям исчезновения культурных ценностей придавалась соответствующая огласка. Хотя учреждение подобной национальной службы, несомненно, поможет государству противодействовать незаконному перемещению культурных ценностей, у многих государств просто нет финансовых и административных возможностей по ее созданию. Поэтому в статье 5 содержится формулировка «с учетом условий каждой страны».

Положения статьи 5 развиваются в статье 14, где говорится, что каждое государство — участник Конвенции должно предоставлять национальным службам по охране культурного наследия достаточные средства и в случае необходимости может создавать фонды в этих целях. Правда, и данная статья содержит формулировку «по мере своих возможностей». Также из текста статьи непонятно, на какие цели следует использовать средства создаваемого фонда. В этом отношении подсказка может быть найдена в рекомендации ЮНЕСКО 1964 г., где отмечается, что средства подобных фондов должны расходоваться «для приобретения исключительно важных культурных ценностей» [37, п. 12], предотвращая тем самым их вывоз.

Еще одна возможная функция национальных служб прописана в статье 10, согласно которой государства-участники обязуются «ограничивать посредством образования, информации и бдительности перевозку культурных ценностей, незаконно вывезенных из любого государства — участника настоящей Конвенции», а также «стремиться с помощью просветительных средств создавать и развивать в глазах общественного мнения сознание значения культурных ценностей и угрозы культурному наследию, которую представляют кража, тайные раскопки и незаконный вывоз». Хотя первое из этих обязательств носит абсолютный характер, вряд ли получится найти государство, в котором удалось предотвратить нелегальную торговлю благодаря только этим мерам.

Наконец, согласно статье 13(b) национальные службы должны сотрудничать между собой в целях скорейшего возвращения законным собственникам незаконно вывезенных культурных ценностей. Впрочем, и это обязательство государства осуществляют в соответствии со своим внутренним законодательством.

Санкции

Реализуя положения Конвенции по запрету вывоза культурных ценностей без соответствующего свидетельства, а также ввоза таких предметов, статья 8 накладывает на государства-участников обязательство подвергать уголовному или административному наказанию всех лиц, задействованных в нелегальном ввозе или вывозе. Однако поскольку режим такого вывоза и соответствующего ввоза толкуется в узком смысле, в соответствии со статьей 7 Конвенции, то и применение санкций ограничивается только нарушениями статей 6(b) и 7(b), т. е. действует в отношении вывоза культурных ценностей без соответствующего разрешения и ввоза культурных ценностей, похищенных из музея или религиозного и светского исторического памятника или подобного учреждения другого государства — участника Конвенции. Административные или уголовные санкции предусмотрены также за нарушения правил ведения реестра антикварии (ст. 10(a)), однако и здесь применена оговорка «в зависимости от условий каждой страны».

ОККУПИРОВАННЫЕ И КОНТРОЛИРУЕМЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Незаконная торговля культурными ценностями процветает во время военных конфликтов, что имело место в Камбодже, Кипре, Кувейте, Ираке, Афганистане, Сирии. Особенно это проявляется при оккупации одной враждующей стороной территории другой. Вопросу охраны культурных ценностей на оккупированных территориях посвящена статья 5 Гаагской конвенции 1954 г. Трудности, возникшие при обсуждении вопросов, касающихся прав собственности на культурные ценности, а также их вывоза с оккупированных территорий, потребовали вынесения их в отдельный Первый протокол к Конвенции 1954 г. Подобные осложнения, связанные с правами частной собственности на культурные ценности, отразились и в тексте Конвенции 1970 г. В статье 11 говорится, что «считаются незаконными принудительные вывоз и передача прав собственности на культурные ценности, являющиеся прямым или косвенным результатом оккупации страны иностранной державой».

В то же время неясно, законен ли ввоз незаконно вывезенных с оккупированных территорий культурных ценностей на территорию государства — участника Конвенции; этот вопрос трактуется комментаторами по-разному [4, с. 189].

Статья 11 касается не только вывоза культурных ценностей с оккупированных территорий, но и принудительной передачи права собственности на них. Принуждение может быть прямым и косвенным. Косвенное принуждение включает необходимость продажи культурных ценностей из-за ухудшения экономической ситуации на оккупированной территории или неизбежности их продажи для вывоза из зоны конфликта. Если толковать статью 11 в широком смысле, то любая передача права собственности в таких обстоятельствах должна быть признана незаконной. К сожалению, необязательно подобное толкование будет выбрано всеми государствами — участниками Конвенции [31, с. 78].

Текст Конвенции готовился в конце 1960-х гг., в период деколонизации и появления новых независимых государств. В то время многие территории находились под той или иной формой контроля и управления через мандаты ООН и другие механизмы. Поэтому составители Конвенции пожелали обеспечить применение ее положений на подобных территориях и приняли статью 12, которая предусматривает, что государства-участники «будут уважать культурное достояние на территориях, за ведение внешних сношений которых они несут ответственность, и примут соответствующие меры для запрещения и предупреждения незаконных ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности на таких территориях» [14, ст. 12].

Двусторонние соглашения

В статье 5 Конвенции говорится: «Настоящая Конвенция никоим образом не препятствует государствам-участникам заключать между собой специальные соглашения или продолжать применять уже заключенные соглашения о возвращении культурных ценностей, вывезенных по каким-либо причинам с территории, откуда они происходят, до вступления настоящей Конвенции в силу в заинтересованных государствах». На первый взгляд, это положение не имеет особой ценности, поскольку государства и без него могли заключать подобные соглашения. Эти вопросы регулируются общими принципами международного права, и кажется, что статья 15 просто подтверждает их.

В то же время некоторые исследователи считают, что своим появлением статья 15 обязана тем ограничениям, которые содержатся в статье 7, и дополняет статью 9, где сказано, что «любое государство — участник настоящей Конвенции, культурное наследие которого подвергается опасности хищения археологических или этнологических материалов, может обратиться к другим государствам-участникам, которых это касается. Государства — участники настоящей Конвенции обязуются в таких случаях участвовать в согласованном международном усилии по определению и осуществлению необходимых конкретных мер, включая контроль за вывозом, ввозом и международной торговлей соответствующими конкретными культурными ценностями. До соглашения каждое заинтересованное государство предпринимает, в возможных пределах, предварительные меры, направленные на предупреждение нанесения непоправимого ущерба культурному наследию государства, обратившегося с просьбой» [4, с. 190].

Некоторые государства в своей деятельности по пресечению незаконного перемещения культурных ценностей широко используют практику заключения межгосударственных двусторонних договоров (например, США). Каждый договор заключается на индивидуальной основе и зависит от двусторонних отношений между государствами, в том числе от широкого круга внешнеполитических вопросов [31, с. 72].

4.4. УЧАСТИЕ В КОНВЕНЦИИ 1970 г.

Режим Конвенции налагает обязательство по пресечению нелегального перемещения культурных ценностей прежде всего на государства-экспортеров, а не на государства-импортеров, к которым относятся США, Великобритания, Швейцария, Япония. Толкование государств-экспортеров предусматривает введение государствами-импортерами ограничений на нелегальный ввоз культурных ценностей, соответствующих вводимым ими ограничениям на вывоз, в связи с чем многие из них достаточно рано присоединились к Конвенции. Так, в течение пяти с лет с момента принятия Конвенции ее участниками стали Эквадор, Нигерия, Камбоджа, Камерун, Мексика, Ирак, Иордания и Иран. В то же время большинство развитых стран, за исключением Канады (ратифицировала Конвенцию в 1978 г.), долго тянули с присоединением к ней. США ратифицировали данный международный документ в 1983 г., но

приняли одну оговорку и шесть заявлений по поводу толкования определенных положений Конвенции. Такой масштаб специфической трактовки положений Конвенции вынудил Мексику принять декларацию, согласно которой она не рассматривает США как государство – участника Конвенции, и поэтому невозможны любые взаимные права и обязанности между этими государствами. Беларусь присоединилась к Конвенции в 1988 г.

В конце 1990 – начале 2000-х гг. Конвенцию ратифицировало большое число государств-импортеров культурных ценностей: Япония, Дания, Норвегия, Германия, Бельгия, Великобритания, Швейцария, Германия, Нидерланды, Люксембург, Австрия. К сожалению, большинство из них приняло узкое толкование Конвенции и сделало мало или практически ничего для ограничения нелегального ввоза культурных ценностей на свою территорию. Всего на январь 2016 г. Конвенцию ратифицировало 131 государство.

4.5. ДРУГИЕ МЕХАНИЗМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ДЕЛЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

В 1976 г. под эгидой ЮНЕСКО в Венеции собрался комитет экспертов по проблеме возвращения утраченных культурных ценностей, которые были незаконно вывезены во времена колониального господства или незаконно перемещены до вступления в силу Конвенции 1970 г. Подчеркнув отсутствие международного механизма, эксперты обратились к Генеральному директору ЮНЕСКО с просьбой рассмотреть возможность создания международного органа, который занимался бы поиском возможностей по ускорению двусторонних переговоров между заинтересованными государствами по вопросам возвращения культурных ценностей и поощрения подписания ими соответствующих договоров.

С этой целью в 1978 г. был создан *Международный комитет по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения*. Комитет является постоянным межправительственным органом, независимым от Конвенции 1970 г. Он состоит из 22 государств – членов ЮНЕСКО, избираемых Генеральной конференцией.

На Комитет возлагается:

1. Изыскание путей и средств содействия двусторонним переговорам в целях реституции или возвращения культурных ценностей

странам их происхождения. В связи с этим Комитет может также представлять соответствующим государствам-членам предложения, касающиеся посредничества или примирения, при том понимании, что посредничество означает участие внешней стороны в обеспечении встречи соответствующих сторон в споре и в оказании им содействия в поиске соответствующего решения, в то время как под примирением понимается согласие соответствующих сторон представить свой спор на рассмотрение учрежденного органа, который изучает этот вопрос и предпринимает усилия по его урегулированию, при условии поступления любых дополнительных необходимых финансовых средств из внебюджетных источников. Для выполнения функций посредничества и примирения Комитет может установить соответствующие правила процедуры. Результаты процесса посредничества и примирения не обязательны для заинтересованных государств-членов, вследствие чего в случаях, когда этот процесс не приводит к решению вопроса, он остается на рассмотрении комитета, как и любой другой представленный ему нерешенный вопрос.

2. Развитие многостороннего и двустороннего сотрудничества в целях реституции или возвращения культурных ценностей странам их происхождения.

3. Поощрение исследований и изысканий, необходимых для выработки единых программ создания в странах, культурное наследие которых было разрознено, репрезентативных коллекций.

4. Стимулирование кампаний информирования общественности о характере, масштабах и подлинном значении проблемы реституции или возвращения культурных ценностей странам их происхождения.

5. Руководство концептуальной разработкой и осуществлением программ деятельности ЮНЕСКО в области реституции или возвращения культурных ценностей странам их происхождения.

6. Поощрение создания или укрепления музеев или других учреждений по сохранению культурных ценностей и подготовке необходимого научного и технического персонала.

7. Содействие развитию обменов культурными ценностями в соответствии с *Рекомендацией о международном обмене культурными ценностями*.

8. Представление отчета Комитета о своей деятельности Генеральной конференции ЮНЕСКО в ходе ее каждой очередной сессии [38].

Комитет проводит очередные пленарные заседания не реже одного и не чаще двух раз в два года.

В 1978 г. при создании *Международного комитета по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения* было рекомендовано создать также фонд, средства которого шли бы на эти цели.

В 1999 г. на XXX сессии Генеральной конференции была принята резолюция по учреждению Фонда Межправительственного комитета. Фонд был создан с целью содействия работе комитета и поддержки государств-членов в их усилиях по возвращению или реституции культурных ценностей и эффективной борьбы против их незаконного оборота. Целью создания Фонда стало, главным образом, обеспечение покрытия расходов:

- на проверку культурных ценностей экспертами;
- подготовку музейных работников в странах происхождения;
- создание и содержание всеобъемлющих перечней;
- создание материальной базы для покрытия расходов:
 - на доставку и погрузку;
 - страхование;
 - оснащение мест проведения выставок предметов в надлежащих условиях [39].

Финансирование Фонда осуществляется исключительно за счет добровольных взносов, которые могут вносить государства — члены ЮНЕСКО, специализированные учреждения системы ООН, межправительственные организации. Взносы могут иметь форму услуг (техническая помощь, подготовка специалистов) и натуральную форму (оборудование).

ЮНЕСКО в деле пресечения незаконных ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности тесно сотрудничает с другими организациями, в частности с Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА). Это межправительственная организация, учрежденная в Риме в 1926 г. УНИДРУА подготовил проекты конвенций по ряду вопросов (международная купля-продажа товаров, представительство, перевозки грузов и пассажиров и т. д.). Цель организации — изучение необходимых методов модернизации, гармонизации и координации частного и в особенности коммерческого права между государствами и группами государств. Сейчас членство в УНИДРУА имеют 63 государства. В 1995 г. организацией была принята Конвенция по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям. Беларусь пока не присоединилась к УНИДРУА и ее Конвенции 1995 г.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите основные виды нелегальной торговли культурными ценностями.
2. Каковы основополагающие принципы Конвенции 1970 г. о запрещении и предупреждении незаконных ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности?
3. Перечислите категории культурных ценностей, в отношении которых действует Конвенция 1970 г.
4. Оцените успешность режима Конвенции 1970 г.
5. Какие существуют международные механизмы по предотвращению нелегальной торговли культурными ценностями помимо Конвенции 1970 г.?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богуславский, М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты / М. М. Богуславский. — М. : Юристъ, 2005.

Мартыненко, И. Э. Особенности организации борьбы с контрабандой культурных ценностей в условиях создания единого таможенного пространства / И. Э. Мартыненко // *Право.by*. — 2011. — № 4. — С. 89–97.

Молчанов, С. Н. К вопросу о реституции культурных ценностей / С. Н. Молчанов // *Моск. журн. междунар. права*. — 1998. — № 4. — С. 159–166.

На страже культурного наследия: таможенная служба Беларуси в борьбе с контрабандой культурных ценностей / В. П. Шостак [и др.] ; под общ. ред. А. Ф. Шпилевского. — Минск : Белтаможсервис, 2009.

Фомичев, С. А. Борьба с контрабандой культурных ценностей / С. А. Фомичев ; отв. ред. А. И. Чучаев. — Калуга : Политоп, 2005.

Хладик, Я. Презентация Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970 г.) и Конвенции УНИДРУА «О похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностях» (1995) / Я. Хладик // Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств — участников СНГ : материалы Междунар. конф., Минск, 26–28 апр. 2007 г. / Ин-т государства и права НАН Беларуси ; редкол.: А. Б. Сташкевич [и др.]. — Минск : Право и экономика, 2007. — С. 23–27.

Глава 5

КОНВЕНЦИЯ ОБ ОХРАНЕ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ 1972 г.

Понятие всемирного наследия неразрывно связано с идеей единства всего человечества и верой в то, что отдельные народы вносят свой вклад в его общую сокровищницу. При этом отмечается, что некоторые объекты, обладающие «выдающейся универсальной ценностью», принадлежат всему человечеству и являются важными для него с психологической, моральной, общественной, образовательной и рекреационной точек зрения.

Признание подобного общечеловеческого интереса к культурному наследию, находящемуся на территории различных независимых государств, в XX в. было связано с осознанием того, что это наследие находится под угрозой. Помимо того что культурное наследие уничтожается и повреждается во время военных конфликтов, ему угрожают все увеличивающиеся урбанизация, индустриализация, потрясения в экономической и общественной жизни, загрязнение окружающей среды и климатические изменения. Даже если признано, что наследие обладает универсальной ценностью, угрозу для него представляет огромный наплыв туристов со всего мира, привлеченных высоким статусом такого рода объектов.

5.1. ИСТОРИЯ ПРИНЯТИЯ КОНВЕНЦИИ

Идея охраны определенных видов культурного наследия, особенно памятников и археологических мест, не нова. Так, в 1462 г. Папа Римский Пий II специальной буллой учредил охрану памят-

ников древнеримской эпохи [30, с. 34–35], а в 1560 г. королева Англии Елизавета I издала декларацию о запрете разрушения памятников старины в церквях во время распространения Реформации [5, с. 28]. Подобная королевская декларация была издана в Швеции в 1666 г. Обнаружение Помпеи и Геркуланума в начале 1700-х гг. способствовало развитию законодательства по охране памятников и археологических мест в Италии [30, с. 35–37].

Во Франции развитие законодательства в сфере охраны культурного наследия было вызвано рисками, которым подверглось собственно французское наследие во время Великой французской революции, а также присвоением и грабежом культурного наследия других стран и народов, особенно Италии и Египта во время наполеоновских войн. В 1830 г. во Франции был создан Комитет по историческим делам в целях охраны памятников истории. К 1849 г. Комитет составил список из 3000 памятников, которые получали от государства средства на сохранение. К середине 1850-х гг. многие европейские государства приняли законы в сфере охраны культурного наследия [5, с. 28]. К концу XIX в. термин «памятник истории» стал основным в национальном законодательстве европейских стран и Нового Света; он означал недвижимые ценности, государственные и частные, достойные охраны на правовом уровне благодаря их историческому, художественному и архитектурному значению. Развитие национального законодательства сопровождалось расширением международного движения по защите культурного наследия во время войн.

Позже появилось движение по охране природных ареалов и ландшафтов. Впервые идея создания системы национальных парков в местах, обладающих выдающейся красотой и природной ценностью, важных не только для отдельных штатов, но и для всей американской нации, возникла в США. В 1832 г. там был образован заповедник Хот Спрингс, а в 1877 г. – первый национальный парк Йеллоустон (включен в Список всемирного наследия в 1978 г.). Подобные процессы характерны и для многих британских колоний. Так, в 1879 г. создан Королевский национальный парк в Австралии, в 1885 г. – национальный парк Роки Маунтин в Канаде, в 1887 г. – национальный парк Тонгариро в Новой Зеландии, в 1926 г. – национальный парк Крюгер в Южной Африке [4, с. 225–226].

Возможность использования международного сотрудничества для защиты наследия рассматривалась в 1920–1930-х гг. Лигой Наций и ее *Международным институтом интеллектуального сотрудничества*.

Масштабные разрушения культурного наследия во время Второй мировой войны, а также послевоенные процессы индустриализации, урбанизации и образования независимых постколониальных государств привели к возникновению новых угроз культурному и природному наследию. При этом появилась необходимость в охране не только общего пространства океанов и атмосферы, но и природного наследия отдельных стран как части общемировой естественной окружающей среды. В связи с этим зародились инициативы по координации международных усилий в данной области.

Событием, которое обратило на себя особенное внимание мировой общественности, стало принятие правительством Египта решения о строительстве Асунской плотины, в результате чего должна была быть затоплена долина Абу-Симбел, где находились уникальные памятники – высеченные в скалах древнеегипетские храмы. В 1959 г. в ответ на обращение Египта и Судана ЮНЕСКО начала международную кампанию по их сохранению. Были ускорены археологические исследования в предполагаемом районе затопления. Центральным пунктом всей кампании стали разбор храмов (их разрезали на отдельные блоки), перевозка их в безопасное сухое место и монтаж.

Вся кампания обошлась в 80 млн долл., половину из которых составили добровольные пожертвования, которые внесли около 50 государств. Этим была подчеркнута важность солидарности и разделяемой различными странами ответственности за сохранение выдающихся культурных объектов. Успех кампании по спасению храмов Абу-Симбела вызвал к жизни другие подобные кампании, например по спасению Венеции после наводнения 1966 г., по сохранению древнего города Мохенджодаро в Пакистане, находившегося под угрозой затопления, буддийского храмового комплекса Борободур в Индонезии [40, с. 7].

В результате ЮНЕСКО с помощью ИКОМОС инициировала подготовку первого варианта конвенции о защите культурного наследия.

В 1962 г. ЮНЕСКО приняла *Рекомендацию по сохранению красоты и характера пейзажей и местностей*. Документ затрагивал вопросы сохранения и восстановления различных аспектов природных, сельских и городских ландшафтов и мест, как природных, так и созданных человеком, которые представляют культурный или эстетический интерес либо формируют типичное природное окружение.

Позже возникла идея дополнить охрану мест культурного наследия охраной выдающихся природных объектов, впервые выдвинутая

США в 1965 г. на очень представительной конференции в Белом доме в Вашингтоне. Эта конференция стимулировала международное сотрудничество по защите «выдающихся мировых природных и живописных ареалов и исторических объектов». В 1968 г. *Международный совет охраны природы* (МСОП) предложил схожие положения своим членам. Они были обсуждены в 1972 г. на конференции в Стокгольме.

Когда текст наконец прошел все согласования и его одобрили заинтересованные стороны, в 1972 г. на Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Основная ее идея состоит в том, что, признавая наследием как природные, так и культурные объекты, она напоминает о тех способах, благодаря которым люди взаимодействуют с природой, а также о базовой необходимости соблюдать баланс между обоими видами наследия.

В 1978 г. первые 12 объектов были включены в Список всемирного культурного и природного наследия.

В 1992 г. создан Центр всемирного наследия, а в понятие всемирного наследия была добавлена новая категория – культурный ландшафт. Таким образом, Конвенция всемирного наследия стала первым международным правовым документом, который признал и взял под защиту культурные ландшафты.

В 1994 г. Комитет всемирного наследия принял *Глобальную стратегию обеспечения репрезентативности, сбалансированности и авторитетности Списка всемирного наследия*, основная цель которой – достижение лучшего регионального баланса и более широкого тематического разнообразия в Списке всемирного наследия. Она предусматривала номинацию объектов из слабо представленных регионов мира и тех видов объектов, которые недостаточно представлены в списке.

Также в 1994 г. ЮНЕСКО запустила проект «Участие молодежи в сохранении и популяризации всемирного наследия». Его целью была разработка новых образовательных подходов по мобилизации молодежи для участия в охране и популяризации наследия.

В 2002 г. в рамках празднования 30-летия Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. ЮНЕСКО и правительство Италии организовали представительный международный конгресс в Венеции «Всемирное наследие: совместное наследство, общая ответственность». Также в 2002 г. Комитет всемирного наследия принял «Будапештскую декларацию по всемирному наследию», приглашая всех партнеров поддержать сохранение Всемирного наследия через ключевые стратегические цели (так называемые

четыре «Си»): укрепление доверия к Списку всемирного наследия (Credibility); обеспечение эффективной охраны объектов всемирного наследия (Conservation); популяризация разработки эффективных мер по укреплению потенциала (Capacity-building); увеличение осведомленности широкой общественности через коммуникацию (Communication). В 2007 г. Комитет всемирного наследия к этим четырем «Си» добавил пятый пункт – сообщество (Community), признав тот факт, что сохранение, укрепление доверия, укрепление потенциала и коммуникация неразрывно связаны с ролью сообществ [40, с. 8].

Конвенция всемирного наследия вступила в силу 17 декабря 1975 г. По данным на июнь 2016 г. ее ратифицировали 192 государства – члена ЮНЕСКО из 193, в результате чего она получила самое широкое признание среди соглашений об охране культурного и природного наследия. Беларусь ратифицировала Конвенцию в 1988 г. На июль 2016 г. Список всемирного наследия, предусмотренный Конвенцией, насчитывал 1052 природных и культурных объекта, которые находятся на территории 165 государств-участников; из них 4 объекта расположены на территории Беларуси (Беловежская Пуша – с 1992 г., Мирский замок – с 2000 г., Геодезическая дуга Струве – с 2005 г. и Дворцово-парковый комплекс Радзивиллов в Несвиже – с 2005 г.).

5.2. ТЕКСТ КОНВЕНЦИИ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Конвенция состоит из глав, большинство которых посвящено учреждению структур и механизмов, предназначенных для охраны всемирного наследия. В первой главе дается определение всемирного наследия. Вторая глава – самая важная; в ней изложены международные обязательства государств-участников. Третья глава посвящена Комитету всемирного наследия, четвертая – международному фонду и пятая – механизму предоставления международной помощи.

Важная часть режима Конвенции 1972 г. – *Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия*, принимаемое Комитетом всемирного наследия. Руководство регулярно исправляется и дополняется, что позволяет эффективно интерпретировать и применять на практике положения Конвенции. Последняя версия Руководства принята в 2015 г. Поскольку текст Руководства корректируется довольно часто, следует постоянно убеждаться в том, что используется его актуальная версия, которая доступна на официальном сайте Центра всемирного наследия: <http://whc.unesco.org/>.

РУКОВОДЯЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕАМБУЛЫ

Преамбула — важная часть Конвенции, где не только обосновывается ее появление, но и излагаются основные принципы, на которых базируется конвенциональный режим. В преамбуле отмечается, что «культурному и природному наследию все более угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но также и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их еще более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями». Последствием подобного повреждения и исчезновения наследия может стать «пагубное обеднение достояния всех народов мира», иными словами, всемирного наследия.

Использование в Конвенции выражения «всемирное наследие» стало крупным нововведением и повлекло за собой серьезные проблемы с дефинициями. Конвенция нигде не дает определения этого термина. Вместо этого она объединяет в данном понятии ряд принципов, которые несколько проясняют его содержание. Через всю преамбулу проходит мысль о существовании общего наследия, которое олицетворяет некую общность. Во втором пункте преамбулы отмечается, что «повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности или природной среды представляет собой пагубное обеднение достояния всех народов мира». Следовательно, все народы в таком случае трактуются как единое целое, поскольку повреждение какого-либо национального наследия наносит ущерб всеобщему наследию. Эта же мысль выражена в пятом пункте, где говорится, что сохранение культурного наследия важно «для всех народов мира». Еще более показателен шестой пункт, в котором утверждается: «...некоторые ценности культурного и природного наследия представляют исключительный интерес, что требует их сохранения как части всемирного наследия всего человечества» [9, преамбула]. Тем самым признается существование общечеловеческого наследия и провозглашается ключевой принцип конвенционального режима.

Преамбула еще больше раскрывает содержание понятия «всемирное наследие», вводя понятие «выдающаяся универсальная ценность» — критерий, благодаря которому определенное наследие может получить статус всемирного. Термин «выдающаяся универсальная ценность» используется в восьмом пункте преамбулы в качестве определения культурного и природного наследия. В шестом пункте встречается синонимический термин «исключительный интерес». Однако определения понятия «выдающаяся универсальная ценность» в Конвенции нет, поэтому на практике в процессе ее применения возникают различные интерпретации данного понятия.

Ключевой принцип, провозглашенный в преамбуле, – принцип международного сотрудничества. Необходимость такого сотрудничества возникла в эпоху освобождения многих стран от колониального господства, когда им требовалось найти баланс между экономическим развитием и заботой об окружающей среде и культурном наследии. Впрочем, наводнения, которые случились в Венеции и Флоренции, показали, что развитые государства также нуждаются в международной помощи перед лицом природных катаклизмов. Таким образом, в третьем пункте преамбулы обосновывается необходимость международного сотрудничества и провозглашается, что «охрана этого наследия на национальном уровне часто бывает недостаточной в связи с объемом средств, которых она требует, и недостаточностью экономических, научных и технических ресурсов страны, на территории которой находится ценность, подлежащая защите». В связи с этим, учитывая масштаб и серьезность новых опасностей, угрожающих всемирному наследию, в седьмом пункте утверждается, что «все международное сообщество должно участвовать в охране природного и культурного наследия, предоставляя коллективное содействие государствам, на территории которых оно находится». В восьмом пункте объясняется, что достигнуть этого возможно благодаря установлению конвенционального режима, создающего «эффективную систему коллективной охраны памятников выдающегося универсального, культурного и природного значения, организованную на постоянной основе в соответствии с современными научными методами» [9, преамбула]. Важно, что международное сотрудничество должно эффективно дополнять, но не заменять деятельность заинтересованного государства, на территории которого находится наследие. Ведущая роль в организации международного сотрудничества отводится ЮНЕСКО.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Для целей Конвенции под культурным наследием понимаются: «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [9, ст. 1].

Выделение этих трех категорий культурного наследия и их дефиниции были предметом интенсивных переговоров в течение 1968—1972 гг. В центре разрабатываемого охранного режима как на национальном, так и на международном уровне оказались памятники, обладающие исторической и художественной ценностью. Памятники охранялись во многих государствах, но определялись в законодательстве по-разному. В 1964 г. в Венецианской хартии было дано очень широкое определение исторических памятников, включающее не только произведения архитектуры, но и «городскую или сельскую среду, носящие характерные признаки определенной цивилизации, знаменательного пути развития или исторического события» [41, ст. 1]. Тем самым признавалась тесная взаимосвязь между культурным и природным наследием.

В начале переговорного процесса в 1968 г. «памятники» и «достопримечательные места» сразу были выдвинуты в качестве основных видов объектов, подпадающих под охрану Конвенции. Однако то, чем они конкретно являются, стало предметом длительных переговоров, во время которых обсуждались их различные виды и разновидности, такие как «исторические памятники», «урбанизированные пространства», «археологические памятники и места», «природные места», «смешанные места», «научные места», «доисторические или протоисторические памятники или останки», «исторические здания». В то же время было понимание того, что охране подлежат не все памятники и места, а лишь те, которые обладают универсальной значимостью и интересом с эстетической, живописной, научной или исторической точек зрения [42]. Добавление категории «группы строений» также соответствует идее, что памятники, группы строений и достопримечательные места должны рассматриваться как единое целое, в котором каждый отдельный элемент неотделим от других [43]. Тем самым признается, что между творениями человека, общественной средой и природным окружением существуют сложные взаимозависимые отношения. Это признание, а также решение о соединении предварительного варианта ЮНЕСКО с проектом *Международного союза охраны природы*, добавляющее в сферу действия Конвенции природное наследие, позволило включить в категорию «культурное наследие» три группы объектов: памятники, группы строений и достопримечательные места.

В результате получилось довольно громоздкое определение, состоящее из четырех отдельных компонентов. Во-первых, это разделение культурного наследия на три группы объектов, которые в то же время составляют единое целое. Во-вторых, каждому объекту присуще особое содержание, которое может быть шире или уже, чем какая-то одна группа. Например, памятник включает «элементы или структуры археологического характера», тогда как достопримечательные места — «археологические достопримечательные места». В то же время археологическое достопримечательное место может включать «группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки». С другой стороны, отдельное строение, которое является архитектурной ценностью, может рассматриваться и как памятник, и как достопримечательное место, однако не как группа строений. В-третьих, каждый памятник, группа строений или достопримечательное место должны обладать определенным уровнем выдающейся универсальной ценности. И в-четвертых, эта ценность должна носить индивидуальный характер. Здесь также видны некоторые противоречия: памятники и группы строений должны иметь выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки, тогда как достопримечательные места должны представлять выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии [4, с. 231].

Кроме этих явных несоответствий относительно выделяемых групп элементов данное определение обладает и другими недостатками. В частности, его критиковали за узость, обоснованную европейским монументалистским взглядом на наследие. Кроме того, требование, чтобы достопримечательными местами считались только рукотворные, преуменьшает культурную ценность природных мест, которую последние имеют в глазах коренных народов [44, с. 96].

С другой стороны, определение доказало свою гибкость, позволяя Комитету вносить необходимые уточнения через Руководство по выполнению Конвенции. Например, определение достопримечательных мест как совместных творений человека и природы дало возможность сформулировать и обосновать понятие «культурный ландшафт» с возможностью включения его в Список всемирного наследия.

Определение всемирного наследия используется как ЮНЕСКО, так и государствами в качестве широкого целостного понятия; на отдельные категории (памятники, достопримечательные места и ансамбли) ссылаются редко. К слову, всемирное наследие подразуме-

вает недвижимое наследие, что не отражено прямо в тексте Конвенции, но отмечено в Руководстве по ее выполнению: «Номинации недвижимых объектов наследия, которые могут стать движимыми, к рассмотрению не принимаются» [45, п. 48]. Несмотря на некоторые ограничения, определение доказало свою гибкость и в том, что касается установления необходимого уровня, которому должно соответствовать любое культурное наследие, претендующее на включение в Список всемирного наследия. Впрочем, центральным вопросом в этом отношении выступает не само определение, а оценочный критерий — соответствие понятию «выдающаяся универсальная ценность».

5.3. УСТАНОВЛЕНИЕ ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ

Ключевое понятие для характеристики области действия Конвенции, а также объектов культурного и природного наследия, попадающих под ее действие, — «выдающаяся универсальная ценность». Это оценочное понятие устанавливает уровень, которому должно соответствовать культурное или природное наследие, претендующее на то, чтобы называться всемирным. Оно играет центральную роль не только в создании понятия «всемирное наследие», но и в его реальном воплощении в форме Списка всемирного наследия.

Конвенция не содержит определения данного термина, что неудивительно, поскольку это понятие трудноуловимое, изменяющееся со временем и зависящее от культурной перспективы. В связи с этим для объяснения термина нужно пользоваться обычным значением слова «выдающийся». Его следует понимать как уникальный, исключительный, превосходный, очень особенный или, по крайней мере, намного лучший, чем обычный. Последнее означает, что для определения объекта, который является выдающимся, требуется сравнение его с подобным культурным или природным наследием и выяснение объекта, который является незаурядным среди обычного. Еще труднее определить, является ли «выдающаяся ценность» «универсальной». Это можно установить по тому, насколько качество объекта позволяет ему представлять универсальный интерес для всего человечества, для современного и будущего поколений.

Однако простое толкование слов «выдающийся» и «универсальный» не может служить руководством для учреждения Списка все-

мирного наследия. В результате Конвенция наделяет Комитет всемирного наследия правом установления критериев определения выдающейся универсальной ценности культурного наследия [9, ст. 11]. Комитет установил эти критерии в Руководстве по выполнению Конвенции.

ВЫДАЮЩАЯСЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ КАК РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ ПОНЯТИЕ

Поскольку критерии установления выдающейся универсальной ценности культурного наследия прописаны в Руководстве, а не в самой Конвенции, они могут изменяться с течением времени так, как Комитет сочтет нужным. Критерии, представленные в Руководстве 2015 г., являются шестой версией (первая появилась в 1977 г.). Эта возможность изменять и исправлять критерии определения выдающейся универсальной ценности отражает изменчивость концепции ценности и важности наследия, что, в свою очередь, не только допускает изменения в восприятии ценности, но также косвенно позволяет совершенствовать определение культурного наследия, представленное в статье 1 Конвенции.

Критерии первого издания Руководства 1977 г. стали результатом соединения вариантов, предложенных ИКОМОС и делегацией США в 1976 г. В результате появился рабочий документ, содержащий важный дополнительный комментарий к разработанным критериям: «...вдобавок к специальным критериям по оценке присутствующих ценности характеристик специальное внимание следует уделить целостности природных ареалов и аутентичности культурных ценностей» [46]. После внесения незначительных поправок в рабочий документ окончательная версия Руководства была принята в конце 1977 г. Почти сразу же, еще до внесения первых объектов в Список, критерии стали предметом дальнейших обсуждений. В 1980 г. вышла новая версия Руководства с измененными критериями. В этот начальный период главной задачей Комитета было включение в Список выдающихся знаковых объектов. Так, в 1978 г. в него были внесены Галапагосские острова (Эквадор), в 1979 г. — пирамиды в Гизе (Египет), Большой каньон (США), в 1980 г. — исторический центр Рима (Италия), в 1983 г. — Тадж Махал (Индия), в 1987 г. — афинский Акрополь (Греция) и т. п.

Однако скоро стало ясно, что такой подход имеет значительные ограничения. Только небольшое количество объектов в отдельных государствах могло претендовать на включение в Список.

Понятие всемирного наследия стало рассматриваться не просто как набор знаковых мест, имеющих мировое значение, а как совместное наследие, требующее репрезентативности. Возникает необходимость идентификации наследия, представляющего полноту и разнообразие всех культур мира в их интеллектуальном, эстетическом, религиозном и общественном выражении. Такой подход к всемирному наследию вызвал новые проблемы, поскольку не только трудно определить, какие объекты наилучшим образом представляют тот или иной тип, но и определение типов и классов объектов, которые требуется включить, оказалось крайне сложным. Представительность ограничивалась не самими объектами, а культурами, географическими регионами, этнической принадлежностью.

Поэтому понятие выдающейся универсальной ценности рассматривалось как состоящее из двух основных элементов. С одной стороны, это способность ценности быть общепривлекательной благодаря своим исключительным качествам, включая аутентичность, служить выражением человеческого опыта и быть способной интерпретировать внутренний мир человека, включая тайну жизни, борьбу за существование, смерть, поиск красоты. С другой стороны, концепцию универсальности можно связать со способностью представлять разнообразие культур и традиций всего мира как в пространственном, так и во временном измерении. Для этого требуется тщательный отбор объектов культурного наследия, с тем чтобы можно было составить правдивую и полную картину общечеловеческого достояния в его различных проявлениях [47, с. 21].

К началу 1990-х гг. идея репрезентативности не была достигнута, и хотя в 1980 г. в Руководство был внесен ряд изменений, в нем еще оставалось достаточно несоответствий. Во-первых, продолжал доминировать монументалистский подход, в результате чего в Списке было очень большое количество таких объектов, как исторические центры городов и строения религиозного назначения, причем преимущественно в Европе. Во-вторых, христианство было представлено намного больше, чем другие религии; то же касается периода письменной истории по сравнению с дописьменной. Кроме того, в Список вошло много объектов исчезнувших цивилизаций, но достаточно мало — живых традиций [48]. Как раз в это время был принят Нарский документ о подлинности, более полно учитывающий культурные особенности при установлении ценности культурного наследия [49].

Для достижения лучшего регионального баланса и более широкого тематического разнообразия Списка всемирного наследия в 1994 г. Комитет всемирного наследия принял *Глобальную стратегию обеспечения репрезентативности, сбалансированности и авторитетности Списка всемирного наследия* [50].

Экспертная группа, рекомендовавшая принятие Глобальной стратегии, так объяснила этот шаг: «История искусства и архитектуры, археология, антропология и этнология больше не концентрируются на отдельных изолированных памятниках; их больше интересуют культурные группы, комплексные и многомерные, демонстрирующие в пространственных терминах социальные структуры, образ жизни, верования, системы знаний и представлений различных прошлых и современных культур всего мира» [4, с. 235].

Таким образом, было сочтено, что Список должен стать более восприимчивым к различным культурным проявлениям, обладающим выдающейся универсальной ценностью. Для того чтобы сбалансировать Список, были предложены новые критерии, позволяющие включать широкий круг новых объектов, происходящих из различных культур и стран.

Принятие Глобальной стратегии и пересмотр в 1994 г. новой версии Руководства стали значительным изменением в подходе к определению выдающейся универсальной ценности культурного наследия и формированию Списка. В результате акцент был смещен с подхода, ставящего во главу угла «чудеса света», на более представительный и сравнительный подход. Последняя редакция Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия 2015 г. содержит следующие критерии определения выдающейся универсальной ценности для культурного наследия. Объект должен:

- «1) являться шедевром творческого гения человека;
- 2) отражать воздействие, которое оказывает смена общечеловеческих ценностей в пределах определенного периода времени или определенного культурного района мира, на развитие архитектуры или технологии, монументального искусства, градостроительства или планирования ландшафтов;
- 3) являться уникальным или по меньшей мере исключительным свидетельством культурной традиции или цивилизации, существующей или исчезнувшей;
- 4) являться выдающимся образцом типа строения, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, иллюстрирующего важный этап (этапы) развития человеческой истории;

5) являться выдающимся образцом характерного для данной культуры (или культур) традиционного человеческого поселения, землепользования или водопользования или выдающимся образцом взаимодействия человека с окружающей средой — особенно в тех случаях, когда оно стало уязвимым под воздействием необратимых перемен;

б) быть прямо или косвенно связанным с событиями или живыми традициями, с идеями или верованиями, или с произведениями литературы и искусства, имеющими выдающееся мировое значение (по мнению Комитета, данный критерий следует использовать преимущественно в сочетании с другими критериями)» [45, п. 77].

Следует отметить, что основное определение культурного наследия, представленное в статье 1 Конвенции, мало соотносится с развивающимся понятием «всемирное наследие». Например, определение каналов и исторических путей в Руководстве не соотносится прямо ни с одним из аспектов определения культурного наследия статьей 1. Поэтому практическая активность Комитета и государств-участников основывается на критериях определения культурного наследия, представленных в Руководстве.

5.4. АУТЕНТИЧНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ

Культурное наследие, претендующее на внесение в Список всемирного наследия, должно соответствовать критерию не только выдающейся универсальной ценности, но и аутентичности и целостности. Это означает, что «физическая структура объекта и/или его характерные элементы должны быть в хорошем состоянии, и воздействие разрушающих процессов должно быть под контролем. Должна быть включена существенная пропорция элементов, необходимых для передачи полноты ценности, выраженной в объекте. Необходимо сохранить взаимосвязи и динамические функции, присутствующие в культурных ландшафтах, исторических городах или других «живущих» объектах, являющиеся важнейшими для их отличительных признаков (характеристик)» [45, п. 89].

Требование целостности особенно важно для природных объектов, но значимо и для культурных. Одновременно тест на аутентичность имеет большее значение для определения выдающейся универсальной ценности культурного наследия. Аутентичность требует, чтобы ценности определенного культурного наследия были надежными или заслуживающими доверия, чтобы культурное наследие,

которое попадает в Список, действительно воплощало ценности, которые ему приписываются. В более конкретной форме Руководство говорит о том, что «реконструкция остатков археологических памятников, или исторических зданий или кварталов допустима только при исключительных обстоятельствах. Реконструкции приемлемы только в том случае, если они выполнены на основе полной и исчерпывающей документации, но никоим образом не на предположениях любой степени достоверности» [45, п. 86].

Хотя в некоторых случаях под аутентичностью подразумевается подлинность физических характеристик культурного наследия, чаще всего она касается надежности и достоверности источников информации, благодаря которым культурное наследие наделяется ценностью или важностью. Источники — это физические, письменные, устные и изобразительные свидетельства, позволяющие узнать природу, особенности, значение и историю культурного наследия [45, п. 86]. Однако то, каким образом наследию придается ценность, зависит от культурных особенностей. В настоящее время Комитет признает, что «западный» научный тест на подлинность, который опирается на твердые факты и признанную методологию, отличается от, например, африканского подхода, когда ценность объекту придают преимущественно его духовные характеристики, а не физическое состояние. Исходя из этого Руководство требует, «чтобы культурное наследие рассматривалось и оценивалось прежде всего в пределах культурного контекста, которому оно принадлежит» [45, п. 81]. Руководство говорит также о том, что «в зависимости от типа культурного наследия и его культурного контекста объекты могут быть признаны удовлетворяющими условиям аутентичности, если их культурная ценность... правдиво и достоверно выражена через разнообразие признаков, включая форму и дизайн; материалы и вещества; использование и функции; традиции, методы и системы управления; местоположение и окружение; язык и другие формы нематериального наследия; духовное и физическое восприятие; другие внутренние и внешние факторы» [45, п. 82].

5.5. РЕЖИМ ОХРАНЫ И МЕНЕДЖМЕНТА

Кроме того, что культурное наследие должно соответствовать критериям выдающейся универсальной ценности, аутентичности и целостности, необходимо внедрение эффективной системы охраны и менеджмента этого наследия, с тем чтобы обеспечить под-

держание или улучшение состояния аутентичности и целостности объекта [45, п. 96]. Руководство подчеркивает, что «все объекты, внесенные в Список всемирного наследия, должны иметь адекватную долгосрочную учрежденную и/или традиционную охрану и менеджмент, законодательную и регулятивную базу, гарантирующие их сохранность. Охрана должна включать соответственно установленные границы» [45, п. 97].

Несколько параграфов Руководства посвящено демаркации четких границ объектов: «Границы должны быть установлены так, чтобы гарантировать полное выражение выдающейся мировой ценности, целостности и/или аутентичности объекта» [45, п. 99]. Отмечается, что в границы объекта следует помещать не только «все те территории и атрибуты, которые являются прямым материальным выражением выдающейся мировой ценности объекта, а также и те территории, которые в свете будущих исследований имеют потенциал быть частью этого выражения и улучшить его понимание» [45, п. 100]. Руководство предусматривает также создание буферных зон вокруг объектов, которые должны включать «непосредственное окружение номинированного объекта, важные виды (пейзажи) и другие территории или атрибуты, которые являются функционально важными для объекта и его охраны» [45, п. 104]. Любые модификации буферной зоны после внесения объекта в Список всемирного наследия должны быть одобрены Комитетом всемирного наследия [45, п. 107]. Например, Кельнский собор в 2004–2006 гг. единственный из «западных» объектов входил в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, из-за планов по возведению в его буферной зоне высотных зданий, которые нарушили бы его визуальное восприятие. После того как высота возводимых строений была ограничена, собор был исключен из данного списка.

5.6. ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Охрана культурного наследия возложена на государство, на территории которого оно находится. Это не только объективная реальность, но и правовая норма, на ней основан охраняемый режим Конвенции. Статьей 4 предусмотрено: «Каждое государство — сторона настоящей Конвенции признает, что обязательство обеспечивать выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям культурного и природного наследия, упоминае-

мого в статьях 1 и 2, которое расположено на его территории, возлагается прежде всего на него». Еще раз это повторяется в статье 6, где говорится о том, что при признании определенного наследия всеобщим наследием, государства – стороны Конвенции полностью уважают суверенитет государств, на территории которых оно находится, и не ущемляют прав, предусмотренных национальным законодательством в отношении указанного наследия [9, ст. 6(1)].

При том, что Конвенция признает полный территориальный суверенитет государств, та же статья 4 накладывает на государства-стороны обязательство по охране мирового наследия. Статья 4 стремится подчеркнуть, что обязанность охраны наследия предшествует обязательствам, налагаемым Конвенцией. В статье 26 это обязательство подчеркивается еще раз: «...государству, пользующемуся... международной помощью, надлежит... продолжать охранять, сохранять и популяризировать подлежащие сбережению ценности».

Первый шаг, который должно предпринять государство в рамках охраны, согласно статье 4, состоит в выявлении на своей территории наследия, подпадающего под определение статей 1 и 2 Конвенции. Об этом же говорится и в статье 3: «Каждому государству – стороне настоящей Конвенции надлежит определить и разграничить различные ценности, расположенные на его территории и предусматриваемые вышеупомянутыми статьями 1 и 2». На каждое государство-сторону возложено обязательство определения того, какие объекты на его территории подпадают под определение статьи 1, что является предварительным условием возможного внесения таких объектов в Список всемирного наследия. При этом не применяются критерии, изложенные в Руководстве по выполнению Конвенции (ими руководствуется Комитет), а государство само определяет необходимые критерии. В итоге на практике сложно определить, насколько добросовестно государство выполняет данное обязательство, так как его способность выявлять подобные объекты зависит от многих факторов, включая финансовые и административные возможности, размеры территории, а также дату присоединения к Конвенции. Поскольку усилий по обеспечению охраны культурного наследия, которые предпринимает государство, может оказаться недостаточно, статьей 4 предусматривается возможность оказания международной помощи.

Принимая во внимание различные экономические, социальные и культурные условия, существующие в разных государствах, обязательство по охране статьи 4 сформулировано в самом общем виде, однако в статье 5 говорится о том, что государства-стороны стремятся по возможности реализовывать ряд конкретных мер по

охране, консервации и популяризации наследия, имеющегося на их территории.

Конвенция не содержит обязательного требования по выполнению всех мер, перечисленных в статье 4; они представляют собой путь, по которому следует идти государству, желающему последовательно реализовывать охрану наследия на своей территории.

5.7. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В главе II Конвенции говорится о том, что государства-стороны признают: наследие, дефиниция которого дана в статье 1, является всеобщим наследием, охрана которого — долг всего международного сообщества [9, ст. 6(1)]. «Международное сообщество» в данном случае, согласно международному праву, означает государства — стороны Конвенции, однако поскольку к ней присоединились уже 192 государства, то «международное сообщество» здесь имеет самое широкое значение.

Основанный на взаимной солидарности механизм международного сотрудничества — центральный момент Конвенции, цель которой состоит в охране наследия, признанного всемирным достоянием. Это отражено в статье 6.2, где говорится, что государства-стороны обязуются оказывать содействие в выявлении, охране, сохранении и популяризации культурного и природного наследия, внесенного в Список всемирного наследия, если об этом попросят государства, на территории которых оно находится. В Конвенции ничего не сказано о конкретных мерах, которые государства-стороны должны предпринимать в рамках международного сотрудничества. Одно реальное обязательство в рамках международной охраны всемирного наследия — обязательство межгосударственного сотрудничества, отраженное в статье 7. Поскольку ряд последующих глав Конвенции посвящен непосредственным мерам реализации международного сотрудничества, эта статья является, по сути, введением к главам, посвященным фонду и системе международной помощи.

В то время как глава II возлагает на государства обязательство по сотрудничеству и охране, в статье 6.3 говорится об обязательстве иного рода: «Каждое государство — сторона настоящей Конвенции обязуется не принимать каких-либо преднамеренных действий, которые могли бы причинить прямо или косвенно ущерб культурному и природному наследию, упоминаемому в статьях 1 и 2, расположенному на территории других государств — сторон настоящей

Конвенции» [4, с. 246]. Хотя статья сформулирована в негативных выражениях, косвенно она означает, что государства-стороны должны предпринимать определенные действия по предупреждению нанесения ущерба такому наследию.

КОМИТЕТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Межправительственный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия (Комитет всемирного наследия) выражает общие интересы государств-сторон в отношении всемирного наследия. Комитет состоит из делегатов 21 государства, представляющих в определенной пропорции различные регионы и культуры мира. Они избираются на Генеральной ассамблее ЮНЕСКО во время проходящей один раз в два года очередной сессии ее Генеральной конференции [9, ст. 8(1)].

В конце каждой очередной сессии Комитета избирается Президиум (в него входят председатель, заместитель председателя и докладчик), который должен координировать работу Комитета. Статьей 10 предусмотрено, что Комитет сам принимает правила процедуры, оговорено, кого Комитет может приглашать на свои заседания, и прописано право создания консультативных органов. Комитет заседает, как правило, один раз в год [45, п. 19].

Комитет всемирного наследия выполняет многочисленные функции, которые изложены в Конвенции и в Руководстве по ее выполнению, однако его центральная функция – составление Списка всемирного культурного и природного наследия [9, ст. 11].

5.8. СПИСОК ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье 3 заявлено, что все присоединившиеся к Конвенции государства должны «определить и разграничить различные ценности, расположенные на его территории и предусматриваемые вышеупомянутыми статьями 1 и 2». В статье 4 подчеркивается, что обязательство по выявлению, охране, сохранению, популяризации и передаче будущим поколениям культурного наследия возлагается на то государство, на территории которого это наследие находится. Включение того или иного объекта в Список всемирного наследия носит декларативный характер, поскольку выдающаяся универсальная ценность культурного наследия – это предварительное условие, а не результат внесения в этот Список. Однако процесс идентификации объек-

тов для внесения в Список всемирного наследия непростой, на него влияют различные экономические, культурные и политические обстоятельства. Выявление культурного наследия, соответствующего определению статьи 1, — это первый шаг на пути внесения в Список всемирного наследия, который к тому же требует принятия необходимых мер по охране и менеджменту этого наследия.

Конвенция недвусмысленно заявляет, что «внесение ценностей в Список всемирного наследия не может быть произведено без согласия заинтересованного государства» [9, ст. 11(3)], т. е. государства, на чьей территории находится ценность. Проблема может возникнуть в том случае, когда наследие находится на территории, на которую претендует несколько государств. В связи с этим Конвенция отмечает, что «включение ценности, расположенной на территории, суверенитет или юрисдикция которой оспаривается несколькими государствами, никоим образом не отражается на правах спорящих сторон». Такая ситуация на практике имела место в 1981 г., когда Иордания номинировала в Список старый город Иерусалима, находящийся под контролем Израиля. Последний в то время не был стороной Конвенции.

Кроме того, Конвенция предусматривает номинацию трансграничных объектов. В таких случаях номинация подается соответствующими государствами-сторонами [45, п. 135]. К ним относятся природные объекты. Например, Геодезическая дуга Струве находится на территории десяти государств: Беларуси, Латвии, Литвы, Молдовы, Норвегии, России, Украины, Финляндии, Швеции и Эстонии. Гораздо больше двусторонних номинаций, например водопад Моси-оа-Тунья (Виктория) от Замбии и Зимбабве, Иезуитские миссии среди индейцев гуарани от Аргентины и Бразилии, Беловежская Пуща от Беларуси и Польши и др.

Требование о номинации от соответствующих государств вызывает проблемы с включением в Список объектов, находящихся в открытом море, что особенно важно, если учитывать роль океанов в процессе изменений климата и морских экосистем [51, с. 149].

Особая проблема — номинация серийных объектов, относящихся к одной историко-культурной группе, географической зоне и т. д. Отдельные компоненты такой серии не обладают выдающейся универсальной ценностью, но серия в целом обладает [45, п. 137].

По состоянию на октябрь 2016 г. в Список включено 1052 объекта, из которых 814 культурных, 203 природных, 35 смешанных, 34 трансграничных. В Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, внесено 55 объектов. Объекты Списка расположены на территории 165 государств — сторон Конвенции.

Принципы формирования Списка часто критикуют за монументалистский характер, отражающий европейский подход к наследию в целом. Неслучайно большинство объектов всемирного наследия находятся на территории европейских государств. Так, Италия имеет в Списке 51 объект, Испания – 45, Франция – 42, Германия – 41. Вместе у этих четырех стран объектов, включенных в Список, больше, чем у всех африканских и арабских государств, вместе взятых. Большое число европейских и североамериканских объектов отражает не только западную концепцию культурного наследия, но и ее реализацию через механизмы Конвенции. С момента введения Конвенции европейские и североамериканские государства принимали активное участие в деятельности Комитета и представляли большое число номинаций. Учитывая, что большинство экспертов, входящих в консультативные органы Конвенции, составляют также представители этого региона, неудивительно, что эти страны оказывают наибольшее влияние на процесс включения в Список. Таким образом, структура Списка предназначена для монументальных объектов и отражает подход, который практически не применим к видам наследия из регионов, где культурная энергия развивалась в других формах.

Ряд государств, не входящих в регион Европы и Северной Америки (согласно классификации ЮНЕСКО), также имеет достаточное количество объектов из Списка на своей территории. Это прежде всего Китай (51 объект), Индия (35 объектов) и Мексика (34 объекта). Если говорить о регионах в целом, то в Европе и Северной Америке находится 47 % объектов Списка, в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 23 %, Латинской Америке и Карибском бассейне – 13 %, Африке – 9 % и на территории арабских стран – 8 %. 27 государств-сторон еще не имеют объектов, внесенных в Список. Это преимущественно африканские и небольшие островные государства. Номинации из таких стран имеют приоритет перед всеми остальными.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СПИСКИ

Выявление объектов культурного наследия и установление их границ – важнейшая часть процесса составления Списка всемирного наследия. Согласно статье 11.1 каждое государство должно представлять Комитету перечень расположенных на его территории ценностей, которые могут быть включены в Список всемирного наследия. Это еще не номинации на включение в Список, а, пользуясь терминологией Руководства по выполнению Конвенции, пред-

варительные списки возможных будущих номинаций. Поскольку эти списки предварительные, они не считаются исчерпывающими и могут дополняться в любое время. Руководство поощряет государства-стороны к пересмотру предварительных списков как минимум один раз в 10 лет в целях их гармонизации с предварительными списками других государств, со Списком всемирного наследия и на тематическом уровне [45, п. 65, 73].

Руководство по выполнению Конвенции призывает государства-стороны «подготавливать предварительные списки с вовлечением широкого круга участников, в том числе менеджеров объектов, местных и региональных властей, местных сообществ, неправительственных организаций (НПО), других заинтересованных сторон и партнеров» [45, п. 64]. Хотя это прямо не регламентировано, в настоящее время практика Комитета такова, что все объекты, номинируемые в Список всемирного наследия, должны быть заранее внесены в предварительные списки. Государства-стороны призываются к представлению предварительных списков в Центр всемирного наследия по крайней мере за один год до подачи номинации [45, п. 63, 65]. Стандартная форма представления элементов в предварительном списке дана в приложении к Руководству и требует размещения информации о географическом положении, описания объекта, его выдающейся универсальной ценности. Необходимо указать на соответствие объекта хотя бы одному из шести критериев Руководства.

Составление предварительных списков служит важным инструментом планирования для государств – сторон Конвенции, Комитета всемирного наследия, Центра всемирного наследия и консультативных органов [45, п. 70]. Такие списки особенно полезны для заполнения пробелов, существующих в Списке всемирного наследия. При включении объекта в предварительный список он, по определению, приобретает выдающуюся универсальную ценность независимо от внесения в Список всемирного наследия, и обязательства, изложенные в статьях 4 и 5 Конвенции, полностью распространяются на него.

НОМИНАЦИИ И ВНЕСЕНИЕ В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

В центре охранного режима Конвенции следующее положение: «На основе перечней, представляемых государствами в соответствии с пунктом 1, Комитет составляет, обновляет и публикует под названием “Список всемирного наследия” список ценностей культур-

ного и природного наследия, как они определены в статьях 1 и 2 настоящей Конвенции, которые, по его мнению, имеют выдающуюся универсальную ценность в соответствии с установленными им критериями. Обновленный список рассылается не реже одного раза в два года» [9, ст. 11(2)].

Список всемирного наследия составляется на основе представленных государствами-сторонами предварительных списков, которые служат лишь первым этапом возможной номинации объекта. Только официальная заявка от государства-стороны может привести к включению объекта в Список. Номинация подается по специальной форме и кроме многих прочих вопросов должна продемонстрировать «полное принятие государством обязательства по сохранению номинируемого объекта наследия своими силами» [45, п. 53]. Это значит, что государство должно описать и объяснить уже внедренную систему охраны и управления объектом [45, п. 97], а также соответствующие политические, научные, технические, административные и финансовые меры, как уже существующие, так и планируемые в будущем. Главное, что номинация должна содержать обоснование включения, т. е. соответствие объекта по крайней мере одному критерию выдающейся универсальной ценности, изложенному в Руководстве [45, п. 132, прил. 5, ч. 3(a)]. Руководство подчеркивает эксклюзивный характер Списка, говорит о том, что «целью Конвенции не является обеспечение защиты всех объектов, представляющих большой интерес, важность и значение, но лишь тех из них, которые входят в число наиболее выдающихся в масштабе всего человечества в целом» [45, п. 52].

После получения номинаций от государств – сторон Конвенции Центр всемирного наследия уведомляет о получении, проверяет на полноту и регистрирует номинации. Затем номинации направляются соответствующим консультативным органам для оценки – действительно ли объекты имеют выдающуюся мировую ценность, соответствуют условиям целостности и/или аутентичности и отвечают требованиям охраны и менеджмента. Оценку номинаций по культурному наследию проводит ИКОМОС, по природному – МСОП, по смешанному – ИКОМОС и МСОП совместно. Секретариат может запрашивать любую дополнительную информацию от государства-стороны, в том числе по запросу консультативных органов [45, п. 140, 143–146].

ИКОМОС и МСОП относят объекты к одной из трех категорий: «а) рекомендованные к внесению безоговорочно; б) не рекомендованные к внесению; с) рекомендованные после доработки или отложенные» [45, п. 151].

Заинтересованные государства-стороны, не согласные с оценкой номинации консультативными органами, могут направить письмо председателю Комитета (с копиями консультативным органам), в котором указаны ошибки, обнаруженные в оценке их номинации. Это письмо будет распространено на рабочих языках среди членов Комитета и может быть зачитано председателем после презентации оценки [45, п. 150].

Государство – сторона Конвенции может отозвать представленную им номинацию в любое время до начала сессии Комитета, на которой запланировано ее рассмотрение, о чем оно письменно сообщает Центру всемирного наследия. При повторной подаче номинации этого объекта она будет рассматриваться как новая [45, п. 152].

Наконец, Комитет может принять в отношении номинации одно из четырех возможных решений: включить объект в Список; не включать объект в Список; направить номинацию на доработку; отложить номинацию для более глубокого изучения или оценки или для существенного пересмотра государством, которое ее подало [45, гл. III, G].

Перед принятием решения о невключении номинированного объекта в Список Комитет должен провести консультацию с государством-стороной, на территории которого находится данный объект [9, ст. 11(6)]. Процесс консультаций призван оставить государствам, подавшим номинацию, определенное пространство для маневра, чтобы они в ходе переговоров могли добиться принятия решения об отправке на доработку или отложения номинации. Впрочем, даже если этого не удалось добиться, у государства появляется возможность отозвать номинацию вместо получения отказа во внесении в Список. Ни в Конвенции, ни в Руководстве не предусмотрена процедура обжалования решения Комитета, поэтому «если Комитет решает, что объект не должен быть включен в Список всемирного наследия, эта номинация не может снова представляться Комитету, кроме исключительных обстоятельств. Эти исключительные обстоятельства могут означать новые открытия, новую научную информацию об объекте или другие критерии, не представленные в первоначальной номинации. В этих случаях должна быть представлена новая номинация» [45, п. 158].

Хотя в Конвенции прямо не говорится об исключении из Списка, Комитетом была разработана соответствующая процедура, которая предусматривает два случая, когда объект может быть исключен из Списка: «а) состояние объекта ухудшилось настолько, что он утратил характеристики, определившие его включение в Список всемирного наследия; б) в результате хозяйственной деятельности объ-

екту грозила утрата присущих ему качеств уже на момент номинации, а необходимые меры по исправлению этой ситуации, представленные государством – стороной Конвенции при номинации объекта, не были выполнены в указанный им срок» [45, п. 192]. Важно, что Комитет может исключить объект из Списка без согласия государства и без предварительного внесения в *Список всемирного наследия, находящегося под угрозой*. Комитет пошел на исключение объекта из Списка всемирного наследия всего в двух случаях. В 2007 г. был исключен резерват аравийского орикса (включен в Список в 1994 г.) из-за сокращения правительством Омана площади резервата на 90 % и процветанием в нем браконьерства, в результате чего численность орикса упала с 450 особей в 1996 г. до 64 в 2006 г. В 2004 г. в Список всемирного наследия был включен объект «Дрезденская долина Эльбы», причем уже в то время велись активные дискуссии насчет строительства моста через р. Эльба. В 2005 г. был проведен общегородской референдум по вопросу возведения моста, на котором победили сторонники строительства. После этого в 2006 г. объект был включен в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой (вторым европейским объектом в этом списке были средневековые монастыри в Косово). В 2006 г. городской совет приостановил планы сооружения моста, но в марте 2007 г. на юридическом слушании Государственный административный высокий суд вынес решение в пользу строительства. 25 июня 2009 г. Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО проголосовал за снятие статуса объекта Всемирного наследия с Дрезденской долины Эльбы по причине разрушения культурного ландшафта. Мост официально открыт в 2013 г.

Включение объектов в Список культурного наследия приносит им многочисленные преимущества, включая возможность получения международной помощи из Фонда Конвенции. Впрочем, это может привести и к негативным последствиям. Так, увеличение туристической нагрузки может способствовать разрушению объектов; возможны межгосударственные противоречия, связанные с охраной и управлением объектом, а также противоречия между различными заинтересованными группами, в том числе властями различных уровней.

СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ ПОД УГРОЗОЙ

Статьей 4.1 предусмотрено составление Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой: «Комитет составляет, обновляет и публикует, когда этого требуют обстоятельства, под названием

“Список всемирного наследия, находящегося под угрозой” список ценностей, фигурирующих в Списке всемирного наследия, для спасения которых требуются значительные работы и для которых в рамках настоящей Конвенции была запрошена помощь. В этом списке указывается примерная стоимость операций. В этот список могут включаться только ценности культурного и природного наследия, которым угрожают серьезные и конкретные опасности, например, угроза исчезновения вследствие прогрессирующего разрушения, проекты проведения крупных общественных или частных работ, быстрое развитие городов и туризма, разрушение в связи с изменением предназначения или права собственности на землю, серьезные повреждения вследствие неустановленной причины, заброшенность по каким-либо причинам, стихийные бедствия и катаклизмы, опасность вооруженных конфликтов, большие пожары, землетрясения, оползни, вулканические извержения, изменения уровня вод, наводнения, приливы. В случае чрезвычайных обстоятельств Комитет может в любое время включить в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, новую ценность и немедленно сообщить об этом».

Следует отметить, что для включения Комитетом объекта в данный список не требуется согласия государства-стороны, на чьей территории он находится. Комитет лишь сообщает заинтересованному государству о своем решении и извещает общественность [45, п. 177, 186, 187]. Так же обстоит дело и с исключением объектов из данного списка. Тем не менее включение объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, имеет и определенный политический аспект. Например, правительство Непала активно возражало против включения Долины Катманду в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, правительство Австралии активно препятствовало включению в него Национального парка Какаду. Однако, как правило, сами государства-стороны просят внести свои объекты в данный список, но даже когда это не так, у них не возникает претензий к Комитету.

Критерии, согласно которым культурный объект может быть внесен в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, изложены в Руководстве. Они подразделяются на установленную и потенциальную опасность. Установленная опасность, существование которой доказано, — это серьезное разрушение материалов; серьезное повреждение конструкций и/или декоративных элементов; серьезное нарушение архитектурной и/или градостроительной связности; серьезное ухудшение состояния городской или сельской среды либо природного окружения; значительная утрата характери-

стик исторической аутентичности; значительная утрата культурной значимости. К потенциальной опасности, при которой на объект воздействуют факторы, угрожающие лишить его присущих ему характеристик, относятся: изменение юридического статуса объекта и связанное с этим снижение категории охраны; отсутствие стратегии сохранения; возможные пагубные последствия реализации проектов хозяйственного развития региона; возможные пагубные последствия реализации градостроительных проектов; возникновение или угроза вооруженного конфликта; постепенные изменения в результате воздействия геологических, климатических и других факторов, связанных с окружающей средой [45, п. 179].

Требование Конвенции относительно того, что для спасения объектов, находящихся под угрозой, требуется проведение «значительных работ», выглядит довольно расплывчатым. Руководство говорит лишь о том, что «фактор или факторы, угрожающие целостности объекта, должны поддаваться коррекции в результате принимаемых мер» [45, п. 181].

Еще более проблематичным представляется требование о том, что для объектов должна быть запрошена помощь в рамках Конвенции. В то же время получение помощи в рамках Конвенции, согласно статье 13, не означает, что объект, для которого она предназначена, обязательно должен быть внесен в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Если государство запрашивает подобную помощь, оно выполняет данное условие, и Комитет может внести объект в данный список без согласия заинтересованного государства. В обычных условиях подобный порядок можно предугадать. Государство, испытывающее трудности в охране и управлении своим наследием, может попросить о помощи, и следующим шагом при оказании ему поддержки может стать включение в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Например, в 1996 г. Эфиопия подала заявку на получение финансовой помощи из Фонда для охраны национального парка Сьмен. Комитет кроме оказания помощи включил данный объект в указанный список. Эфиопия протестовала против такого шага, но затем после консультаций и переговоров конфликт был улажен [4, с. 259].

Впрочем, просьба о предоставлении помощи не является необходимым условием внесения объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, поскольку статьей 11.4 предусмотрено, что «в случае чрезвычайных обстоятельств Комитет может в любое время включить в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, новую ценность и немедленно сообщить об этом».

С другой стороны, просьба государства о включении объекта, находящегося на его территории, в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, может означать, что оно хочет получить дополнительную помощь от органов Конвенции. Это не обязательно материальная помощь. Часто государства (особенно развитые) таким образом стремятся обратить внимание на проблемы в отношении наследия. Из этих соображений в упомянутый список были включены Дрезденская долина Эльбы и Кельнский собор.

Следует подчеркнуть, что право Комитета включать объекты в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, может применяться, согласно статье 11.4, «в случае чрезвычайных обстоятельств», под которыми понимается нечто большее, чем серьезные и конкретные опасности, перечисленные в статье. Наиболее очевидный из факторов, усугубляющих угрожающую объекту опасность, – неизбежность угрозы. Еще один часто встречающийся фактор – действия или бездействие самого государства. Это именно тот случай, когда государство не исполняет свои обязательства согласно Конвенции [4, с. 260].

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ, НЕ ВКЛЮЧЕННОЕ В СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Интересно, что в главе III, посвященной Комитету всемирного наследия и Списку всемирного наследия, нашлось место статье об обязательствах государства в отношении ценностей, которые еще не включены в Список. В статье 12 говорится о том, что «тот факт, что какая-либо ценность культурного или природного наследия не была включена в один из двух списков, упомянутых в пунктах 2 и 4 статьи 11, ни в коей мере не означает, что этот объект не имеет выдающейся универсальной ценности в каком-либо ином отношении, кроме включения его в эти списки».

Из статьи 12 следует, что культурное наследие, идентифицированное государствами-сторонами и подпадающее под определение статьи 1, является предметом обязательств, изложенных в главе II, независимо от факта внесения его в Список всемирного наследия. Конвенция также предлагает механизм по оказанию помощи такому наследию. Согласно статье 13.1 Комитет может получать и рассматривать заявки о предоставлении международной помощи от государств-сторон в отношении подобного наследия в целях его охраны, сохранения, популяризации или восстановления. Кроме того, согласно статье 4 государства-стороны призываются к международной помощи и сотрудничеству, в частности в финансовом, худо-

жественном, научном и техническом отношении при оказании помощи наследию, не включенному в Список всемирного наследия.

К сожалению, в реальности практическое выполнение обязательств, которые возлагаются на государства-стороны в соответствии со статьей 12 и главой II, оставлено на усмотрение самих государств, поскольку именно на них возложено выявление объектов, обладающих выдающейся универсальной ценностью. ЮНЕСКО может оказывать определенное влияние лишь на объекты, внесенные государством в предварительные списки, а также обладающие бесспорной выдающейся ценностью, но по разным причинам не включенные до сих пор в Список всемирного наследия. Сюда относятся, в частности, объекты, находящиеся на территории Палестинской автономии: исторический центр г. Наблус, старый город Хеврон и Пещера патриархов [4, с. 262].

5.9. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ

Конвенция всемирного наследия касается не только учреждения списков объектов, обладающих выдающейся универсальной ценностью. Ее основа – создание международного режима по охране такого наследия благодаря организации системы сотрудничества, включающей предоставление помощи государствам, на территории которых находится всемирное наследие. Воплощением этой идеи стало учреждение Комитета всемирного наследия и Фонда всемирного наследия.

Государства – стороны Конвенции не получают автоматически право на получение международной помощи. Статьей 19 предусмотрено, что «любое государство – сторона настоящей Конвенции может обращаться с просьбой о предоставлении международной помощи в пользу ценностей культурного или природного наследия, имеющих выдающуюся универсальную ценность и расположенных на его территории». Таким образом, Конвенцией гарантировано лишь право обращения за такой помощью. Статья 20 накладывает ограничение относительно видов наследия, которые могут получить международную помощь. К ним относятся объекты, включенные Комитетом всемирного наследия либо находящиеся в процессе включения в Список всемирного наследия или Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Поскольку режим охраны Конвенции основан на международном сотрудничестве, важную роль в нем играет не только финансовая помощь для отдельных

объектов наследия, но и помощь в создании систем охраны на национальном уровне в государствах – сторонах Конвенции. Большая роль здесь отводится подготовке «специалистов всех уровней в области выявления, охраны, сохранения, восстановления и популяризации культурного и природного наследия». В этом также может быть оказана международная помощь согласно статьям 22(с) и 23.

Статья 13.2 предусматривает возможность предоставления международной помощи в деле выявления наследия, обладающего выдающейся универсальной ценностью «в том случае, когда предварительные исследования показали, что будут оправданы дальнейшие запросы». Это развивает положение статьи 4, где говорится, что каждое государство – сторона Конвенции при обеспечении выявления, охраны, сохранения, популяризации и передачи будущим поколениям культурного и природного наследия, обладающего выдающейся универсальной ценностью, может пользоваться, в дополнение к собственным усилиям, международной помощью. Указанные положения дают развивающимся странам возможность получения помощи, которая может стать первым шагом на пути идентификации наследия, обладающего выдающейся универсальной ценностью, и последующей подготовки номинационного досье для включения его в Список всемирного наследия.

ВИДЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ

Согласно статье 22 помощь, предоставляемая Комитетом всемирного наследия, может иметь следующие формы: «исследование художественных, научных и технических проблем, которые ставят охрана, сохранение, восстановление и популяризация культурного и природного наследия; направление экспертов, техников и квалифицированных рабочих для обеспечения удовлетворительного выполнения утвержденного проекта; подготовка специалистов всех уровней в области выявления, охраны, сохранения, восстановления и популяризации культурного и природного наследия; предоставление оборудования, которым заинтересованное государство не располагает или не в состоянии его приобрести; предоставление займов с низким процентом или без процента, которые могут погашаться на долгосрочной основе; предоставление в исключительных и специально мотивированных случаях безвозмездных субсидий».

В Руководстве представлена сводная таблица различных форм помощи с предельным бюджетом финансирования для каждой, сроками подачи заявок и утверждающими органами [45, п. 241].

Фонд всемирного наследия

Учреждение Фонда всемирного наследия [9, ст. 15(1)], главной целью которого стало предоставление международной помощи государствам-сторонам, во многом послужило успеху Конвенции в деле присоединения новых сторон. Особенно это касается развивающихся стран, так как они могут получать помощь не только от ЮНЕСКО и государств-участников, но и непосредственно из Фонда.

Фонд всемирного наследия представляет собой целевой фонд, чья деятельность регламентирована Положением о финансах ЮНЕСКО и состоит преимущественно из взносов государств – сторон Конвенции. Средства Фонда пополняются за счет вкладов, даров или завещанных сумм, которые могут быть сделаны другими государствами, ЮНЕСКО, другими организациями системы ООН, в частности Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), и другими межправительственными организациями; государственными или частными организациями или отдельными лицами. Также средства пополняются за счет процентов с сумм, одолженных Фондом; сумм сборов и поступлений от мероприятий, организованных в пользу Фонда; любых других ресурсов, разрешаемых положениями о Фонде, разработанными Комитетом [9, ст. 15(3)]. Хотя взносы в Фонд могут использоваться только в целях, определяемых Комитетом, он может принимать взносы, предназначенные для определенной программы или конкретного проекта при условии, что у Комитета имеется решение о выполнении этой программы или проекта. Внесение взносов в Фонд не сопровождается какими-либо политическими условиями [9, ст. 15(4)].

Взносы государств-сторон в Фонд могут быть добровольными и обязательными [9, ст. 15(3)(a)]. Статьей 16.1 Конвенции предусмотрено, что государства-стороны обязуются уплачивать в Фонд всемирного наследия один раз в два года взносы, сумма которых Генеральной ассамблеей определена в 1 % от взносов государства-стороны в обычный бюджет ЮНЕСКО.

Любые дополнительные взносы в Фонд приветствуются и поощряются. В статье 17 государства-стороны призываются к созданию государственных или частных фондов или ассоциаций, имеющих целью поощрение пожертвований для охраны культурного и природного наследия, обладающего выдающейся универсальной ценностью. Кроме того, согласно статье 18, государствам-сторонам предлагается оказывать помощь организуемым под эгидой ЮНЕСКО международным кампаниям по сбору средств для Фонда. Со сво-

ей стороны Комитет всемирного наследия также должен изыскивать средства для пополнения Фонда и принимать все необходимые в этом отношении меры [9, ст. 13(6)].

5.10. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА

СЕКРЕТАРИАТ (ЦЕНТР ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ)

Конвенцией предусмотрено создание секретариата, назначаемого Генеральным директором ЮНЕСКО, который призван оказывать помощь Комитету всемирного наследия. Секретариат был значительно укреплен с организационной и кадровой точек зрения в 1992 г., когда он получил современную форму *Центра всемирного наследия*, базирующегося в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже [45, п. 27].

Современная роль Центра всемирного наследия не вполне ясно определена в Конвенции, где предусматривается лишь, что Генеральный директор ЮНЕСКО (при помощи секретариата), пользуясь услугами Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей (англ. *International Centre for the Study of the Preservation and Restoration of Cultural Property* – ИККРОМ), ИКОМОС и МСОП, готовит «документацию Комитета, повестку дня его заседаний и обеспечивает выполнение его решений» [9, ст. 14(2)].

В Руководстве изложены важнейшие задачи секретариата:

- а) организация встреч Генеральной ассамблеи и Комитета;
- б) выполнение решений Комитета всемирного наследия и резолюций Генеральной ассамблеи и отчетность об их выполнении;
- в) получение, регистрация, проверка комплектности, архивирование и передача в соответствующие Консультативные органы номинаций в Список всемирного наследия;
- д) координация исследований и действий в рамках Глобальной стратегии по созданию репрезентативного, сбалансированного и достоверного Списка всемирного наследия;
- е) организация Периодической отчетности;
- ф) координация и осуществление Реагирующего мониторинга, включая миссии Реагирующего мониторинга, а также координацию соответствующих Консультативных миссий и участие в них;
- г) координация международной помощи;
- h) мобилизация внебюджетных средств для консервации и межджмента объектов всемирного наследия;

и) помощь государствам – сторонам Конвенции в выполнении программ и проектов Комитета;

ж) популяризация всемирного наследия и конвенции через распространение информации государствам – сторонам Конвенции, Консультативным органам и широкой общественности» [45, п. 28].

Впрочем, Руководство содержит много других ссылок на секретариат и его функции, куда входит, в частности, помощь в подготовке номинаций различных типов объектов и предоставление государствам-сторонам необходимой для этого информации [45, п. 126]. Хотя большинство заданий секретариату носят чисто технический характер, некоторые имеют определенный политический оттенок. Так, секретариат должен представлять Комитету отчеты по состоянию сохранности конкретных объектов всемирного наследия, находящихся под угрозой, что называется Реагирующим мониторингом [45, гл. IV, А], и это потенциально ставит секретариат и государства-участников по разные стороны. Потому особое внимание уделяется принятию различных мер по предотвращению удаления любого объекта из Списка и требованию самого тесного сотрудничества с государствами для минимализации любого потенциального конфликта и направлению процесса в русло поддерживающего сотрудничества с заинтересованными государствами в деле охраны всемирного наследия. Тем не менее Центр всемирного наследия может считаться успешным секретариатом, что отражено в общем числе государств – сторон Конвенции и номинаций на включение в Список всемирного наследия.

КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ ОРГАНЫ

Важная роль в деле охраны всемирного наследия и функционирования режима Конвенции отведена трем организациям: Международному совету по сохранению памятников и достопримечательных мест, Международному исследовательскому центру по сохранению и реставрации культурных ценностей и Международному союзу охраны природы и естественных богатств. Это не удивительно, поскольку Конвенция всемирного наследия появилась на свет благодаря инициативе ИКОМОС и МСОП. Тем не менее роль, которую они играют, уникальна как по масштабам деятельности, так и по специальному статусу, прописанному в тексте Конвенции. Так, статья 14 требует от Генерального директора ЮНЕСКО использовать «в самой большой мере услуги Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей

(Римского центра), Международного совета по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС) и Международного союза охраны природы в областях их компетенции и их соответствующих возможностей», а согласно статье 13.7 Комитету при выполнении своих программ и проектов следует прибегать к помощи названных организаций. Важность этих консультативных организаций подчеркивается тем, что в соответствии со статьей 8.3 на заседаниях Комитета могут присутствовать по одному представителю от каждой из данных организаций с совещательным правом голоса.

Более подробно роль консультативных организаций раскрыта в главе I. G. Руководства. МСОП и ИКОМОС играют важную роль в процессе номинации и включения объектов в Список всемирного наследия [45, гл. III, E] и в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой [45, п. 184–185], а также в непрерывном мониторинге всемирного наследия [45, п. 171 и 200]. Важная роль отводится консультативным организациям при рассмотрении заявок на получение международной помощи [45, п. 242, 247–252, 254] и мониторинге реализации мер, на которые она запрашивалась [45, п. 256]. Кроме этого, ИККРОМ выступает приоритетным партнером в обучении по культурному наследию, оказывает поддержку деятельности по усилению потенциала и вносит в нее свой вклад [45, п. 35].

Несмотря на огромную роль, которую эти организации сыграли в деле обеспечения прозрачности и деполитизации процесса принятия решений в рамках реализации Конвенции, особенно в формировании Списка всемирного наследия, они (особенно ИКОМОС) также подвергаются критике за европоцентричный взгляд на наследие, при котором многое наследие других регионов оказывается вне сферы действия Конвенции [53, с. 263].

Отчетность

В рамках режима охраны Конвенции всемирного наследия существуют многочисленные требования по отчетности в отношении всех участников. Успех Конвенции с большим числом государств-сторон, государственных и частных партнеров, объектов, внесенных в Список, образовательных программ основан на точной фиксации и анализе реализуемых мероприятий.

В статье 29 Конвенции говорится о том, что государства-стороны обязуются представлять Генеральной конференции ЮНЕСКО доклады в установленные ею сроки «о законодательных и регла-

ментирующих положениях и о других мерах, принятых ими в целях выполнения настоящей Конвенции, а также сведения об опыте, накопленном ими в этой области». Эти доклады доводятся до сведения Комитета всемирного наследия, который, в свою очередь, представляет каждой очередной сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО доклад о своей деятельности.

Не только государства-стороны обязаны докладывать о своей деятельности по реализации Конвенции, но и Комитет отчитывается о своей деятельности на каждой очередной сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, а Центр всемирного наследия представляет отчеты о выполнении решений Комитета и резолюций Генеральной ассамблеи государств-сторон [45, п. 28(b)]. Наконец, велика роль отчетности между Центром всемирного наследия, Комитетом и консультативными организациями в отношении номинаций объектов, реализации Глобальной стратегии Комитета и докладов по результатам Реагирующего мониторинга. Благодаря таким требованиям к отчетности собирается большой объем информации, в значительной части открытый для широкого доступа, который выполняет важную образовательную и информационную роль и служит улучшению взаимодействия сторон при реализации Конвенции.

Таким образом, Конвенция 1972 г. целый ряд основополагающих принципов охраны культурного наследия, в том числе указала на тесную связь охраны культурного и природного наследия, а также концепции всемирного наследия — достояния всего человечества. Успех Конвенции несомненен и выражен как в рекордно большом количестве присоединившихся к ней стран, так и в огромной популярности и узнаваемости учрежденного ею Списка всемирного наследия. В то же время, по мнению ряда специалистов, механизм Конвенции стал проявлять признаки «институциональной усталости». Его структура больше не способна предоставлять первоначальный уровень поддержки отдельным объектам всемирного наследия, и эта ситуация будет лишь усугубляться по мере включения в Список новых объектов. В настоящее время объекты всемирного наследия в большей мере должны полагаться на правительства и население государств, в которых они находятся. Таким образом, в будущем необходимы переосмысление и переход от современного централизованного охранного режима, в котором главная роль отведена Комитету и Центру всемирного наследия, к режиму, полагающемуся в основном на гражданское общество — население определенных стран и местное бизнес-сообщество.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под культурным наследием для целей Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.?

2. Как эволюционировало понятие выдающейся универсальной ценности?

3. В чем заключается суть охранного режима Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.?

4. Охарактеризуйте механизм внесения объектов в Список всемирного культурного и природного наследия.

5. Какую роль в режиме Конвенции 1972 г. играют экспертные организации?

Список литературы

Кисель, В. П. Памятники всемирного наследия / В. П. Кисель. — Минск : Белорус. энцикл., 2010.

Максаковский, В. П. Всемирное культурное наследие / В. П. Максаковский. — М. : «Издат. сервис» : Логос, 2002.

Мартыненко, И. Э. Участие Республики Беларусь в формировании всемирного культурного наследия / И. Э. Мартыненко // Право. by. — 2010. — № 1. — С. 106—114.

Объекты всемирного наследия: сохранение и исследование в целях устойчивого развития : Междунар. програм. семинар, Несвиж, 23—26 мая 2012 г., Нац. ист.-культур. музей-заповедник «Несвиж». — Несвиж, 2012.

Павлова, Л. Статус всемирного культурного наследия в международном праве / Л. Павлова // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2007. — № 4. — С. 3—10.

Сокровища человечества: памятники истории, культуры и природные заповедники под охраной ЮНЕСКО : альбом / авт. текста Т. Фезер ; пер. М. Зоркая. — М. : БММ АО, 1997.

Глава 6

КОНВЕНЦИЯ ОБ ОХРАНЕ ПОДВОДНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

6.1. ИСТОРИЯ ПРИНЯТИЯ

Начиная с зарождения судоходства огромное количество кораблей нашло свое последнее пристанище на дне различных водоемов. Точное их количество неизвестно. Некоторые авторы говорят о том, что в течение каждого столетия тонуло около 300 кораблей [55, с. 72]. Впрочем, подводное культурное наследие включает не только останки кораблей, но и руины древних городов, портов, пещеры, в которых когда-то обитали люди, и др. Особый вид подводного культурного наследия – останки сооружений, находившихся в прибрежной зоне: верфей, пристаней, пирсов, рыболовных снастей и т. п. При постоянно расширяющихся возможностях проникновения под воду и эксплуатации водных и подводных ресурсов этот ценный и ограниченный археологический и исторический ресурс подвергается все большему риску повреждения и уничтожения. Развитие прибрежных территорий, сопровождаемое ростом городов и постоянно возрастающим использованием природных ресурсов, вызывает углубление портов, различного рода мелиоративные работы, и все это ведет к уничтожению подводного культурного наследия. Кроме того, часто подводному наследию угрожают глубоководные работы: прокладка трубопроводов, бурение скважин по добыче нефти и газа, вылов рыбы, особенно глубоководными тралами. В большинстве случаев это происходит не специально, о существовании подводного наследия даже не подозревают. Однако некоторые виды деятельности нацелены именно на данный вид на-

следия. Прежде всего это касается «искателей сокровищ». Многие объекты, погребенные под водой, не только несут важную информацию, но и представляют немалую экономическую ценность. На затонувших кораблях можно найти золотые слитки, редкие монеты, драгоценные украшения, керамику и много других древних предметов. Возрастает риск того, что подводное культурное наследие будут обнаруживать способами, не учитывающими важную археологическую, историческую и культурную ценность объектов и сосредоточенными только на эксплуатации их экономического потенциала.

В течение веков развития мореплавания были выработаны и нормы, регулирующие подводные находки в рамках так называемого «спасательного права». Оно было направлено на поощрение возврата потерянных в море вещей и предусматривало за это выплату владельцем щедрого вознаграждения спасателю. Если владелец не находился, закон предусматривал, что спасатель может забрать найденное себе. Основной идеей, лежащей в основе спасательного права, было стремление к возврату утерянной собственности в коммерческий оборот, с тем чтобы не пропал ее экономический потенциал. Правовые вопросы, касающиеся проблем собственности и величины награды за спасение, так или иначе имеют отношение к исторической и археологической ценности останков кораблей или найденных артефактов. В то же время с развитием научной подводной археологии возможность использования этого права была поставлена под сомнение.

Применяется спасательное право или какое-то другое, зависит от того, где находится подводное культурное наследие. Нелегко провести границы через океаны, однако государства издавна рассматривают некоторые их части в качестве собственной территории. Большинство этих территориальных требований было упорядочено в *Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву* 1982 г. Эта «конституция океанов» разделяет море на несколько зон в зависимости от степени контроля государства над ними. В прибрежных территориальных водах само государство определяет правовой режим, который применяется по отношению к подводному культурному наследию. Поскольку все чаще признается историческая и культурная ценность такого наследия, государства предпринимают различные шаги по его защите в своих водах. Однако за пределами территориальных вод ни одно государство не может самостоятельно контролировать океаны и находящееся в них культурное наследие. В основном эти океанские просторы управляются Конвенцией 1982 г., однако отдельные международные конвенции посвящены некоторым более узким вопросам. Так, в 1989 г. была

принята *Международная конвенция о спасании*, а в 2001 г. — Конвенция об охране подводного культурного наследия, вступившая в силу в январе 2009 г. Окончательный текст Конвенции стал результатом длительных дебатов. Конвенция вступила в силу 2 января 2009 г. после длительных дебатов и поступления на хранение двадцатого документа о присоединении. Всего на декабрь 2016 г. к Конвенции присоединились 55 государств.

6.2. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ КОНВЕНЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДВОДНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Конвенция в статье 1(1) дает следующее определение подводного культурного наследия:

«Подводное культурное наследие» означает все следы человеческого существования, имеющие культурный, исторический или археологический характер, которые частично или полностью, периодически или постоянно находятся под водой на протяжении не менее 100 лет, такие как:

- (i) объекты, сооружения, здания, артефакты и человеческие останки вместе с их археологическим и природным окружением;
- (ii) суда, летательные аппараты, другие транспортные средства или любые их части, их груз или другое содержимое, вместе с их археологическим и природным окружением; и
- (iii) предметы доисторического характера» [17, ст. 1(1)(a)].

Определение начинается с очень широкой классификации: «все следы человеческого существования», которая одновременно ограничивает сферу действия Конвенции, исключая не связанные с человеком ресурсы, такие как палеонтологические материалы. Тем самым могут исключаться природные места, имеющие культурное значение для отдельных народов. В широком значении выражение «все следы человеческого существования» должно соответствовать трем критериям.

Во-первых, сюда относится только то, что имеет культурный, исторический или археологический характер. Важный вопрос, который возник по данному поводу во время переговоров, — нужно ли автоматически включать в подводное культурное наследие все следы существования человека, которые находились под водой более 100 лет, или же следует ввести по отношению к ним дополнительные требования, касающиеся их значимости. Некоторые государства

настаивали на последнем и рассматривали включение в определенное выражения «имеющие культурный, исторический или археологический характер» как введение такого ограничительного критерия. Толкование этого критерия до сих пор неясное, так как многие государства придерживаются точки зрения, что все, что пробыло под водой более 100 лет, имеет такие характеристики по определению. Отдельные государства-участники, таким образом, обладают правом самостоятельно устанавливать дополнительные критерии для установления подводного культурного наследия.

Во-вторых, кроме определения объектов, которые следует рассматривать в качестве культурного наследия, Конвенция говорит об окружающей среде, в которой это культурное наследие находится. По отношению к окружающей среде такое наследие должно «частично или полностью, периодически или постоянно» находиться под водой. Большая часть подводного культурного наследия постоянно находится под водой; особенно это касается наследия, покоящегося в международных водах вдали от берега. В то же время много подводного культурного наследия находится на мелководье или в зонах прилива. Комбинация «частично» и «продолжительно» относится к объектам, затопленным частично, например к останкам линкора «Аризона» на мелководье в Перл-Харборе (Гавайи, США). Примером комбинации «частично» и «периодически» могут послужить останки судна «Амстердам» в Гастингсе (Великобритания), которые частично видны во время сильного отлива [4, с. 334].

В-третьих, к подводному культурному наследию относится только то, что пробыло под водой не менее 100 лет. Этот временной отрезок во многом произволен, и его применение основано на административном подходе, а не на культурной или исторической значимости объектов. Тем не менее в ходе переговоров стороны пришли к согласию относительно того, что объекты, которые находятся под водой более 100 лет, с большей долей вероятности будут обладать культурной и исторической значимостью. Многие государства используют временной период в отношении охраны подводного культурного наследия: это Нидерланды (50 лет), Дания (100 лет), Норвегия (100 лет), Швеция (100 лет), Греция (все подводное культурное наследие до 1453 г. и по рекомендации Археологического совета с 1453 до 1839 г.) [4, с. 335].

Кроме того, сфера действия Конвенции ограничивается вышеприведенным списком примеров, включающим то, что вероятнее всего может быть обнаружено под водой и иметь культурное, историческое и археологическое значение. Следовательно, это не исчер-

пывающий список подводного культурного наследия. Определение исключает из сферы действия Конвенции трубопроводы и кабели, проложенные по дну моря, а также иные установки, которые размещены на дне моря и продолжают использоваться [17, ст. 1(1)(b), (c)].

Многие из государственных судов – это военные корабли, затонувшие во время боевых действий и ставшие братскими могилами для своих экипажей. Встает вопрос, следует ли беспокоить такие корабли, а если и стоит, то каким образом обеспечить надлежащее уважение. Военные корабли, затонувшие за последние 100 лет, не относятся к подводному культурному наследию и не подпадают под действие Конвенции. Любые попытки охраны таких судов в международных водах должны основываться на двусторонних или многосторонних договорах. С другой стороны, суда, затонувшие более 100 лет назад, могут рассматриваться как воинские захоронения. Будет ли судно считаться воинским захоронением, зависит от оснований для принятия такого решения. В большинстве случаев на подобных судах не находят никаких человеческих останков и, в сущности, не существует захоронения. Правда, бывают исключения, и человеческие останки обнаруживают на объектах подводного культурного наследия, которым гораздо более 100 лет. Например, они были найдены на судне Мэри Роуз, затонувшем в 1545 г. Археологические работы на таких судах, согласно правилам, изложенным в Приложении, не должны без необходимости нарушать покой человеческих останков. В случае крайней необходимости останки должны быть извлечены с должным уважением по стандартам, закрепленным в Приложении. Общий принцип, изложенный в статье 2(9) Конвенции, требует от государств-участников обеспечивать подобающее почитание ко всем человеческим останкам, находящимся в морских водах.

6.3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОДЛЕЖАЩЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Тогда как археологи, искатели сокровищ и дайверы проявляют прямой интерес к подводному культурному наследию, другие пользователи морских ресурсов (коммерческие рыболовы, застройщики портов и побережий, предприятия по прокладке кабелей) имеют к нему косвенное отношение. В то же время их деятельность наносит вред подводному культурному наследию. Правда, в большинстве случаев этот вред причиняется ненамеренно. Представители

таких индустрий с неохотой признают, что их действия затрагивают подводное наследие, а государства, отмечая важность этих отраслей для экономики, также стремятся к преумножению их деструктивного влияния. В результате Конвенцией предусмотрено два режима ответственности: первый касается непреднамеренного воздействия на подводное культурное наследие, второй — действий тех, кто специально стремится обнаружить и по возможности извлечь артефакты из объектов подводного культурного наследия. Согласно статье 1(7) «“деятельность, которая может случайно воздействовать на подводное культурное наследие”, означает деятельность, основным объектом или одним из объектов которой не является подводное культурное наследие, но которая тем не менее может нарушить физическое состояние подводного культурного наследия или иным образом причинить ему ущерб». Поэтому государствам следует использовать «наилучшие имеющиеся в его распоряжении практически применимые средства для предотвращения или смягчения любых возможных неблагоприятных последствий подпадающей под его юрисдикцию деятельности, которая может случайно воздействовать на подводное культурное наследие» [17, ст. 5].

Что конкретно относится к «наилучшим практически применимым средствам», решает каждое конкретное государство. По мнению комментаторов, исходя из существования постоянного конфликта между охраной подводного культурного наследия и экономическим использованием ресурсов моря и морского дна, возникают опасения, что эта статья накладывает на государства слишком слабое обязательство для установления действительно эффективно режима охраны [4, с. 339].

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОХВАТ

Во время переговоров в ЮНЕСКО стороны пришли к соглашению, что Конвенцию следует применять во всех морских зонах, особенно в территориальных морях. Многие государства пошли дальше и призывали к применению Конвенции к любым водам, включая внутренние, такие как реки, озера и фьорды. Во время переговоров возникла некоторая неясность по поводу значения термина «внутренние воды». В контексте морского права этот термин означает «воды, расположенные в сторону берега от исходной линии территориального моря» [56, ст. 8] и потому имеет исключительно морской характер. Географические же внутренние воды, к которым относят реки, озера и водохранилища, не являются «внутренними водами» в данном контексте. Тем не менее многие деле-

гации доказывали, что стандарты, которые могут применяться по отношению к подводному культурному наследию в морских зонах, должны применяться и в отношении географических внутренних вод. Учитывая, что государство обладает абсолютным суверенитетом над своей территорией, оно может при желании применять положения Конвенции к своим внутренним водам. Конвенция просто напоминает об этом праве в статье 28, где говорится, что «при ратификации, принятии, одобрении настоящей Конвенции или присоединении к ней либо в любое время после этого любое государство или территория может заявить о применении Правил к внутренним неморским водам». Таким образом, некоторые государства, не имеющие выхода к морю, уже присоединились к Конвенции (Словакия, Австрия), и это вполне возможно в отношении Беларуси [57].

ПРИЕМЛЕМЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Подводное культурное наследие и подводная археология во многом отличаются от наземной археологии. Во-первых, благодаря подводному расположению такое наследие обычно имеет высокую степень сохранности, являясь в то же время очень хрупким, что требует применения дорогостоящих, сложных и длительных методов консервации. Во-вторых, останки судов представляют собой своеобразные «временные капсулы», т. е. отражают определенный момент времени, к которому относятся все артефакты с такого объекта, что влияет на их контекстуальное изучение. Поэтому верховный принцип подводной археологии — сохранение объектов *in situ* и в целостном состоянии. В-третьих, природа подводной среды предусматривает использование методов и инструментов, значительно отличающихся от применяемых в наземной археологии. Кроме того, методы и техника для глубоководных раскопок отличаются от мелководных. Оборудование для глубоководных раскопок чрезвычайно сложное и дорогое и поэтому часто недоступное для многих государств.

Главная цель Конвенции — сохранение подводного культурного наследия — может быть достигнута только путем применения в отношении этого наследия надлежащих научных методов. В ответ на просьбу ЮНЕСКО помочь в составлении проекта Конвенции ИКОМОС разработал *Хартию о защите и управлении подводным культурным наследием* [58]. В ней изложены критерии, согласно которым следует проводить подводные археологические раскопки, а также вопросы, касающиеся составления проекта, правил предварительного изучения, методологии, составления графика работ, квалификации персонала, документации, консервации, архива проекта,

распространения информации о результатах проекта. Эти стандарты проведения подводных археологических раскопок большинством государств были признаны приемлемыми за одним исключением, касающимся принципа некоммерциализации подводного культурного наследия, рассматриваемого ниже.

Хартия ИКОМОС легла в основу Приложения. Согласно статье 33 Конвенции «Правила, прилагаемые к настоящей Конвенции, составляют ее неотъемлемую часть, и, если определено не предусмотрено иное, ссылка на настоящую Конвенцию является ссылкой и на Правила».

СОХРАНЕНИЕ *IN SITU*

Руководящий принцип Конвенции изложен в статье 2 и в Правиле 1 Приложения: «...приоритетным вариантом охраны подводного культурного наследия считается возможность его сохранения *in situ*» [17, прил., правило 1]. Данный принцип отражает осознание того, что перед тем, как потревожить или извлечь подводное культурное наследие, следует провести соответствующее археологическое исследование согласно Правилам Приложения. Кроме того, «разрешения на деятельность, направленную на подводное культурное наследие, выдаются таким образом, который соответствует задачам охраны этого наследия, и при условии соблюдения настоящего требования эта деятельность может быть разрешена в целях значительного содействия охране или вклада в расширение знаний о подводном культурном наследии или повышения его значимости» [17, прил., правило 1]. Таким образом, принцип сохранения *in situ* не означает, что подводное культурное наследие не следует извлекать никогда; оно может быть извлечено, если для этого имеются важные цели и только после проведения соответствующего предварительного археологического исследования. Иногда сохранение подводного культурного наследия *in situ* может провоцировать его незаконные раскопки. Бывают также случаи, когда останки кораблей могут быть повреждены во время шторма или других неблагоприятных условий. Все это требует применения раскопок, организованных надлежащим образом.

РАЗВИТИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О НЕКОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ

В первом проекте Конвенции специально подчеркивалось, что коммерциализацию деятельности, связанной с подводным культурным наследием, следует рассматривать как самую большую и посто-

янно возрастающую угрозу для этого наследия. Хартия ИКОМОС также недвусмысленно провозгласила, что коммерческая эксплуатация культурного наследия абсолютно несовместима с его сохранением.

Однако с первого раунда переговоров в ЮНЕСКО возникла оппозиция такому мнению. Итоговые формулировки Приложения отражают трудности игнорирования экономической ценности культурного наследия и вывода наследия из экономического контекста. Правило 2 гласит: «Коммерческая эксплуатация подводного культурного наследия в целях торговли или спекуляции или его безвозвратное рассредоточение в корне несовместимы с охраной и надлежащим управлением подводным культурным наследием. Подводное культурное наследие не является предметом торговли, купли, продажи или бартера в качестве товара, имеющего коммерческую ценность».

Понятно, что данное правило направлено на недопущение рассмотрения артефактов как коммерческих товаров. В то же время далее говорится, что настоящее правило не может толковаться как запрещающее в следующих случаях:

«(а) предоставление услуг профессиональных археологов или других необходимых услуг, характер и цель которых полностью соответствуют настоящей Конвенции и которые осуществляются на основании разрешения компетентных ведомств;

(b) помещение на хранение подводного культурного наследия, извлеченного в ходе исследовательского проекта в соответствии с настоящей Конвенцией, при условии, что такое помещение на хранение не наносит ущерба научной или культурной ценности или целостности извлеченных объектов и не ведет к их безвозвратному рассредоточению, что оно соответствует положениям правил 33 и 34 и осуществляется на основании разрешения компетентных ведомств».

Правило 2(а) отражает трудность отделения помощи со стороны коммерческих учреждений во время проведения раскопок от обоснования проведения таких раскопок. Профессиональные археологи должны платить за возможность проведения научных исследований, что вводит их работу в коммерческие рамки. В свою очередь, предоставление услуг, таких как обеспечение оборудованием для погружений, устройств обнаружения и прочее может осуществляться коммерческими предприятиями. Статья 2(а) была введена для того, чтобы услуги профессиональных археологов, не противоречащие Конвенции, не попадали под действие статьи.

В то время как пункт (а) правила 2 пытается прояснить вопрос, пункт (b) настолько его запутывает, что делает возможным совершенно любое толкование. Провал попытки определения выражения «помещение на хранение» оставил много неопределенностей. Исходя из текста данного пункта, подводное культурное наследие может храниться как в частных, так и в государственных коллекциях. То же касается и проектных архивов, что отражено в Правиле 33: «Проектные архивы, включая любое перемещенное подводное культурное наследие и экземпляр всей относящейся к этому документации, хранятся, насколько это возможно, в одном месте и в полном объеме в качестве коллекции таким образом, который обеспечивает их доступность для специалистов и общественности, а также сохранность архива. Это должно быть сделано как можно быстрее и в любом случае не позднее, чем через 10 лет после завершения Программы проекта, насколько это может быть совместимо с целями консервации подводного культурного наследия». Еще одна двусмысленность возникает из-за того, что преамбула Конвенции не говорит прямо о коммерциализации как об угрозе подводному культурному наследию, а отмечает лишь глубокую обеспокоенность ее ростом.

Хотя общий принцип сохранения, изложенный в Приложении, утверждает приоритет сохранения *in situ*, в целом Приложение не только не запрещает деятельность, направленную на подводное культурное наследие, но и содержит набор технических стандартов по осуществлению этой деятельности. К сожалению, там ничего не говорится о причинах и поводах такой деятельности. В некоторых случаях причины могут иметь политический характер и не соответствовать стандартам, изложенным в Конвенции.

РАЗВИТИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СПАСАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Охранный режим, устанавливаемый Конвенцией, направлен на то, чтобы сохранять археологическую ценность подводного культурного наследия, избегая его коммерциализации. Такая стратегия была неприемлема для многих государств с политической и практической точки зрения, поскольку предусматривала полицейское патрулирование морей и ограничение потока нелегально извлеченного подводного культурного наследия. Кроме того, некоторые государства (особенно США и Великобритания) считали, что экономическая ценность подводного культурного наследия будет служить стимулом для его поисков и возможного извлечения методами, учи-

тывающими его экономическую и археологическую ценность. Таким образом, пункты законодательства о спасании и кладах стали предметом сложных и продолжительных переговоров, приведших, к сожалению, к тому, что соответствующая статья, будучи попыткой достижения консенсуса и компромисса, получилась неопределенной и намеренно допускающей различные толкования:

«Любая деятельность в отношении подводного культурного наследия, к которой применима настоящая Конвенция, не подпадает под действие правил спасания или правил, относящихся к кладам, за исключением случаев, когда такая деятельность:

- (а) разрешена компетентными властями; и
- (б) полностью соответствует настоящей Конвенции; и
- (с) обеспечивает в случае любого извлечения подводного культурного наследия его максимальную охрану» [17, ст. 4].

Статья 4 составлена так же, как и правило 2: вначале она устанавливает четкую норму, а затем перечисляет возможные исключения, что не просто делает расплывчатой основную норму, но и нарушает саму ее сущность. В целом статья 2 предусматривает, что законодательство в области спасания и кладов может применяться, если оно полностью соответствует Конвенции.

6.4. ПРОБЛЕМА ЮРИСДИКЦИИ

Проблема юрисдикции подводного культурного наследия, ставшая спорным вопросом в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., вызвала бурные дискуссии при обсуждении текста Конвенции об охране подводного культурного наследия. В результате структура юрисдикции, предусмотренная Конвенцией, основывается на принципах государственной принадлежности и флага, а не на расширении зоны юрисдикции прибрежных государств. Поскольку прибрежные государства не обладают правом исключительного суверенитета в данных зонах, права государства флага в данных зонах имеют преимущество над правами прибрежного государства. В результате должен соблюдаться следующий баланс: «...никакая деятельность, направленная на государственное судно или летательный аппарат, не может осуществляться без согласия государства флага и сотрудничества координирующего государства» [17, ст. 10(7)]. Режим разделен на две части. В первой речь идет о предоставлении информации и уведомлении в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе [17, ст. 9]. Вторая касается реали-

зации охранного режима подводного культурного наследия в этих зонах [17, ст. 10].

Была разработана сложная система предоставления информации и уведомлений, призванная обеспечить уведомление всех заинтересованных государств об обнаружении подводного культурного наследия и планах по ведению деятельности, направленной на это наследие в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе.

Согласно статье 9(1)(а), «государство-участник требует, чтобы в случаях, когда его гражданин или судно под его флагом обнаруживает подводное культурное наследие или намеревается вести деятельность, направленную на подводное культурное наследие, расположенное в исключительной экономической зоне или на континентальном шельфе этого государства, гражданин или капитан судна информировал его о таком обнаружении или такой деятельности». Прочие государства, являющиеся государствами флага, «(i) требуют, чтобы гражданин или капитан судна информировал их и упомянутое другое государство-участника о таком обнаружении или такой деятельности; (ii) в качестве альтернативного варианта государство-участник требует, чтобы гражданин или капитан судна информировал его о таком обнаружении или деятельности, и обеспечивает быструю и эффективную передачу этой информации всем остальным государствам-участникам» [17, ст. 9(b)]. Кроме того, они обязаны уведомлять Генерального директора ЮНЕСКО о фактах обнаружения или деятельности, направленной на подводное культурное наследие, а Генеральный директор должен принять все необходимые меры для распространения этой информации среди всех государств-участников [17, ст. 9(3),(4)]. Любое государство, имеющее подтвержденную связь (особенно культурного, исторического или археологического характера) с подводным культурным наследием, может заявить о своей заинтересованности в участии в консультациях относительно путей обеспечения эффективной охраны этого наследия [17, ст. 9(5)].

Режим охраны, устанавливаемый Конвенцией в отношении подводного культурного наследия, расположенного в исключительной экономической зоне или на континентальном шельфе прибрежного государства, не предусматривает исключительную юрисдикцию этого государства, но наделяет его статусом «координирующего государства» [17, ст. 10(3)]. Оно является ответственным за координацию между всеми заинтересованными государствами и может осуществлять предварительно согласованные меры охраны, в том

числе предварительные исследования подводного культурного наследия и выдачу необходимых для этого разрешений [17, ст. 10(5)].

Кроме того, Конвенция разрешает прибрежным государствам принимать меры по предотвращению непосредственной опасности, угрожающей подводному культурному наследию, в том числе мародерства, до проведения консультаций с другими государствами [17, ст. 10(4)]. Однако в отношении таких мер вводится ограничение: они должны соответствовать международному праву и потому могут приниматься только по отношению к государственным судам этих государств и судам, ходившим под их флагом. В одностороннем порядке прибрежное государство имеет власть только предотвращать нарушение своих суверенных прав или юрисдикции, установленных международным правом, включая Конвенцию ООН по морскому праву [17, ст. 10(2)].

Что касается подводного культурного наследия, расположенного в Районе (согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «Район» означает дно морей и океанов и его недра за пределами национальной юрисдикции) [56, ст. 1(1)], то его охранный режим практически идентичен охранным режиму в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе кроме того, что в качестве координирующего государства здесь может выступать не только прибрежное государство, а любое из государств, заинтересованных в установлении охранный режима в Районе [17, ст. 12, 13]. В то же время «никакое государство-участник не осуществляет и не разрешает деятельность, направленную на государственное судно или летательный аппарат в Районе, без согласия государства флага» [17, ст. 12(7)].

Такая система юрисдикции стала необходимым компромиссом, на котором основывается охранный режим; ее основной недостаток в том, что она чрезмерно бюрократизирована и занимает много времени. Главная причина этого – необходимость получения согласия большого количества государств. Также тяжело определить, какие государства имеют право участвовать в переговорах, поскольку не установлены ясные критерии определения связи государства с подводным культурным наследием и орган, ответственный за это. Учитывая международный характер мореплавания, многие государства могут найти такую связь, а это приведет к сложным переговорам, касающимся структуры охранный режима, с участием многих государств.

В территориальных водах прибрежного государства и архипелажных водах государства-участники обладают исключительной юрисдик-

цией [17, ст. 7(1)]. Тем не менее прибрежные государства, присоединяясь к Конвенции, принимают обязательство применять правила Приложения в отношении деятельности, направленной на подводное культурное наследие, в своих внутренних и архипелажных водах [17, ст. 7(2)]. Продолжительные дискуссии вызвал вопрос о юрисдикции принадлежащих одному государству – участнику Конвенции останков судна, находящихся в территориальных водах другого государства – участника Конвенции. Достигнутый компромисс, отраженный в статье 7(3), требует, чтобы государства, обнаружившие в своих территориальных или архипелажных водах останки судов, поддающихся идентификации, информировали об этом государство флага, являющееся участником Конвенции, а также другие государства, «имеющие поддающуюся проверке связь с данным объектом, особенно связь культурного, исторического или археологического характера». Безусловно, прибрежное государство обладает исключительной юрисдикцией в своих территориальных водах и потому вопрос о разделении этой юрисдикции между ним и государством флага в отношении найденных останков судов не ставится. Между тем признается, что лучший способ охраны подводного наследия – сотрудничество между прибрежным государством и государством флага. Таким образом, информирование государства флага осуществляется «с целью сотрудничества в отношении наиболее эффективных способов охраны государственных судов и летательных аппаратов» [17, ст. 7(3)].

6.5. РЕЖИМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

РАЗРЕШЕНИЯ, САНКЦИИ И КОНФИСКАЦИЯ

Основным механизмом Конвенции по охране подводного культурного наследия служит исключение любых коммерческих стимулов его обнаружения. Второй механизм, воплощенный в охранном режиме, заимствован из международного права в сфере незаконного перемещения культурного наследия. Хотя использование первого механизма призвано обеспечить то, что деятельность, направленная на подводное культурное наследие, не будет иметь коммерческой основы, он предполагает, что извлеченное в нарушение Конвенции подводное культурное наследие может быть конфисковано, а на нарушителя будут наложены санкции. В связи с этим было внесено предложение о возможности конфискации государством незаконно извлеченного подводного культурного наследия, ввезенного на его территорию, а также о введении санкций за такой серый импорт.

Юрисдикция государства распространяется либо на территорию, где было извлечено подводное культурное наследие, либо на лицо, ответственное за извлечение. В зависимости от этого различаются последствия несоблюдения правил, предусмотренных Конвенцией 2001 г. В то же время государство может не иметь юрисдикции как в отношении территории, так и в отношении лица, но может обладать юрисдикцией в отношении извлеченных объектов такого наследия, попавших на его территорию. Поэтому Конвенция призывает государства-участников создавать систему по предупреждению перемещения незаконно извлеченного подводного культурного наследия, включая запрет на торговые операции с ним [17, ст. 14].

Конвенция предусматривает получение разрешения на деятельность, направленную на подводное культурное наследие [17, прил., правило 1]. За пределами зоны прибрежной юрисдикции эти разрешения выдает «координирующее государство», что в случае подводного культурного наследия на континентальном шельфе означает прибрежное государство. Статья 14 требует, чтобы государства-участники принимали меры по предотвращению ввоза на их территорию подводного культурного наследия, которое было извлечено не в соответствии с правилами Приложения; кроме того, необходимо получение разрешения на ввоз на территорию государства-участника такого наследия, а также на владение и торговые операции с ним. Это может относиться к таким случаям, когда в отношении подводного культурного наследия, извлеченного за пределами зоны прибрежной юрисдикции государства, было получено разрешение координирующего государства при согласовании с другими заинтересованными государствами, но затем оно оказалось на территории третьего государства. Если это третье государство является участником Конвенции, то оно должно потребовать разрешение на ввоз подводного культурного наследия. Что касается использования разрешений, то Конвенция ничего об этом не говорит. Считается, что государства-участники сами заинтересованы в использовании надлежащей системы разрешений, которая успешно действует в подавляющем большинстве стран и, как правило, состоит из разрешений на импорт и на проведение раскопок и касается обычно как подводного, так и обычного археологического наследия. Кроме того, этот вопрос регулируется отдельной конвенцией – Конвенцией 1970 г. Хотя Конвенция больше нигде не требует явно получения разрешений на деятельность, связанную с подводным культурным наследием, правила Приложения предусматривают, чтобы до начала любой деятельности, направленной на подводное культурное на-

следие, готовилась проектная документация, поэтому естественно, что все разрешения должны быть выданы до этого.

Государство-участник должно принимать меры по изъятию на своей территории подводного культурного наследия, извлеченного в нарушение правил Приложения [17, ст. 18(1)]. В принципе, это должно касаться как извлеченного наследия, так и импортированного на территорию государства. Формулировка о том, что государство должно «принимать меры», а не просто конфисковывать такое подводное культурное наследие, отражает нежелание государств брать на себя конкретные обязательства. Основная проблема в том, что у подводного культурного наследия может быть законный владелец. В таком случае национальное законодательство многих государств защищает права собственников.

Изъяв подводное культурное наследие, государство-участник «ведет учет, охрану и принимает все разумные меры для обеспечения стабильного состояния» такого наследия [17, ст. 18(2)]. Следует отметить, что здесь использован термин «обеспечение стабильного состояния», а не «сохранение» или «консервация», поскольку консервация подводных артефактов – очень дорогостоящий и длительный процесс, и такая обязанность для большинства государств представляется непосильным бременем. «Стабилизация» найденных артефактов предполагает приостановление их порчи и является не столь затруднительным заданием, как консервация.

Кроме того, сама расплывчатая формулировка статьи, где говорится о «разумных мерах», предполагает, что эти меры зависят от имеющихся у государств инфраструктуры, техники, кадров и пр. Развивающиеся страны в таком случае могут нуждаться в экспертизе со стороны ЮНЕСКО и заинтересованных государств. Статья 18(3) требует, чтобы государство-участник уведомляло «о любом изъятии подводного культурного наследия, произведенном им в соответствии с настоящей Конвенцией, Генерального директора и любое другое государство, имеющее поддающуюся проверке связь, особенно связь культурного, исторического или археологического характера, с данным подводным культурным наследием» [17, ст. 18(3)].

В связи с изъятием подводного культурного наследия перед государством встает вопрос о распоряжении им. Статья 18(4) предусматривает, что «государство-участник, изъявшее подводное культурное наследие, обеспечивает распоряжение им в целях общественной пользы с учетом необходимости его сохранения и изучения; необходимости восстановления как единого целого рассредоточенных

коллекций; необходимости обеспечения доступа общественности к этому наследию, демонстрации его на выставках, использования его в целях просвещения; а также с учетом интересов любого государства, имеющего поддающуюся проверке связь, особенно связь культурного, исторического или археологического характера, с данным подводным культурным наследием» [17, ст. 18(4)].

Конвенция требует, чтобы государства налагали санкции за нарушения мер, принятых ими в ее исполнение [17, ст. 17(1)]. Природа санкций определяется каждым государством-участником самостоятельно, но при этом «применяемые в отношении нарушений санкции должны быть адекватны по строгости наказания, с тем чтобы эффективно обеспечивать соблюдение положений настоящей Конвенции, предотвращать нарушения, где бы они ни происходили, и лишать нарушителей выгод, извлекаемых ими из их противоправной деятельности» [17, ст. 17(2)]. Кроме того, статья 17(3) говорит, что государства-участники должны сотрудничать в обеспечении применения санкций, установленных в соответствии с настоящей статьей.

КОМПЕТЕНТНЫЕ ВЕДОМСТВА, ИНФОРМИРОВАННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ПОДГОТОВКА

Сохранение мирового культурного наследия требует участия каждого государства в общей инфраструктуре охраны. Обычно при этом государство обязано учредить специализированные службы по охране наследия [59, ст. 12–17; 14, ст. 5, 13, 14], а также систему перечней объектов наследия [14, ст. 5(b); 9, ст. 29]. Таким образом, статья 22 Конвенции не уникальна, когда утверждает, что «для обеспечения должного выполнения настоящей Конвенции государства-участники учреждают компетентные ведомства либо в соответствующих случаях укрепляют существующие ведомства в целях создания, поддержания и обновления реестра подводного культурного наследия, его эффективной охраны, консервации, показа публике и управления им, а также в исследовательских и образовательных целях». В связи с тем что государства обладают неравными возможностями для обеспечения сохранности подводного культурного наследия, статья 21 призывает государства-участников сотрудничать «в подготовке специалистов в области подводной археологии, в разработке методов консервации подводного культурного наследия и, на согласованных условиях, в передаче технологий, относящихся к подводному культурному наследию».

Статья 20 Конвенции не требует развернутых комментариев и не вызывала особых дискуссий во время обсуждений, тем не менее в ней говорится о, пожалуй, самом действенном способе сохранения подводного культурного наследия: «Каждое государство-участник принимает все практически осуществимые меры для обеспечения более широкой информированности общественности в отношении ценности и значимости подводного культурного наследия, а также важности его охраны в соответствии с настоящей Конвенцией».

Обязательство принимать меры по информированию общественности дополняет требование сотрудничества государств по подготовке специалистов в области подводной археологии. Поскольку немногие развивающиеся государства могут позволить себе и подготовку таких специалистов, и разработку методов консервации подводного культурного наследия, статья 21 Конвенции призывает государства-участников сотрудничать в этих сферах, особенно в том, что касается передачи технологий, относящихся к подводному культурному наследию. В то же время, поскольку подобные технологии часто имеют двойное назначение и могут использоваться в военной сфере, в статье говорится о «согласованных условиях» передачи таких технологий. Это означает, что на любую подобную передачу должно быть получено разрешение со стороны передающего государства.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ОХРАНЕ ПОДВОДНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Принцип межгосударственного сотрудничества в сохранении подводного культурного наследия опирается на статью 303 Конвенции ООН по морскому праву, на которой основывается охранный режим Конвенции 2001 г. Статья 19 Конвенции требует, чтобы государства-участники сотрудничали в деле охраны подводного культурного наследия, в том числе в вопросах «исследования, раскопок, документирования, обеспечения сохранности, изучения и показа публике такого наследия». Кроме того, участники обязуются обмениваться с другими государствами-участниками информацией об обнаружении подводного культурного наследия, его местонахождении, извлечении научной методологии и разработке правовых норм, применимых к такому наследию [17, ст. 19(2)]. Также отмечается, что информация, касающаяся обнаружения подводного культурного наследия, будучи в свободном доступе, может подвергать это наследие риску, и потому государства-участники могут придавать ей

конфиденциальный характер в той мере, в какой это совместимо с их национальным законодательством [17, ст. 19(3)].

В области сохранения подводного культурного наследия был заключен ряд региональных и двусторонних соглашений. Ряд государств, особенно европейских, латиноамериканских и Карибского бассейна, посчитали, что Конвенция не способна адекватно охранять подводное культурное наследие в этих регионах и пожелали ввести на региональном уровне более строгие охранные меры. Заключение региональных соглашений может содействовать реализации целей Конвенции, особенно в сфере информирования общественности и подготовки специалистов.

Необходимость заключения подобных более строгих соглашений говорит о том, что Конвенция не действует так эффективно, как этого ожидают многие государства-участники. Кроме того, заключение таких соглашений создает фрагментированный режим охраны подводного культурного наследия, при котором степень его охраны во многом зависит от географического расположения. Подобный режим противоречит основной цели Конвенции, но в то же время может стать началом процесса распространения более эффективного охранного режима на все регионы.

Таким образом, хотя Конвенция не установила настолько эффективный режим охраны, как надеялись многие, успех ее очевиден. Несмотря на ряд недоработок, таких как вопрос коммерциализации подводного культурного наследия, включения в режим охраны государственных судов и других, Конвенция представляет собой попытку установления широкого международного рамочного режима по охране подводного культурного наследия и прокладывает дорогу для разработки более эффективного международного законодательства в этой области.

Вопросы для самоконтроля

1. Что входит в определение подводного культурного наследия согласно Конвенции 2001 г.?

2. Каков географический охват Конвенции об охране подводного культурного наследия 2001 г.?

3. В чем суть принципа некоммерциализации в Конвенции об охране подводного культурного наследия 2001 г.?

4. Охарактеризуйте режим правоприменения Конвенции 2001 г.

5. Каковы, на ваш взгляд, перспективы присоединения Беларуси к Конвенции об охране подводного культурного наследия 2001 г.?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов, И. О. Международно-правовая охрана объектов подводного культурного наследия : дис. ... канд. юрид. наук / И. О. Анисимов. — М., 2014.

Лукошков, А. В. Тайны затонувших кораблей. Подводные археологические открытия, находки затонувших кораблей, кораблекрушения и катастрофы, морские сражения, подводный музей истории, самолеты Второй мировой войны [Электронный ресурс] / А. В. Лукошков. — Режим доступа: // <http://www.baltic-sunkenships.ru/data/offline/gus/page66.html>. — Дата доступа: 02.03.2016.

Мартыненко, И. Э. Международно-правовая охрана подводного культурного наследия / И. Э. Мартыненко // *Междунар. публич. и част. право.* — 2003. — № 3. — С. 56–61.

Мартыненко, И. Э. Охрана подводного археологического наследия: международно-правовой и национальный аспекты / И. Э. Мартыненко // *Журн. междунар. права и междунар. отношений.* — 2009. — № 1. — С. 3–7.

Онуфриенко, Г. Ф. Сокровища царства Нептуна (охрана подводного культурного наследия) [Электронный ресурс] / Г. Ф. Онуфриенко. — Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms-s9.pdf. — Дата доступа: 01.04.2016.

Глава 7

КОНВЕНЦИЯ ОБ ОХРАНЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 2003 г.

За последние десятилетия термин «культурное наследие» значительно расширился, во многом благодаря международно-правовым актам ЮНЕСКО. В это понятие были включены проявления традиционной культуры: устные традиции, исполнительские искусства, социальные практики, празднества, знания и навыки, связанные с ремеслами, обряды и т. п. Еще во время принятия Конвенции всемирного наследия 1972 г. многие страны, особенно азиатские и латиноамериканские, предпринимали попытки включить в ее сферу действия нематериальные проявления культуры. Однако попытка совместить в одной конвенции охрану столь разных сфер культуры не увенчалась успехом. Подготовка международной Конвенции по охране традиционных форм культуры – того, что теперь называется нематериальным культурным наследием, – затянулась на десятилетия. После бурных дебатов, принятия Рекомендации о сохранении фольклора и ее критики международным сообществом был выработан подход к охране нематериального культурного наследия, воплотившийся в принятии в 2003 г. Конвенции об охране нематериального культурного наследия.*

7.1. ПОДГОТОВКА И ПРИНЯТИЕ КОНВЕНЦИИ

Дискуссии о необходимости охраны нематериального культурного наследия и соответствующего международного правового инстру-

* Это официальное наименование Конвенции, хотя для слова *safeguarding* термин «сбережение» кажется более подходящим переводом.

мента начались среди государств – членов ЮНЕСКО в 1970-х гг. и были инициированы Боливией. В 1989 г. ЮНЕСКО приняла *Рекомендацию о сохранении фольклора*, а в 1993 г., инспирированная опытом Восточной Азии, – *Программу живых сокровищ человечества*. В 1998 г. началось провозглашение шедевров устного и нематериального наследия человечества.

Рекомендация ЮНЕСКО о сохранении фольклора 1989 г. стала первым международным документом, подчеркивающим ценность нематериального культурного наследия и важность его охраны. В то же время рекомендация была подвергнута жесткой критике, которая достигла кульминации на конференции «Глобальная оценка Рекомендации 1989 г. о сохранении фольклора: расширение возможностей на местах и международное сотрудничество», организованной совместно ЮНЕСКО и Смитсоновским институтом в 1999 г. в Вашингтоне. Рекомендацию критиковали: за привилегированную роль внешних экспертов, а не заинтересованных сообществ в деле охраны нематериального наследия; ограниченное определение (использование термина «традиционная культура и фольклор») в отношении того, что позднее будет названо нематериальным культурным наследием; ссылки на «универсальное общечеловеческое наследие», что отвлекает внимание от важности нематериального наследия для заинтересованных сообществ. Отмечалось, что эксперты слишком увлеклись использованием существующих моделей сохранения материального наследия и не обратили должного внимания на важность воспроизведения и возрождения практики нематериального наследия. Поэтому конференция рекомендовала правительствам просить ЮНЕСКО изучить возможность разработки нового нормативного документа по охране традиционной культуры и фольклора. Четыре года спустя была принята Конвенция об охране нематериального наследия; она ссылается на Рекомендацию в своей преамбуле [60].

С 1993 г., следуя примеру Республики Кореи, ЮНЕСКО учредила систему живых сокровищ человечества и подготовила руководящие принципы по ее реализации. Системы живых сокровищ человечества были созданы более чем в 15 государствах. Системы значительно различаются, но большинство из них официально признают ключевых носителей нематериального наследия и по-разному вознаграждают их для того, чтобы содействовать передаче их умений и знаний другим людям. Обычно государства выбирают таких людей на основе их выдающихся достижений и готовности передавать свои знания и навыки. Некоторые из данных систем дали хорошие результаты, но сегодня ЮНЕСКО не может по-прежнему

поддерживать их. В духе Конвенции 2003 г. в проектах по сохранению нематериального культурного наследия акцент делается на передаче в широком смысле, а не только от выдающихся мастеров к ученикам. Кроме того, проекты должны обращать внимание преимущественно на соответствующие знания и навыки, а не на отдельных лиц, которым в какое-то время посчастливилось обладать этими навыками. Следует отметить, что в списки Конвенции могут включаться умения или знания отдельных лиц, а не сами эти лица.

В 1997 г. ЮНЕСКО начала программу *Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия человечества* (Программа шедевров). За три раунда (в 2001, 2003 и 2005 гг.) общее количество провозглашенных шедевров достигло девяноста. Программа шедевров повысила осведомленность о нематериальном наследии, обращая внимание на его отдельные элементы. Это стало своеобразной тренировкой в составлении международных списков нематериального культурного наследия. Однако под влиянием рекомендации 1989 г. и мышления в категориях всемирного наследия критерии провозглашения и терминология, принятые в Программе шедевров, вводили иерархию между элементами нематериального наследия (одни считаются шедеврами, а другие — нет). Программа закончилась со вступлением в силу Конвенции 2003 г. В ноябре 2008 г. все 90 элементов, ранее считавшиеся шедеврами, были включены в Репрезентативный список [10, ст. 31], и на них больше не ссылаются как на шедевры.

На подход, принятый в Рекомендации и в программах живых сокровищ человечества и шедевров, большое влияние оказали модели, ставившие во главу угла мнение экспертов и сосредоточивавшиеся на выдающейся универсальной ценности, характерные для Конвенции всемирного наследия 1972 г. Этот подход был раскритикован, и консенсус стал вырабатываться вокруг идеи о том, что охрана нематериального наследия возможна лишь при высоком уровне участия сообществ и избегании иерархии между элементами. Новый подход также предусматривает, что больше внимания следует уделять передаче знаний и умений, а не выдающимся индивидуальным носителям традиции.

К концу 1990-х гг. наблюдалась широкая поддержка идеи выработки нового стандартизирующего документа среди государств — членов ЮНЕСКО, в особенности среди стран Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. В 2001 г. руководящие органы ЮНЕСКО дали распоряжение Секретариату организовать межправительственную встречу в целях достижения консенсуса по тексту «предварительного варианта международной конвенции». С сентября 2002 г. по июнь 2003 г. длилась подготовка текста Конвенции

об охране нематериального культурного наследия, она была принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО в октябре 2003 г.; вскоре после этого началась ее ратификация отдельными государствами, и она вступила в силу 20 июня 2006 г., через три месяца после того, как число ратифицировавших ее государств достигло тридцати [10, ст. 34]. Конвенция была ратифицирована беспрецедентно быстро: по данным на июнь 2016 г. к ней присоединились 89 % государств – членов ЮНЕСКО (171 из 193).

7.2. ЦЕЛИ КОНВЕНЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Первая и главная цель Конвенции, согласно статье 1, – охрана нематериального культурного наследия. Второй целью названо обеспечение уважения нематериального культурного наследия соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц. Негативные отношения, особенно проявляемые более влиятельными социальными группами или властями, могут ограничивать непрерывное воспроизведение и передачу нематериального наследия. Третья цель – привлечение внимания на местном, национальном и международном уровнях к важности нематериального культурного наследия и обеспечению его взаимного признания. Конвенция содействует признанию и утверждению культурного разнообразия не только между государствами, но и (особенно) внутри государств. Наконец, четвертая цель Конвенции – обеспечение международного сотрудничества и предоставление международной помощи. Поскольку подход, заложенный в Конвенции, сравнительно новый, предстоит приложить много усилий для разработки методологии (например, охраны нематериального наследия) и обмена передовыми практиками. Государства-участники могут извлечь большую пользу из оказания друг другу помощи путем предоставления необходимых экспертиз, информации, а также при обмене опытом по охране нематериального культурного наследия. Они также могут получать финансовую помощь, выделяемую Комитетом из фонда Конвенции.

Конвенция содержит всего несколько определений, большинство из них приведено в статье 2. В ней дается определение нематериального культурного наследия и его охраны. Статья 2.1 предлагает следующее широкое и многоаспектное определение для использования в целях Конвенции: «“Нематериальное культурное наследие” означает обычаи, формы представления и выражения, знания и на-

выки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. Для целей настоящей Конвенции принимается во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития».

В первом предложении упор делается на «обычай, формы представления и выражения, знания и навыки», воспроизводимые, развиваемые и передаваемые людьми, — то, что обычно называют «элементами» нематериального культурного наследия. Связанные с ними «инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства» представляют часть определения постольку, поскольку они связаны с проявлениями нематериального наследия; сами по себе они не принадлежат к элементам нематериального культурного наследия и не обязательно представляют собой материальную ценность. Это первое предложение указывает также на то, что именно заинтересованным людям должно быть предоставлено право решать, что принадлежит к их культурному наследию, а что — нет.

Главным во втором предложении определения является то, что нематериальное культурное наследие — это живое наследие, передаваемое людьми внутри сообществ, и что оно постоянно изменяется. Нематериальное культурное наследие обладает важными функциями для соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц, а также для понимания и поощрения культурного разнообразия и человеческого творчества. Нематериальное наследие глубоко затрагивает сообщества и играет важную роль во взаимоотношениях между ними; оно также может оказывать воздействие на окружающую среду, и наоборот. Кроме того, статья 2.1 утверждает, что согласно Конвенции принимается во внимание только то нематериальное наследие, которое, во-первых, согласуется с правами человека и устойчивым развитием и, во-вторых, содействует «взаимному уважению» между сообществами, группами и отдельными лицами.

В качестве иллюстрации в статье 2.2 Конвенции приводится неполный список областей нематериального наследия:

- «(a) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- (b) исполнительские искусства;
 - (c) социальные обычаи, обряды, празднества;
 - (d) знания и обычаи, относящиеся к природе и Вселенной;
 - (e) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами» [10, ст. 2(2)].

7.3. ОХРАНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СОГЛАСНО КОНВЕНЦИИ

Статья 2.3 Конвенции определяет охрану следующим образом: «...обеспечение жизнеспособности нематериального культурного наследия»; это можно перефразировать как обеспечение непрерывной практики и передачи нематериального наследия при сохранении его ценности и функции для соответствующих людей. Меры по охране должны создавать общие благоприятные условия, при которых нематериальное наследие государства будет процветать. Они также могут касаться отдельных элементов нематериального наследия или групп элементов, сталкивающихся с угрозами или рисками для их непрерывной жизнеспособности.

В определении Конвенции обращается внимание на то, что при охране нематериального наследия акцент делается на обеспечении жизнеспособности практик и выражений, что совершенно отличается от сохранения материального наследия, выдающихся и памятных мест. Это хорошо иллюстрирует пример с богами войны ахаюта народа зуни.

Боги войны ахаюта народа зуни юго-запада США представляют собой деревянные фигуры высотой примерно 0,6–0,9 м, которые ежегодно изготавливают к зимнему солнцестоянию. Это часть церемонии благословения. Ахаюта хранятся в святилищах под открытым небом на плоскогорьях, окружающих пуэбло (поселения) зуни; за ними ухаживают жрецы. Ежегодно добавляются новые фигуры, а старые остаются. Разрушение старых фигур ахаюта и их окончательный распад усиливают новые ахаюта, и поэтому надлежащим обращением с этими ритуальными предметами считается не консервация материала, а оставление для натурального разложения в открытых святилищах.

Когда начиная с конца XIX в. некоторые из этих фигур попали в музейные коллекции и стали продаваться на рынке, их ритуальная

функция была нарушена. Благодаря музейным выставкам 1970-х гг. зуни узнали, что многие ахаюта были перевезены. К 1978 г. религиозные лидеры зуни начали кампанию по возвращению фигур ахаюта в святилища. Возвращению масок способствовало признание федеральным законом того, что ахаюта, находящиеся как в музеях, так и в частных коллекциях, — это принадлежащие общине племенные религиозные предметы, которые нельзя забирать из святилищ, где они находятся. Однако среди зуни и музейных работников появилось некоторое беспокойство относительно того, что возвращенные фигуры могут быть снова украдены из незащищенных святилищ. Поэтому были предприняты меры по обеспечению безопасности, а фигуры во всех святилищах зуни документировались, чтобы предотвратить их возможное похищение.

К 1992 г. зуни успешно договорились о возвращении 69 ахаюта. *Закон о защите и репатриации могил коренных американцев*, принятый в 1990 г., способствовал ускорению процесса возвращения. Зуни смогли вернуть фигуры в святилища, где они постепенно разрушаются, восстанавливая ритуальную функцию и значение [61; 62].

Так как охрана нематериального наследия означает обеспечение того, что оно продолжает существовать сегодня, не подвергая риску возможность для последующих поколений знакомиться с ним в будущем, то оно может внести вклад в программы по устойчивому развитию, а также извлекать из них пользу. Устойчивое развитие было определено в 1987 г. Брундтландской комиссией как «развитие, которое удовлетворяет требованиям настоящего времени, не подвергая риску возможность для будущих поколений удовлетворить свои собственные потребности» [63].

В тексте Конвенции и Оперативного руководства по ее выполнению понятие охраны нематериального наследия раскрывается более детально:

- от государств-участников требуется принятие необходимых мер для охраны нематериального культурного наследия, имеющегося на их территории [10, ст. 11(a)];

- государства-участники призываются поддерживать сообщества, проживающие на их территории и желающие сохранять отдельные элементы своего нематериального культурного наследия, а также помогать им в этом;

- Оперативное руководство предлагает много различных способов, благодаря которым государства могут содействовать охране нематериального наследия и помогать в этом сообществам (например, п. 80–82 и 85–86);

- Конвенция учредила специальный Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране [10, ст. 17; 64, п. 1], и содержит специальные положения об элементах, нуждающихся в охране на основании чрезвычайной срочности [64, п. 33–34];

- статья 18 Конвенции требует номинировать, отбирать и распространять передовые практики по охране [64, п. 42–46];

- первой задачей международной помощи, согласно статье 20 Конвенции, является охрана наследия, включенного в Список срочной охраны [64, п. 9(a)].

Меры по охране могут быть направлены на создание общих благоприятных условий, содействующих процветанию нематериального наследия, имеющегося в стране (например, путем реализации законодательных, административных, финансовых и популяризационных мер), а могут касаться отдельных элементов нематериального культурного наследия либо группы элементов, непрерывной жизнеспособности которых угрожают опасности и риски.

ОБЩИЕ МЕРЫ ПО ОХРАНЕ

Статьи 11(b)–15 Конвенции дают четкие указания, как государству-участнику следует выполнить свое обязательство «принимать необходимые меры для обеспечения охраны нематериального наследия, имеющегося на его территории». Положения этих статей могут быть сведены к следующему:

Каждое государство-участник должно:

- идентифицировать и определять нематериальное культурное наследие, имеющееся на его территории [10, ст. 11(b)];

- составить один или несколько перечней нематериального наследия, имеющегося на его территории [10, ст. 12].

Каждое государство-участник должно стремиться:

- принять общую политику; определить или создать один или несколько компетентных органов по охране нематериального культурного наследия; содействовать исследованиям («с целью эффективной охраны нематериального культурного наследия»); принять соответствующие юридические, технические, административные и финансовые меры [10, ст. 13];

- обеспечить признание, уважение и повышение роли нематериального наследия в обществе [10, ст. 14];

- обеспечить участие сообществ в мероприятиях по охране и привлечь их к управлению своим нематериальным культурным наследием [10, ст. 11(b), 15].

Оперативное руководство конкретизирует эти общие меры и называет среди них:

- обеспечение участия сообществ в охране и предоставление их согласия на это [64, п. 1, 2, 7, 12, 79–80, 88, 101, 157 и 162];
- обеспечение повышения потенциала по охране [64, п. 82, 107 и 155];
- обеспечение наличия соответствующих правовых рамок и кодексов этики для охраны нематериального наследия и повышения осведомленности [64, п. 103, 105 и 107], включая обеспечение прав соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц на должную защиту при повышении осведомленности об их наследии или проведении коммерческой деятельности [64, п. 104];
- повышение осведомленности [64, п. 100–123];
- определение рисков, мониторинг и оценку опасностей, угрожающих нематериальному культурному наследию [64, п. 116];
- обеспечение наличия административных структур для содействия консультациям между сообществами, неправительственными организациями, экспертами, специализированными центрами и др. [64, п. 80].

МЕРЫ ПО ОХРАНЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Специальные меры по охране направлены на обеспечение непрерывной жизнеспособности отдельного элемента нематериального наследия или группы элементов в том случае, если по какой-то причине их практика и передача находятся под угрозой.

Специальные меры по охране не обязательны, когда обычная практика и передача поддерживают элемент нематериального культурного наследия во времени. В этих обстоятельствах жизнеспособности нематериального наследия не угрожают никакие опасности или риски; не требуется внешнего вмешательства и наиболее предпочтительны общие, а не специальные меры по охране (например, повышение осведомленности).

ПРОТИВОСТОЯНИЕ УГРОЗАМ И РИСКАМ

Перед разработкой мер по охране требуются определение и анализ угроз и рисков. Иногда проблемы сравнительно просты, но обычно это не так. Меры по охране часто предлагают внести изменения в практику или передачу нематериального наследия, пы-

таясь приспособить его к стремительно меняющимся жизненным обстоятельствам соответствующих сообществ; подобные приспособления в большинстве случаев появляются и в практике процветающих элементов нематериального наследия.

Если угрозы жизнеспособности нематериальному культурному наследию не смягчить, то оно может перестать практиковаться как живое наследие, хотя представления или продукция способны и дальше создаваться для туристов и прочих приезжающих из коммерческого интереса. Не все нематериальное культурное наследие должно и может быть сохранено или возрождено. Если соответствующее сообщество или группа больше не считает определенный элемент нематериального наследия важным или значимым, их тяжело сохранять в смысле Конвенции. В таких случаях элементы могут быть просто записаны до того, как исчезнут совсем.

Разновидности мер по охране

Меры по охране могут представлять собой непосредственные действия, такие как усиление организационного комитета или посадка новых деревьев, необходимых для изготовления музыкальных инструментов, сбор денег внутри сообщества или организация неформальных образовательных встреч для передачи навыков. Также они могут включать более комплексную деятельность, организованную в соответствии с определенным планом: например, многоаспектные среднесрочные стратегии по охране с привлечением многочисленных заинтересованных сторон, которые должны координироваться общинной организацией с помощью неправительственных организаций, местных властей, специализированных институтов и т. д.

Определенные виды мер по охране, которые могут применяться в отношении отдельных элементов, перечислены в статье 2.3: идентификация, документирование, исследование, сохранение, защита, популяризация, повышение роли, передача, главным образом с помощью формального и неформального образования, и возрождение. Данный список не является полным, и охранные мероприятия часто можно отнести сразу к нескольким видам. Однако в контексте охраны согласно Конвенции классификация отдельных мер («исследование», «документирование», «возрождение» и т. д.) менее важна, чем приспособление этих мероприятий для противостояния опасностям, угрожающим жизнеспособности соответствующих элементов.

ПРИМЕРЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР ПО ОХРАНЕ

Исследование и документирование. Ранее исследованием и документированием нематериального культурного наследия часто занимались эксперты, специализированные центры, исследовательские институты и государственные органы с привлечением соответствующих сообществ лишь в качестве информаторов. Однако согласно Конвенции эти действия необходимо осуществлять при полном участии сообществ и с их согласия. Документирование элемента в рамках реализации Конвенции должно принимать во внимание разнообразие его форм и функций. Возможные действия включают:

- документирование элементов нематериального наследия (при участии сообществ) в целях охраны, повышения осведомленности и укрепления потенциала внутри сообщества;
- помощь соответствующим сообществам в управлении информационным архивом их нематериального наследия;
- оказание содействия людям в документировании нематериального культурного наследия, связанного с их сообществами, например путем интервьюирования практических исполнителей и традиционных носителей, а также в распространении полученной информации;
- укрепление потенциала среди членов сообщества для поддержки процесса документирования;
- использование существующей документации, аудио- и видеоматериалов в проектах по возрождению элементов нематериального наследия;
- оказание помощи соответствующим сообществам по обеспечению доступа к архивной информации по их нематериальному культурному наследию, собранной другими.

Например, в конце 1990-х гг. Австрийская академия наук в сотрудничестве с *Институтом по исследованию Папуа Новой Гвинеи* сделала доступными для учреждений и культурных центров в Папуа Новой Гвинее музыку, а также рассказы и другой лингвистический материал, записанный в этой стране в начале XX в. Некоторые записи запечатлели церемониальные песни, более не исполнявшиеся как из-за запрета миссионеров, так и из-за вытеснения церемониями соседних групп. Сегодня эти традиции сохранились весьма фрагментарно. По этой причине группы местных исполнителей используют записи для того, чтобы пожилые жители деревни вспомнили обычаи исполнения своей молодости, которые затем могут быть переданы следующим поколениям. Без этих записанных примеров, используемых в качестве отправной точки, такие попытки возрождения не были бы возможны [65].

Возрождение практики и передачи нематериального культурного наследия. В этом вопросе соответствующим сообществам могут помочь государственные органы, неправительственные организации, эксперты, специализированные центры и исследовательские институты. Возможные действия включают:

- повышение осведомленности внутри соответствующего сообщества о ценности конкретного элемента нематериального наследия;
- поддержку в создании общинных организаций, которые будут пропагандировать охрану своего нематериального наследия и предпримут в этом направлении конкретные шаги;
- анализ (соответствующими сообществами или с их участием) угроз жизнеспособности элементам их нематериального наследия (если таковые имеются);
- поддержку опытных носителей в деле передачи знаний, умений и смыслов, необходимых для практики и признания элементов нематериального культурного наследия другими членами сообщества;
- организацию образования и обучения молодых членов сообщества в целях обеспечения наличия навыков для продолжения практики элементов нематериального наследия, когда традиционные методы передачи больше нежизнеспособны;
- поощрение традиционных состязаний и соревнований, особенно там, где они использовались ранее в качестве посредников при воспроизведении и передаче элемента;
- создание материальных условий для непрерывной практики и передачи, например, доступа к сырью, местам для исполнения или инструментам;
- обеспечение финансирования проектов по охране;
- мониторинг эффективности мер по охране и разработку мероприятий по жизнеспособности элементов и принятие корректирующих мер в случае появления новых угроз жизнеспособности элемента.

7.4. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ КОНВЕНЦИИ

ОСНОВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Ратифицируя Конвенцию, государства принимают на себя различные обязательства и соглашаются предпринимать (или стремятся предпринимать) различные действия для достижения целей Конвенции.

Главное обязательство государств-участников – принятие мер по общей охране нематериального культурного наследия, имеющегося на их территории, а также разрешение сообществ охранять отдельные элементы своего нематериального наследия, оказание им поддержки и помощи в этом [10, ст. 11, 15].

Государства-участники должны также идентифицировать и инвентаризировать нематериальное культурное наследие, имеющееся на их территории, при полном участии заинтересованных сообществ: «Каждому государству-участнику *надлежит...* идентифицировать и определять различные элементы нематериального культурного наследия, имеющегося на его территории, при участии сообществ, групп и соответствующих неправительственных организаций» [10, ст. 11]. «Для обеспечения идентификации с целью охраны каждое государство-участник должно составить, с учетом сложившейся ситуации, один или несколько перечней нематериального культурного наследия, имеющегося на его территории. Такие перечни подлежат регулярному обновлению» [10, ст. 12(1)].

Кроме того, государства-участники принимают некоторые административные и финансовые обязательства: вносить взносы в Фонд нематериального культурного наследия [10, ст. 26(1)], а также представлять Комитету доклады о мерах, которые они предпринимают в целях выполнения Конвенции.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, НАЛАГАЕМЫЕ ОПЕРАТИВНЫМ РУКОВОДСТВОМ

Обязательства государств-участников выражены в Конвенции путем использования слова «надлежит». В Оперативном руководстве для подчеркивания обязательств государств-участников по привлечению соответствующих сообществ, принятию мер по повышению осведомленности и укреплению потенциала в рамках имплементации Конвенции использован глагол «должны». Так, государства-участники при подаче досье должны привлекать к их подготовке заинтересованные сообщества, группы и, в соответствующих случаях, отдельных лиц [64, п. 24]. Государства-участники должны принять необходимые меры, направленные на повышение осведомленности сообществ о важности и ценности своего нематериального культурного наследия и Конвенции [64, п. 81]. Наконец, государства-участники должны принять надлежащие меры, направленные на укрепление потенциала сообществ [64, п. 82].

7.5. УЧАСТИЕ СООБЩЕСТВ

Участие сообществ в идентификации, инвентаризации, управлении и охране нематериального культурного наследия — главный принцип Конвенции 2003 г. (см., например, ст. 11(b) и 15). Государства могут привлекать сообщества к различной деятельности согласно Конвенции.

Нематериальное наследие не существует отдельно от людей (обществ, групп и отдельных лиц), которые создают и воспроизводят его, а также идентифицируют себя с ним. Знания и навыки, необходимые для воспроизведения и передачи нематериального наследия, находятся в их сознании; главным инструментом для воспроизведения являются их тела. По этой причине охрана, часто определяемая как «обеспечение непрерывной практики и передачи» соответствующими сообществами, не должна осуществляться без их согласия, привлечения и ответственности. Это же касается управления теми элементами нематериального наследия, которым ничего не угрожает и для обеспечения жизнеспособности которых не требуется осуществлять никаких мероприятий по охране [10, ст. 15].

Таким образом, любая деятельность, касающаяся определенного элемента нематериального культурного наследия, реализуемая в рамках имплементации Конвенции о нематериальном наследии, должна осуществляться при как можно более полном участии и согласии соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц. Никакая деятельность, предусмотренная в рамках реализации Конвенции, не должна приводить к изменению контроля сообществ над своим нематериальным наследием.

До вступления Конвенции в силу сообщества во всем мире пытались с разной степенью успеха сохранять элементы нематериального культурного наследия как с внешней помощью, так и без нее. Правда, во многих случаях сообщества обнаружили, что сбережение их нематериального наследия было затруднено или невозможно, например, из-за нехватки необходимых ресурсов или условий либо из-за ощущения того, что элемент уже утратил свою функцию для сообщества.

Участие сообществ должно быть центральной целью мероприятий, осуществляемых в рамках реализации Конвенции: охрана отдельных элементов нематериального наследия, несомненно, обязана осуществляться соответствующими сообществами, группами и отдельными лицами.

Оперативное руководство призывает государства-участников помогать при необходимости соответствующим сообществам в приобретении или укреплении знаний и навыков, необходимых для охраны своего нематериального культурного наследия и управления им [64, п. 81, 82, 105(е), 107(м)].

Только общее повышение осведомленности о нематериальном культурном наследии может осуществляться без прямого привлечения соответствующих сообществ и групп; но даже в этом случае рекомендуется задействовать консультативный орган или координационный механизм [64, п. 80].

При реализации Конвенции на национальном уровне важно разработать руководящие принципы по организации и обеспечению возможности участия соответствующих сообществ, а также инструкции для тех, кто будет работать с ними. Ввиду требований заявочных документов и обязательств государств-участников по представлению докладов полезно также документировать то, как было достигнуто участие сообществ в реализации Конвенции, например, кто проявил ту или иную инициативу; как были определены соответствующие сообщества; как привлекались сообщества и/или их представители; как было получено и зарегистрировано их согласие; как участие сообщества повлияло на процесс инвентаризации, составления заявки, охраны или подачи просьбы.

Привлечение сообществ к идентификации и инвентаризации своего нематериального наследия не должно реализовываться лишь в целях исполнения Конвенции [10, ст. 2, 11] или Оперативного руководства [64, п. 1, 2, 80, 153(а)]; его необходимо использовать для установления взаимосвязей внутри сообществ и между ними, а также между сообществами, государством и другими сторонами для будущей пропаганды, управления и охраны нематериального наследия. Доказательство привлечения сообществ к инвентаризации требуется указать в формулярах при номинации элементов в списки Конвенции и в периодических докладах Комитету.

Государства-участники призываются обеспечить участие сообществ в повышении осведомленности об их нематериальном наследии [64, п. 101(б)]. Это может помочь гарантировать то, что сообщества и/или их нематериальное наследие не искажаются при осуществлении деятельности по повышению осведомленности (свободное, предварительное и информированное согласие подробно обсуждается ниже).

Государства-участники призываются обеспечить получение обществами выгоды от повышения осведомленности о своем нематериальном наследии [64, п. 101(d)] и защиту при этом их прав [64, п. 104].

Предложения по включению элементов нематериального культурного наследия в списки Конвенции могут представляться Комитету только при участии и с согласия соответствующих сообществ [64, п. 1(U.4), п. 2(R.4)]. Заявочные формуляры требуют доказать, что:

- элемент был признан соответствующим сообществом;
- соответствующее сообщество участвовало в инвентаризации элемента;
- соответствующее сообщество участвовало в подготовке заявки;
- было соблюдено уважение в отношении принятых практик, регулирующих доступ к элементу;
- соответствующее сообщество предоставило свое свободное, предварительное и информированное согласие на подачу заявки;
- соответствующее сообщество максимально привлекалось к реализации охранных и управленческих мер, которые предлагаются в заявочных документах.

Для подачи заявочных документов в *Реестр передовых практик по охране* также необходимо предоставить доказательство того, что предлагаемая деятельность осуществлялась при участии соответствующего сообщества и того, что заявка была подана с их согласия. Необходимо показать также, что соответствующее сообщество готово сотрудничать при распространении отобранных примеров передовой практики.

Для просьб о международной помощи, прямо касающихся нематериального наследия одного или нескольких различных сообществ (кроме просьб о подготовительной помощи), необходимо предоставить доказательство того, что они участвовали в подготовке просьбы и будут привлечены к мероприятиям, на реализацию которых запрашивается финансовая помощь, а также к их оценке и продолжению этой деятельности.

Если соответствующее сообщество в целом сошло во мнении, что оно не согласно на деятельность, предложенную в рамках реализации Конвенции (например, на номинацию или включение в перечень), тогда следует прекратить эту деятельность. К примеру, в Бразилии были случаи, когда сообщества не желали, чтобы элементы их нематериального наследия включались в национальный перечень; несмотря на проделанную работу, стороны договорились о том, что элементы не будут включены в перечень.

7.6. СПИСКИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И РЕЕСТР ПЕРЕДОВЫХ ПРАКТИК ПО ОХРАНЕ

Статья 17 Конвенции учреждает Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране (Список срочной охраны), цель которого — охрана элементов нематериального культурного наследия, чья жизнеспособность находится под угрозой.

Статья 16 учреждает Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества (Репрезентативный список). Этот список предназначен для иллюстрации разнообразия нематериального культурного наследия человечества во всех его сферах и во всех сообществах и группах.

Государства-участники могут номинировать элементы нематериального культурного наследия на включение в эти списки, а также программы, мероприятия или проекты на признание в качестве передовых практик.

Номинации в списки Конвенции

Общее правило таково, что номинации в списки Конвенции подаются соответствующими государствами-участниками. Они должны быть подготовлены при полном участии заинтересованных сообществ и представлены с их согласия (в соответствии с критерием 4 для обоих списков). На включение в списки могут претендовать только те элементы нематериального наследия, т. е. обычаи, формы выражения, знания и навыки, которые соответствуют определению нематериального культурного наследия Конвенции. Сопутствующие предметы, пространства или отдельные носители традиции могут упоминаться в заявке, но они не являются центральным элементом номинации.

Номинацию можно подавать в любой из двух списков Конвенции. Одновременно один элемент нематериального культурного наследия может быть включен только в один из списков. Секретариат Конвенции на своем веб-сайте размещает информацию обо всех элементах, помещенных в оба списка [67]. Информация по каждому элементу содержит краткое описание, полный формуляр заявки, фотографии и в большинстве случаев видео.

Список срочной охраны

Включение в Список срочной охраны служит доказательством того, что жизнеспособность соответствующего элемента находится под угрозой и разрабатываются меры по охране, чтобы соответствующие сообщества могли осуществлять его практику и передачу.

Представление номинации в Список срочной охраны означает, что подавшее ее государство признает заинтересованность соответствующего сообщества в сохранении элемента и будет предпринимать меры по оказанию помощи сообществу в его охране. Включение в данный список означает, что соответствующее государство-участник может извлечь выгоды из международного сотрудничества в деле охраны, в том числе приоритетный доступ к международной помощи [64, п. 9(a)]. Международную помощь из Фонда нематериального культурного наследия можно также запросить на подготовку номинационного досье в этот список.

Список срочной охраны независим от Репрезентативного списка, и его не следует путать со Списком всемирного наследия, находящегося под угрозой. Согласно Конвенции всемирного наследия, все номинации подаются в Список всемирного наследия, и объекты могут перемещаться во вспомогательный Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, если Комитет всемирного наследия посчитает это необходимым.

Включение в Список срочной охраны ни в коем случае нельзя рассматривать как признак неудачи или как карательную меру: Конвенция признает, что по всему миру много практик нематериального культурного наследия находится под угрозой, и включение призвано оказать противодействие тем опасностям, с которыми столкнулся включенный элемент. Поэтому Фонд нематериального культурного наследия должен использоваться в первую очередь для оказания поддержки мерам по охране элементов, представленных в этом списке; приоритет отдается просьбам со стороны развивающихся стран.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЙ СПИСОК

Репрезентативный список стремится к поддержанию жизнеспособности нематериального культурного наследия в целом и повышению осведомленности о нем. В принципе, элементы, включенные в этот список, обладают хорошей жизнеспособностью.

Термин «репрезентативный» не определен ни в Конвенции, ни в Оперативном руководстве. Он истолковывается по-разному, обозначая репрезентативность нематериального культурного наследия

сообществ, государств или регионов, различных областей этого наследия или человеческого творчества.

Термин «репрезентативный список» предпочли другим терминам, которые обсуждались при подготовке Конвенции, потому что последняя не желает вводить иерархию между элементами путем допущения того, что некоторые из них (например, включенные в списки Конвенции) являются более важными, чем другие, там не представленные.

Такой подход — избегание иерархии между элементами — отличает составление списков согласно Конвенции нематериального наследия от составления Списка всемирного наследия, где отбор основан на критерии выдающейся универсальной ценности. Элементы, включенные в Репрезентативный список и Список срочной охраны, имеют ценность прежде всего для сообществ, которые их создают, воспроизводят и передают.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ СПИСКОВ

Соответствующие государства-участники могут вносить предложения о перемещении элементов из одного списка в другой, если опасность, угрожающая им, уменьшается или наоборот [64, п. 38]. Элементы могут также исключаться из списков [64, п. 39–40]. Комитет имеет право на это, если установлено, что элемент больше не отвечает критериям списка. Например, исключение элемента из Списка срочной охраны может быть обосновано как тем, что ему больше не угрожает серьезная опасность (и тогда его могут предложить переместить в Репрезентативный список), так и тем, что, несмотря на все предпринятые попытки, соответствующее сообщество перестало его практиковать и передавать.

Государства-участники призываются привлекать соответствующие сообщества, а также экспертов и экспертные учреждения к принятию решений, предшествующих исключению элемента из списка или перемещению его из одного списка в другой [64, п. 80(e)].

УЧАСТИЕ И СОГЛАСИЕ СООБЩЕСТВ

Заявочные формы обоих списков Конвенции требуют предоставления доказательства того, что соответствующие сообщества, группы и/или отдельные лица признали номинируемый элемент частью их культурного наследия; участвовали в идентификации и определении элемента; а также в инвентаризации элемента; принимали самое широкое участие в подготовке номинации (и всех мер

по охране или управлению, представленных в ней); дали свободное, предварительное и информированное согласие на подачу номинации; будут привлекаться к реализации предложенных мер, а также имеют волю и приняли обязательство по охране элемента в случае необходимости и при наличии благоприятных условий.

Подготовка номинации в списке Конвенции

Инициатива по подготовке номинационного досье может исходить от различных сторон, но кто бы ни инициировал ее, подать досье (или официально одобрить подачу) должно соответствующее государство, а от заинтересованного сообщества необходимо свободное, предварительное и информированное согласие.

Различные стороны, в том числе соответствующие государства-участники, могут обратить внимание Комитета на случаи чрезвычайной неотложности для включения в Список срочной охраны; такие случаи рассматриваются по ускоренному графику заинтересованными в консультации государствами-участниками [ОР, п. 1(U.6), п. 32].

Совместное наследие: многонациональные номинации. Комитет призывает государства-участников подавать многонациональные номинации элементов, разделяемых различными сообществами, для поощрения диалога. В отношении уже включенных элементов государства-участники призываются к рассмотрению возможности их повторной подачи на многонациональной основе в тех случаях, когда такие элементы практикуются сообществами за пределами страны.

Многонациональные номинации более сложные, чем те, которые подготовлены одним государством, требуют тесного сотрудничества между соответствующими государствами и активного участия заинтересованных сообществ. В подобных случаях участвующие страны обычно выбирают координирующую страну для подготовки окончательного варианта многонациональной номинации. Заинтересованные страны делают все возможное для того, чтобы договориться о должном балансе информации, особенно между координирующим государством и другими сторонами.

Хотя в случае нахождения элементов на территории нескольких государств поощряются многонациональные номинации, каждое государство-участник имеет право подавать номинации элементов, имеющих на его территории, безотносительно к факту их возможного нахождения на территории других государств. Подоб-

ные номинации могут затрагивать определенные чувствительные стороны и способны непреднамеренно привести скорее к непониманию, чем к сотрудничеству.

КРИТЕРИИ ДЛЯ ВКЛЮЧЕНИЯ В СПИСКИ КОНВЕНЦИИ

Номинационные формы для Репрезентативного списка и Списка срочной охраны содержат вопросы, которые дают Комитету возможность определить, соответствуют ли предложенные элементы установленным критериям. Номинаруемые элементы должны соответствовать всем условиям, представленным в Оперативном руководстве [64, п. 1–2].

Критерии для обоих списков во многом совпадают; различия между ними отражают разные цели, которые преследуют списки.

Общие критерии для обоих списков:

- U.1 и R.1: данный элемент является нематериальным культурным наследием, определяемым в статье 2 Конвенции;
- U.4 и R.4: данный элемент представлен для включения в список при самом широком участии заинтересованные сообщества, группы или, в соответствующих случаях, отдельных лиц, а также с их свободного, предварительного и информированного согласия;
- U.5 и R.5: данный элемент включен в перечень нематериального культурного наследия, имеющегося на территории (территориях) подавшего (подавших) номинацию государства-участника (государств-участников), как это определено в статьях 11 и 12 Конвенции.

Отдельные критерии для Списка срочной охраны:

- U.2 (a): данный элемент нуждается в срочной охране, поскольку его существование находится под угрозой, несмотря на усилия заинтересованных сообщества, группы или, в соответствующих случаях, отдельных лиц и государства-участника (государств-участников);
- (b): данный элемент нуждается в чрезвычайно срочной охране, поскольку подвергается серьезной опасности и без немедленной охраны может не уцелеть. Этот критерий требует, чтобы были ясно обозначены угрозы и риски жизнеспособности, а также их серьезность;
- U.3: разрабатывается план по охране, который может позволить заинтересованным сообществу, группе или, в соответствующих случаях, отдельным лицам продолжать практически использовать и передавать данный элемент.

Этот критерий требует выработки вместе с заинтересованным сообществом подробных и реальных мер по охране для противодействия угрозам жизнеспособности элемента, идентифицированным согласно критерию U.2;

- U.6: в случаях чрезвычайной срочности с заинтересованным (заинтересованными) государством-участником (государствами-участниками) проведены необходимые консультации относительно включения данного элемента в Список в соответствии со статьей 17.3 Конвенции.

Критерий U.6 применяется, когда элемент нуждается в чрезвычайно срочной охране. Такие случаи могут быть доведены до сведения Комитета различными сторонами, включая государство-участника или заинтересованное сообщество. Президиум Комитета может предложить соответствующему государству-участнику подать в Список срочной охраны досье, которое будет рассматриваться согласно ускоренной процедуре [64, п. 1(U.6), п. 32]. Пока Комитет не рассмотрел ни одного подобного случая.

Отдельные критерии для Репрезентативного списка:

- R.2: включение данного элемента будет способствовать обеспечению наглядности и пониманию значимости нематериального культурного наследия, а также поощрению диалога, отражая тем самым культурное разнообразие во всем мире и свидетельствуя о творческой деятельности человека.

Это означает, что государства, подающие элемент в Репрезентативный список, должны гарантировать, что после включения элемент может использоваться для повышения наглядности нематериального наследия и осведомленности о его значимости в рамках более широкой популяризации и защиты культурного разнообразия и человеческого творчества;

- R.3: разрабатываются меры по охране, которые могут обеспечить защиту и популяризацию данного элемента.

Лексика критерия R.3 отличается от лексики критерия U.3: во-первых, она отражает различные уровни жизнеспособности предлагаемых в списке элементов, во-вторых, подчеркивает, что для элементов, предлагаемых в Репрезентативный список, необходимо разрабатывать «меры», а для элементов, предлагаемых в Список срочной охраны, — «план». Критерий R.3 ввиду благополучного в целом состояния элементов, включаемых в Репрезентативный список, сосредоточивает внимание, скорее, на мерах по содействию непрерывной практике и передаче соответствующих элементов нематериального наследия (особенно после вклю-

чения), а не на мерах, противодействующих серьезным угрозам их жизнеспособности.

Для обоих видов номинаций важно предусмотреть возможные негативные последствия включения в список соответствующего элемента и меры, позволяющие смягчить подобные последствия.

РЕЕСТР ПЕРЕДОВЫХ ПРАКТИК ПО ОХРАНЕ

Согласно статье 18 Конвенции от Комитета требуется отбирать предлагаемые государствами-участниками программы, проекты и мероприятия, направленные на сохранение нематериального культурного наследия, которые наилучшим образом отражают принципы и цели Конвенции. В Оперативном руководстве поясняется, что Комитет распространяет отобранные программы через Реестр передовых практик по охране, а в дальнейшем будет изучать отобранные программы и их эффективность [64, п. 42, 44, 45, 46].

Критерии, используемые для оценки номинаций в Реестр, представлены в Оперативном руководстве [64, п. 7]. В других пунктах Руководства государствам-участникам сообщается, что Комитет особенно приветствует предложения программ, которые находятся на стадии завершения или реализации [64, п. 5], включают международное сотрудничество [64, п. 4] и уделяют особое внимание потребностям развивающихся стран [64, п. 6].

После включения в Реестр программ, проектов и мероприятий Комитет и Секретариат популяризируют их, с тем чтобы другие страны и люди, работающие в данной области, могли воспользоваться успешным опытом.

ОЦЕНКА И РАССМОТРЕНИЕ НОМИНАЦИОННЫХ ДОСЬЕ

Номинации в Список срочной охраны, Репрезентативный список, предложения в Реестр оцениваются Оценочным органом, состоящим из шести квалифицированных экспертов в различных областях нематериального наследия (представляющих государства-участников, не являющихся членами Комитета) и представителей шести аккредитованных неправительственных организаций [64, п. 27].

Номинации в оба списка, предложения в Реестр представляются в Секретариат ЮНЕСКО, после чего рассматриваются Оценочным органом [64, п. 27], который составляет свои рекомендации для Межправительственного комитета. После этого члены Комитета и государство, подавшее номинацию, получают доклады и реко-

мендации Оценочного органа. Государство, подавшее номинацию, может отозвать ее в любое время до рассмотрения Комитетом [64, п. 25]. Во время сессии Комитет рассматривает досье и принимает решение насчет включения [64, п. 35].

Номинации, не включенные в Список срочной охраны, могут быть поданы повторно в следующем цикле. Никаких процедур по повторной подаче предложений в Реестр пока не предусмотрено.

В случае номинаций в Репрезентативный список Комитет может принять одно из следующих решений: включить номинированный элемент в данный список; препроводить досье соответствующему государству-участнику на доработку (в таком случае оно может быть повторно подано на следующий год; не включать элемент в список; тогда его номинация не может быть повторно представлена до истечения четырех лет).

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ СПИСКОВ

Соответствующие государства-участники могут вносить предложения о перемещении элементов из одного списка в другой, если они подвергаются меньшей опасности, или наоборот [64, п. 38]. Элементы могут также исключаться из списков [64, п. 39–40]. Комитет имеет право решать, исключить ли элемент, если установлено, что тот больше не отвечает критериям списка, в который был внесен. Оперативное руководство призывает государства-участников привлекать соответствующие сообщества, а также экспертов и их организации к решениям, предшествующим исключению элемента из списка или перемещению его из одного списка в другой [64, п. 80(e)].

УЧАСТИЕ СООБЩЕСТВ И ИХ СОГЛАСИЕ

Заявочные формуляры обоих списков Конвенции требуют доказательств того, что соответствующие сообщества, группы и/или отдельные лица признали заявленный элемент частью своего культурного наследия; участвовали в идентификации и определении элемента; принимали активное участие в подготовке заявки (и всех мерах по охране или управлению, представленных в ней); предоставили свободное, предварительное и информированное согласие на подачу заявки; будут привлечены к реализации предложенных мер, а также имеют желание и обязательство сохранять элемент в случае необходимости и при наличии благоприятных условий.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ДОКЛАДОВ

Каждые четыре года государства-участники обязаны представлять Комитету доклады об элементах, включенных в Список срочной охраны. Для элементов, включенных в Репрезентативный список, отдельных докладов не предусмотрено. Однако в общих периодических докладах, которые государства-участники обязаны представлять Комитету о мерах, принятых ими в целях выполнения Конвенции, должна содержаться информация обо всех элементах, присутствующих на их территории и включенных в список [10, ст. 29; 64, п. 157–159].

Имеется несколько государств, не являющихся участниками Конвенции, на территории которых присутствуют элементы – бывшие шедевры, – включенные в Репрезентативный список. У них тоже есть обязательство информировать Комитет о состоянии жизнеспособности этих элементов [64, п. 60, 168].

7.7. РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ КОНВЕНЦИИ

Генеральная ассамблея, учрежденная статьей 4 Конвенции, – полновластный орган Конвенции нематериального культурного наследия. Она не подчиняется никакому другому органу или организации. Комитет функционирует под контролем Генеральной ассамблеи, которая дает ему указания. Все государства – участники Конвенции являются членами Генеральной ассамблеи, которая собирается один раз в два года в июне.

Межправительственный комитет состоит из представителей 24 государств – участников Конвенции; они избираются Генеральной ассамблеей на четыре года. Комитет обязан следить за реализацией Конвенции, в том числе за включением нематериального наследия в списки Конвенции, а также передовых практик в Реестр. Также Межправительственный комитет готовит Оперативное руководство, предоставляемое на окончательное обсуждение и одобрение Генеральной ассамблее, и, кроме того, управляет Фондом нематериального культурного наследия. Межправительственный комитет собирается на сессии один раз в год и представляет доклады о своей деятельности Генеральной ассамблее. Комитет может создавать консультативные органы для выполнения стоящих перед ним конкретных задач [10, ст. 8.3], а также вспомогательные органы согласно статье 21 правил процедуры Комитета.

Секретариат ЮНЕСКО оказывает помощь руководящим органам Конвенции и их вспомогательным и/или консультативным органам в реализации Конвенции. Он также готовит и организывает сессии руководящих органов Конвенции и президиума, а также различных органов, созданных Комитетом.

Для консультирования Комитета могут приглашаться аккредитованные неправительственные и другие организации, обладающие признанной компетенцией в области нематериального культурного наследия.

ОПЕРАТИВНОЕ РУКОВОДСТВО

Оперативное руководство — это руководящие указания, которые представляют собой положения, касающиеся Комитета и государств-участников и предназначенные для того, чтобы помочь государствам-участникам реализовывать Конвенцию на национальном и международном уровнях. Оно включает критерии, положения и процедуры по номинации элементов в списки и передовых практик в Реестр, а также по подаче заявок на получение помощи из Фонда. Также Оперативное руководство рекомендует общие пути организации охраны нематериального наследия, имеющегося на территории государств-участников, что предусмотрено статьями 11–15 Конвенции, и показывает, как они могут обеспечить повышение внимания к нематериальному наследию. Первый вариант Оперативного руководства был одобрен в июне 2008 г., последний — в июне 2016 г.

В отличие от Конвенции Оперативное руководство может быть изменено, исправлено и расширено сравнительно легко. Любые изменения, предложенные Комитетом, должны быть утверждены Генеральной ассамблеей, которая собирается один раз в два года. Оперативное руководство пребывает, насколько это возможно, в постоянном совершенствовании, поэтому важно пользоваться его последней версией, доступной на веб-сайте Конвенции [64].

7.8. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Конвенция поощряет международное сотрудничество государств-участников на двустороннем, субрегиональном, региональном и международном уровнях. Оперативное руководство призывает государства-участников к максимально тесному сотрудничеству.

Статья 19.1 объясняет, что понимается под международным сотрудничеством: «Для целей настоящей Конвенции международное сотрудничество включает, в частности, обмен информацией и опытом, совместные инициативы, а также создание механизма оказания помощи государствам-участникам в их усилиях, направленных на охрану нематериального культурного наследия».

Международное сотрудничество, несомненно, включает совместную охрану общего наследия и многонациональные заявки. Статья 23 Конвенции утверждает, что заявки на международную помощь могут быть поданы «совместно двумя или более государствами-участниками». Оперативное руководство открыто приветствует такие заявки. Оно также поощряет сотрудничество между общинными организациями, неправительственными организациями, институтами на региональном уровне и взаимодействие в рамках центров категории 2 по охране нематериального культурного наследия.

Государства-участники могут сотрудничать, обмениваться информацией и влиять на интерпретацию и реализацию Конвенции, принимая активное участие в деятельности Генеральной ассамблеи и других руководящих органов Конвенции. Они могут делать это более эффективно, являясь членами Межправительственного комитета. Поскольку проведение выборов государств – членов Комитета подчиняется принципам географического распределения и ротации, любое государство-участник может состоять в Комитете в течение положенного срока.

В докладах (государства-участники обязаны представлять их Комитету каждые шесть лет) о мерах, предпринимаемых по реализации Конвенции, необходимо доложить о действиях, принятых на международном уровне, и совместных инициативах с другими государствами-участниками.

Поскольку подход Конвенции сравнительно новый, предстоит проделать большую работу по созданию методологии и распространению примеров передовой практики в сфере охраны нематериального наследия и управления им. Предполагается, что государства-участники извлекут много выгоды из взаимной поддержки (особенно на региональном и субрегиональном уровнях), проведения экспертиз, предоставления информации, а также из обмена опытом по охране нематериального наследия. Благодаря этому их деятельность по охране станет более целевой и экономически эффективной, усовершенствуется охрана не только совместного, но и всего нематериального наследия соответствующих стран. Объединение усилий может позволить различным действующим лицам об-

мениваться опытом и будет продуктивно, например, в сферах укрепления потенциала и документирования/исследования.

Элемент нематериального культурного наследия часто не ограничивается территорией одного государства-участника, и тогда говорится о трансграничном, или совместном, наследии. Так как нематериальное наследие привязано к людям, то путешествует вместе с ними. Люди все время перемещаются, добровольно и недобровольно, сегодня чаще всего как эмигранты, беженцы или туристы. Сообщества нередко разделялись произвольными границами, или становясь невольными жертвами далеких от них политических сделок, или выигрывая от них, поэтому некоторые элементы нематериального наследия часто распространены по разные стороны границы, либо сообщества эмигрантов могут распространять их в более далекие страны. Нематериальное культурное наследие способно также передаваться от одного сообщества к другому как внутри одной страны, так и между несколькими странами.

Совместные элементы нематериального культурного наследия (а также связанные с ними сообщества) могут извлекать выгоду из общей инвентаризации и охраны соответствующими странами и сотрудничества между всеми заинтересованными сообществами или группами, независимо от их местожительства. Такие элементы также могут извлекать выгоду из того, что их трактуют как один элемент при осуществлении других видов деятельности. Этот подход может поощрять сотрудничество и взаимопонимание между государствами и сообществами в культурной и других сферах. Таким образом, Конвенция и Оперативное руководство поощряют многонациональные заявки, проекты и запросы о помощи, касающиеся трансграничного наследия, и по возможности отдают им приоритет [64, п. 10(a), 13–16].

Реестр передовых практик по охране, учрежденный Комитетом в соответствии со статьей 18 Конвенции, также призван стать важным инструментом по обмену опытом в деле охраны между государствами-участниками. Одна из практик, внесенных в Реестр на сегодняшний день, появилась в результате многонациональной заявки, представленной Боливией, Чили и Перу: «Сохранение нематериального культурного наследия аймара в Боливии, Чили и Перу».

Фонд нематериального культурного наследия

Фонд нематериального культурного наследия, учрежденный статьей 25 Конвенции, поддерживает охрану нематериального наследия путем предоставления в этих целях международной помо-

щи. Существует два основных источника финансирования Фонда. Так, согласно статье 26.1 Конвенции государства-участники должны вносить в Фонд взносы по крайней мере один раз в два года. В настоящее время этот взнос составляет 1 % от годового взноса государств-участников в ЮНЕСКО. Сейчас Фонд получает около 1,5 млн долл. в год в форме «обязательных» взносов.

Государства-участники и другие стороны могут вносить *дополнительные, добровольные взносы* в Фонд. Так, японские целевые фонды в течение последнего десятилетия содействовали большому количеству проектов по охране. В 2015 г. ряд стран вносил добровольные целевые взносы на реализацию проектов в развивающихся странах (Азербайджан, Бельгия, Бразилия, Вьетнам, Испания, Китай, Нидерланды, Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты, Япония).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ

Конвенция определяет международную помощь как финансовую поддержку, предоставляемую Комитетом из Фонда нематериального наследия [64, п. 66] на деятельность по охране нематериального культурного наследия.

В соответствии со статьей 20 Конвенции Комитет может предоставлять международную помощь для поддержки следующих мероприятий: сохранение элементов, включенных в Список срочной охраны; подготовка перечней нематериального наследия; поддержка программ, проектов и мероприятий, направленных на охрану нематериального наследия на национальном, субрегиональном и региональном уровнях; любая другая цель, которую Комитет сочтет необходимой. Последний пункт включает укрепление потенциала и помощь в подготовке документов (т. е. в подготовке заявочных документов в Список срочной охраны и реестр) [64, п. 9(d), 16, 18, 66, 67].

Обращаться в Межправительственный комитет за международной помощью может любое государство-участник. Приоритет отдается просьбам о поддержке из развивающихся государств — участников Конвенции. Также при рассмотрении заявок Комитет учитывает принцип справедливого географического распределения. Дополнительные критерии: подразумевает ли поданный запрос международное сотрудничество и/или может ли оказанная помощь иметь множительный эффект и способствовать получению финансовой и технической поддержки из других источников [64, п. 10]. В настоящее время Фонд располагает достаточными средствами для этих целей.

Таким образом, в последние десятилетия во многих государствах наблюдается озабоченность вопросом сохранения различных проявлений традиционной культуры, что выразилось в широкой поддержке идеи принятия Конвенции об охране нематериального культурного наследия и беспрецедентно быстрой ее ратификации. На июнь 2016 г. к Конвенции присоединилось уже 171 государство. Правда, эффективность конвенционального режима несколько снижает тот факт, что ряд крупных государств, играющих важную роль в международных отношениях (США, Россия, Канада, Австралия и др.), пока не присоединились к Конвенции 2003 г. В целом режим Конвенции нематериального наследия в отличие от Конвенции всемирного наследия не является европоцентричным – активными государствами-участниками выступают Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Бразилия, Мексика и ряд других неевропейских стран. Самые активные европейские государства – участники Конвенции – Хорватия, Франция, Испания, Бельгия. Беларусь с богатыми традициями народной культуры имеет очень хорошие перспективы участия в режиме охраны нематериального наследия, предложенном Конвенцией 2003 г.

Вопросы для самоконтроля

1. Перечислите основные угрозы нематериальному культурному наследию в современном мире.
2. В чем разница между охраной материального и нематериального культурного наследия?
3. Назовите основные обязательства государств – участников Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г.
4. В чем выражается ключевая роль заинтересованных сообществ в режиме охраны нематериального культурного наследия согласно Конвенции 2003 г.?
5. Что означает международное сотрудничество согласно Конвенции 2003 г.?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жывая спадчына Беларусі: нацыянальны інвентар нематэрыяльнай культурнай спадчыны Беларусі / уклад. Т. М. Мармыш. – Мінск : Інбелкульт, 2014.

Имплементация Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия на национальном уровне : рук.

для тренинга (IMP-WM) / Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы НАН Бе-ларуси ; ред. В. Г. Гавриленко. — Минск : Право и экономика, 2012.

Ідэнтыфікацыя і інвентарызацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны : практ. кіраўніцтва / А. Сташкевіч [і інш.]. — Мінск : Ін-т культуры Беларусі, 2013.

Михайлец, М. А. Категория «охрана» в свете конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия 2003 г. / М. А. Михайлец // Традицыі і сучасны стан культуры і мастацтва : у 2 ч. : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., 29 ліст. 2013 г., Мінск / Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі ; уклад.: Н. С. Бункевіч [і інш.] ; гал. рэд. А. І. Лакотка; — Мінск : Права і эканоміка, 2014. Ч. 2. — С. 429–434.

Михайлец, М. А. Применение принципа свободного, предварительного и информированного согласия в Конвенции об охране нематериального культурного наследия / М. А. Михайлец // Этнос и культура: развитие и взаимодействие : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 июня 2016 г. / БГУ, Ист. фак., каф. этнологии, музеологии и истории искусств ; редкол.: Т. А. Новгородский [и др.]. — Минск : БГУ, 2016. — С. 201–206.

Михайлец, М. А. Соблюдение этических норм при исследовании и охране нематериального культурного наследия / М. А. Михайлец // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка. — Мінск : Права і эканоміка, 2016. Вып. 20. — С. 519–526.

Шедевры уснога і нематэрыяльнага наследия человечества // Вестн. ЮНЕСКО. — 2008. Июнь. — С. 6–103.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Koboldt C.* Optimising the Use of Cultural Heritage // *Economic Perspectives of Cultural Heritage* / ed. M. Hutter, I. Rizzo. – Basingstoke : MacMillan Press, 1997. – P. 50–67.

2. *Loulanski T.* Revising the Concept of Cultural Heritage: The Argument for a Functional Approach // *International J. of Cultural Property*. – 2006. – Vol. 13, iss. 2. – P. 207–233.

3. Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ, 19 нояб. 1968 г. // *Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации)*. – М. : ЮниПринт, 2002. – С. 145–157.

4. *Forrest C.* International law and the protection of cultural heritage. – L. ; N. Y. : Routledge, 2010.

5. *O'Keefe P. J.* The Protection of Cultural Property in Armed Conflict. – N. Y. : Cambridge University Press, 2006.

6. *Williams S.* The International and National Protection of Movable Cultural Property. A Comparative Study. – N. Y. : Oceana Publications, 1978.

7. *King J. L.* Cultural Property and National Sovereignty // *The Ethics of Collecting Cultural Property: Whose Culture? Whose Property?* / ed. P. M. Messenger. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1989. – P. 199–208.

8. *Ольгин Л.* Злоключения Афо-а-Комо [Электронный ресурс] // *Вокруг света*. – URL: <http://base3.vokrugsveta.ru/vs/article/5156/> (дата обращения: 15.02.2015).

9. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, 16 нояб. 1972 г. [Электронный ресурс] // *Центр всемирного наследия*. – URL: whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

10. Конвенция об охране нематериального культурного наследия, 17 окт. 2003 г. [Электронный ресурс] // *ООН*. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images//0013/001325/132540r.pdf> (дата обращения: 01.12.2016).

11. Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 окт. 1907 г. [Электронный ресурс] // *Международный Комитет Красного Креста*. – URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 01.12.2016).

12. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Руководство Генеральной конференции. – Париж : ЮНЕСКО, 2002. – С. 7–24.

13. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, 14 мая 1954 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000824/082464mb.pdf> (дата обращения: 01.12.2016).

14. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности, 14 нояб. 1970 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001140/114046rb.pdf#page=143> (дата обращения: 01.12.2016).

15. Рекомендация об охране движимых культурных ценностей, 28 нояб. 1978 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). – М. : ЮниПринт, 2002. – С. 193–204.

16. Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс] // ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 01.12.2016).

17. Конвенция об охране подводного культурного наследия, 2 нояб. 2001 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001246/124687r.pdf#page=60> (дата обращения: 01.12.2016).

18. Mexican letter LA/Depositary/1985/40 of 3 March 1986 [Electronic resource] // UNESCO. – URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13039&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (date of access: 01.12.2016).

19. Первый протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, 14 мая 1954 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). – М. : ЮниПринт, 2002. – С. 33–36.

20. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, 20 окт. 2005 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. – URL: http://en.unesco.org/creativity/sites/creativity/files/basic_text_v2005_ru.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

21. Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., 26 марта 1999 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). – М. : ЮниПринт, 2002. – С. 38–59.

22. *Boylan P. J.* Review of the Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict [Electronic resource] // UNESCO. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0010/001001/100159eo.pdf> (date of access: 03.12.2016).

23. Исполнительный Регламент Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Нормативные акты ЮНЕСКО

по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 21–32.

24. Final Act of the Paris Conference on Reparation with annex (Paris 21st December 1945). — L. : His Majesty's Stationery Office, 1946.

25. *O'Keefe P. J.* The First Protocol to the Hague Convention Fifty Years On // *Art Antiquity and Law*. — 2004. — № IX(2). — P. 99–116.

26. *Hickley C.* Looted Icons Seized by Dutch Government Return to Cyprus [Electronic resource] // Bloomberg. — URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2013-09-17/looted-icons-seized-by-dutch-government-return-to-cyprus> (date of access: 03.12.2016).

27. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 авг. 1949 г., касающийся жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II), 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста. — URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 02.12.2016).

28. Guidelines for the Implementation of the 1999 Second Protocol to the Hague Convention of 1954 for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict [Electronic resource] // ЮНЕСКО. — URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/1999-SecondProtocol_Guidelines_2015_E.pdf (date of access: 03.12.2016).

29. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июля 1999 г. // Навигатор в мире права. — URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1 (дата обращения: 02.12.2016).

30. *Prott L., O'Keefe P. J.* Law and the Cultural Heritage. — Abington : Professional Books Ltd, 1984. Vol. 1 : Discovery and Excavation.

31. *O'Keefe P. J.* Commentary on the 1970 UNESCO Convention, 2nd edn. — Builth Wells : Institute of Art and Law, 2007.

32. Возвращение предметов искусства странам — жертвам экспроприации : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 18 дек. 1973 г. [Электронный ресурс] // ООН. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/285/61/IMG/NR028561.pdf?OpenElement> (дата обращения: 02.12.2016).

33. *Brodie N., Doole J., Renfrew C.* Trade in Illicit Antiquities: The Destruction of the World's Archeological Heritage. — Cambridge : McDonald Institute of Archeo-logical Research, 2001.

34. *Prott L. V.* Commentary on the UNIDROIT Convention on the Stolen and Illegally Exported Cultural Objects. — Leicester : Institute of Art and Law, 1997.

35. *Jote K.* International Legal Protection of Cultural Heritage. — Stockholm : Juristforlaget, 1994.

36. Operational Guidelines for the Implementation of the Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property (UNESCO, Paris, 1970) [Electronic resource] // UNESCO. — URL: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/>

CLT/pdf/OPERATIONAL_GUIDELINES_EN_FINAL_FINAL.pdf. (date of access: 02.12.2016).

37. Рекомендация о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности, 19 нояб. 1964 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 139–144.

38. Международный комитет по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/restitution-of-cultural-property/intergovernmental-committee/> (дата обращения: 06.12.2016).

39. Фонд Международного комитета по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/restitution-of-cultural-property/fund-of-the-committee/> (дата обращения: 06.12.2016).

40. World Heritage Informational Kit [Electronic resource] // World Heritage Centre. — URL: <http://whc.unesco.org/en/activities/567/> (date of access: 03.12.2016).

41. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия), 31 мая 1964 г. [Электронный ресурс] // Google Docs. — URL: <https://docs.google.com/document/d/1hz0IOc8BNZC9EcUhbfbcdjZvT0sZImcPZzMC6fIOlj4/edit?pref=2&pli=1> (дата обращения: 03.12.2016).

42. Meeting of Experts to Coordinate, with a view to Their International Adoption, Principles and Scientific, Technical and Legal Criteria Applicable to the Protection of Cultural Property, Monuments and Sites, Unesco House, Paris, 26 February-2 March 1968, Final Report (UNESCO Doc. SCH/CS/27/8, 31 December 1968) [Electronic resource] // World Heritage Centre. — URL: <http://whc.unesco.org/archive/1968/shc-cs-27-8e.pdf> (date of access: 03.12.2016).

43. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization Meeting of Experts to Establish an International System for the Protection of Monuments and Sites of Universal Interest, Unesco House, Paris, 21–25 July 1969 (UNESCO Doc. SCH/CONF.43/4, July 1969) [Electronic resource] // World Heritage Centre. — URL: <http://whc.unesco.org/archive/1969/shc-conf43-6e.pdf> (date of access: 03.12.2016).

44. *Smith L.* Uses of Heritage. — Abingdon : Routledge, 2006.

45. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 02.12.2016).

46. Final Report of the First Session of the Intergovernmental Committee for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, UNESCO, Paris, 27 June – 1 July 1977 (UNESCO Doc. CC.77/CONF.001/4, 9 June 1977)

[Electronic resource] // World Heritage Centre. – URL: <http://whc.unesco.org/archive/repcom77.htm> (date of access: 03.12.2016).

47. *Francioni F.* Preamble // The 1972 World Heritage Convention / ed. by F. Francioni and F. Lanzerini. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 11–22.

48. Expert Meeting on the «Global strategy» and thematic studies for a representative World Heritage List (UNESCO Headquarters, 20–22 June 1994) (UNESCO Doc. Doc. WHC-94/CONF.003/INF.6, 13 October 1994) [Electronic resource] // World Heritage Centre. – URL: <http://whc.unesco.org/archive/1994/whc-94-conf003-inf6e.pdf> (date of access: 03.12.2016).

49. The Nara Document on Authenticity, 6 November 1994 [Electronic resource] // ICOMOS. – URL: <http://www.icomos.org/charters/nara-e.pdf> (date of access: 03.12.2016).

50. Глобальная стратегия сбалансированного и представительного Списка всемирного наследия [Электронный ресурс] // Центр всемирного наследия. – URL: <http://whc.unesco.org/en/globalstrategy/> (дата обращения: 02.12.2016).

51. *Scovazzi T.* Articles 8–11 World Heritage Committee and World Heritage List // The 1972 World Heritage Convention / ed. by F. Francioni, F. Lanzerini. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 147–174.

52. *Lenzirini F.* Articles 15–16, World Heritage Fund // The 1972 World Heritage Convention / ed. by F. Francioni, F. Lanzerini. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 269–287.

53. *Simmonds J.* UNESCO World Heritage Convention // Art Antiquity and Law. – 1997. – № 2. – P. 251–281.

54. *Francioni F., Lenzirini, F.* The Future of the World Heritage Convention: Problems and Prospects // The 1972 World Heritage Convention / ed. by F. Francioni and F. Lanzerini. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – P. 401–410.

55. *Bascom W.* Deep Water, Ancient Ships: Treasures Vault of the Mediterranean. – L. : David and Charles, 1976.

56. Конвенция ООН по морскому праву, 10 дек. 1982 г. [Электронный ресурс] // ООН. – URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

57. *Мартыненко И. Э.* Охрана подводного археологического наследия: международно-правовой и национальный аспекты // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2009. – № 1. – С. 3–7.

58. Charter on the Protection and Management of Underwater Cultural Heritage [Electronic resource] // ICOMOS. – URL: http://www.icomos.org/charters/underwater_e.pdf (date of access: 02.12.2016).

59. Рекомендация об охране в национальном плане культурного и природного наследия, 16 нояб. 1972 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). – М. : ЮниПринт, 2002. – С. 158–170.

60. *Blake J.* Developing a New Standard-setting Instrument for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage : Elements for Consideration

[Electronic resource] // UNESCO. – URL: unesdoc.unesco.org/images/0012/001237/123744e.pdf (date of access: 03.12.2016).

61. *Merrill W. L., Ladd E. J., Ferguson T. J.* The Return of the Ahayu: da: Lessons for Repatriation from Zuni Pueblo and the Smithsonian Institution // *Current Anthropology*. – Vol. 34, № 5. – P. 523–567.

62. *Yu P. K.* Cultural Relics, Intellectual Property and Intangible Heritage. – Temple Law Review. – 2008. – Vol. 81. – P. 434–506.

63. Наше общее будущее [Электронный ресурс]: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития // ООН. – URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 03.12.2016).

64. Оперативное руководство по выполнению Конвенции об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. – URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/directives> (дата обращения: 03.12.2016).

65. Intangible Heritage Messenger [Electronic resource] // UNESCO. – 2007. – № 2, May. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001506/150671e.pdf> (date of access: 03.12.2016).

66. Community-based documentation contributes to the viability of intangible cultural heritage in the Philippines [Electronic resource] // UNESCO. – URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/philippines-community-based-documentation-00261> (date of access: 03.12.2016).

67. Списки нематериального культурного наследия и Реестр передовых практик по охране [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. – URL: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/lists> (дата обращения: 03.12.2016).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 2/1195.

Аб удасканаленні аховы археалагічных аб’ектаў і археалагічных артэ-фактаў : Указ Прэзідэнта Рэсп. Беларусь, 14 снеж. 2015 г., № 485 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2015. – 1/16140.

Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 01.12.2016.

Возвращение предметов искусства странам – жертвам экспроприации : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 18 дек. 1973 г. [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/285/61/IMG/NR028561.pdf?OpenElement> – Дата доступа: 02.12.2016.

Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами : всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж : ЮНЕСКО, 2010.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, 2 нояб. 2001 г. [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml. – Дата доступа: 02.12.2016.

Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., 26 марта 1999 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). – М. : ЮниПринт, 2002. – С. 38–59.

Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 окт. 1907 г. [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>. – Дата доступа: 01.12.2016.

Глобальная стратегия сбалансированного и представительного Списка всемирного наследия [Электронный ресурс] // Центр всемирного наследия. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/globalstrategy/>. – Дата доступа: 02.12.2016.

Декларация ООН о правах коренных народов, 13 сент. 2007 г. [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml. – Дата доступа: 02.12.2016.

Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия, 17 окт. 2003 г. [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/heritage_destruction.shtml. – Дата доступа: 02.12.2016.

Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Пакт Рериха), 15 апр. 1935 г. [Электронный ресурс] // Международный центр Рерихов. – Режим доступа: <http://www.icr.su/rus/evolution/pact/>. – Дата доступа: 02.12.2016.

Наше общее будущее : доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>. – Дата доступа: 03.12.2016.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста. – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ar_i_rus.pdf. – Дата доступа: 02.12.2016.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II), 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>. – Дата доступа: 02.12.2016.

Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, 12 августа 1949 г. [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml. – Дата доступа: 02.12.2016.

Исполнительный Регламент Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 21–32.

Конвенция о биологическом разнообразии, 5 июня 1992 г. [Электронный ресурс] // ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml. — Дата доступа: 02.12.2016.

Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, 14 мая 1954 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000824/082464mb.pdf>. — Дата доступа: 01.12.2016.

Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности, 14 нояб. 1970 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001140/114046rb.pdf#page=143>. — Дата доступа: 01.12.2016.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, 16 нояб. 1972 г. [Электронный ресурс] // Центр всемирного наследия. — Режим доступа: whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf. — Дата доступа: 01.12.2016.

Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, 20 окт. 2005 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: http://en.unesco.org/creativity/sites/creativity/files/basic_text_v2005_ru.pdf. — Дата доступа: 01.12.2016.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия, 17 окт. 2003 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images//0013/001325/132540r.pdf>. — Дата доступа: 01.12.2016.

Конвенция об охране подводного культурного наследия, 2 нояб. 2001 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001246/124687r.pdf#page=60>. — Дата доступа: 01.12.2016.

Конвенция ООН по морскому праву, 10 дек. 1982 г. [Электронный ресурс] // ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf. — Дата доступа: 02.12.2016.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, 15 нояб. 2000 г. [Электронный ресурс] // ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml. — Дата доступа: 02.12.2016.

Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям, 24 июня 1995 г. [Электронный ресурс] // УНИДРУА. — Режим доступа: <http://www.unidroit.org/english/conventions/1995culturalproperty/1995culturalproperty-e.pdf>. — Дата доступа: 02.12.2016.

Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия), 31 мая 1964 г. [Электронный ресурс] // Google Docs. — Режим доступа: <https://docs.google.com>.

com/document/d/1hz0IOc8BNZC9EcUhbfbcdjZvT0sZImcPZzMC6fIOlj4/edit?pref=2&pli=1. — Дата доступа: 03.12.2016.

Об утверждении Инструкции о порядке применения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Республики Беларусь и транспортных войсках Республики Беларусь : постановление Министерства обороны Респ. Беларусь, 6 мая 2009 г., № 24 (с изменениями и дополнениями на 1 янв. 2014 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanov8/pst040.htm>. — Дата доступа: 02.12.2016.

Оперативное руководство по выполнению Конвенции об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/directives>. — Дата доступа: 03.12.2016.

Первый протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, 14 мая 1954 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 33–36.

Охрана и возвращение произведений искусства как часть сохранения и дальнейшего развития культурных ценностей : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 30 нояб. 1976 г. [Электронный ресурс] // ООН. — Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/306/41/IMG/NR030641.pdf?OpenElement>. — Дата доступа: 02.12.2016.

Рекомендация о международном обмене культурными ценностями, 26 нояб. 1976 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 171–176.

Рекомендация о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности, 19 нояб. 1964 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 139–144.

Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей, 26 нояб. 1976 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 177–192.

Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей, 11 дек. 1962 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 131–138.

Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ, 19 нояб. 1968 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 145–157.

Рекомендация о сохранении фольклора, 15 нояб. 1989 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 158–170.

Рекомендация об исторических городских ландшафтах, включая глоссарий определений, 10 нояб. 2011 г. // Акты Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. — Париж : ЮНЕСКО, 2012. — С. 62–69.

Рекомендация об охране в национальном плане культурного и природного наследия, 16 нояб. 1972 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 158–170.

Рекомендация об охране движимых культурных ценностей, 28 нояб. 1978 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 193–204.

Рекомендация об охране движимых культурных ценностей, 28 нояб. 1978 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 193–204.

Рекомендация об охране и популяризации музеев и коллекций, их разнообразия и их роли в обществе, 17 нояб. 2015 г. [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/museums/recommendation-on-the-protection-and-promotion-of-museums-and-collections/>. — Дата доступа: 01.12.2016.

Рекомендация об охране и сохранении движущихся изображений, 27 окт. 1980 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 205–216.

Рекомендация, касающаяся наиболее эффективных мер обеспечения общедоступности музеев, 14 дек. 1960 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 126–130.

Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических раскопок, 5 дек. 1956 г. // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия (Конвенции, Протоколы, Резолюции и Рекомендации). — М. : ЮниПринт, 2002. — С. 115–125.

Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/guidelines/>. — Дата доступа: 02.12.2016.

Списки нематериального культурного наследия и Реестр передовых практик по охране [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://www.unesco.org/culture/ich/en/lists>. — Дата доступа: 03.12.2016.

Список всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс] // Центр всемирного наследия. — Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/list/>. — Дата доступа: 03.12.2016.

Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Навигатор в мире права. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_. – Дата доступа: 02.12.2016.

Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Руководство Генеральной конференции. – Париж : ЮНЕСКО, 2002. – С. 7–24.

Charter on the Protection and Management of Underwater Cultural Heritage [Electronic resource] // ICOMOS. – Mode of access: http://www.icomos.org/charters/underwater_e.pdf. – Date of access: 02.12.2016.

Draft Guidelines on the Protection of the Cultural Heritage of Indigenous Peoples [Electronic resource] // WIPO. – Mode of access: http://www.wipo.int/export/sites/www/tk/en/databases/creative_heritage/docs/yokota_draft.pdf. – Date of access: 03.12.2016.

Expert Meeting on the «Global strategy» and thematic studies for a representative World Heritage List (UNESCO Headquarters, 20–22 June 1994) (UNESCO Doc. Doc. WHC-94/CONF.003/INF.6, 13 October 1994) [Electronic resource] // World Heritage Centre. – Mode of access: <http://whc.unesco.org/archive/1994/whc-94-conf003-inf6e.pdf>. – Date of access: 03.12.2016.

Final Act of the Paris Conference on Reparation with annex (Paris 21st December 1945). – L. : His Majesty's Stationery Office, 1946.

Final Report of the First Session of the Intergovernmental Committee for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, UNESCO, Paris, 27 June – 1 July 1977 (UNESCO Doc. CC.77/CONF.001/4,9 June 1977) [Electronic resource] // World Heritage Centre. – Mode of access: <http://whc.unesco.org/archive/repcom77.htm>. – Date of access: 03.12.2016.

Guidelines for the Establishment of National «Living Human Treasures» Systems [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: <http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/00031-EN.pdf>. – Date of access: 03.12.2016.

Guidelines for the Implementation of the 1999 Second Protocol to the Hague Convention of 1954 for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/1999-SecondProtocol_Guidelines_2015_E.pdf. – Date of access: 03.12.2016.

International List of Cultural Property under Enhanced Protection [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/19542Penhanced-protection-list-en_20140320.pdf. – Date of access: 03.12.2016.

International Register of Cultural Property under Special Protection [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: <http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Register2015EN.pdf>. – Date of access: 03.12.2016.

Meeting of Experts to Coordinate, with a view to Their International Adoption, Principles and Scientific, Technical and Legal Criteria Applicable to the Protection of Cultural Property, Monuments and Sites, Unesco House, Paris, 26 February–2 March 1968, Final Report (UNESCO Doc. SCH/CS/27/8,

31 December 1968) [Electronic resource] // World Heritage Centre.— Mode of access: <http://whc.unesco.org/archive/1968/shc-cs-27-8e.pdf>. — Date of access: 03.12.2016.

Mexican letter LA/Depository/1985/40 of 3 March 1986 [Electronic resource] // UNESCO. — Mode of access: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13039&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html. — Date of access: 01.12.2016.

Operational Guidelines for the Implementation of the Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property (UNESCO, Paris, 1970) [Electronic resource] // UNESCO. — Mode of access: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/OPERATIONAL_GUIDELINES_EN_FINAL_FINAL.pdf. — Date of access: 02.12.2016.

Preliminary report prepared in compliance with Article 10.1 of the Rules of Procedure concerning Recommendations to Member States and International Conventions covered by the terms of Article IV, paragraph 4, of the Constitution, Paris, 8 August 1969 (SHC/MD/J) [Electronic resource] // UNESCO. — Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0006/000686/068688eo.pdf>. — Date of access: 03.12.2016.

The Nara Document on Authenticity, 6 November 1994 [Electronic resource] // ICOMOS. — Mode of access: <http://www.icomos.org/charters/nara-e.pdf>. — Date of access: 03.12.2016.

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization Meeting of Experts to Establish an International System for the Protection of Monuments and Sites of Universal Interest, UNESCO House, Paris, 21–25 July 1969 (UNESCO Doc. SCH/CONF.43/4, July 1969) [Electronic resource] // World Heritage Centre. — Mode of access: <http://whc.unesco.org/archive/1969/shc-conf43-6e.pdf>. — Date of access: 03.12.2016.

ОСНОВНЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.wipo.int.

Организация Объединенных Наций (русскоязычная версия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/>.

ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://en.unesco.org/>.

Живая спадчына Беларусі. Інвентар нематэрыяльнай культурнай спадчыны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://livingheritage.by/>.

Белорусский комитет Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://icomos.by/>.

Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей (ICCROM) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iccrom.org/>.

Международный Комитет Красного Креста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org>.

Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icomos.org/en/>.

Республиканское молодежное общественное объединение «Студэнцкае этнаграфічнае таварыства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://set.ethno.by/>.

Центр всемирного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
--------------------------	---

Глава 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

1.1. Понятие культурного наследия.....	5
1.2. Ценности, присущие культурному наследию.....	7
1.3. Для кого представляет ценность культурное наследие?.....	10
1.4. Смысл охраны культурного наследия.....	15
1.5. Правовая ценность культурного наследия.....	19
1.6. Определение культурного наследия в международных конвенциях.....	20
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	29
<i>Список литературы</i>	29

Глава 2. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

2.1. Международное конвенциональное право.....	32
2.2. «Мягкое право».....	49
2.3. Мандат ЮНЕСКО.....	50
2.4. Взаимоотношения между ЮНЕСКО и конвенциями ЮНЕСКО в сфере культурного наследия.....	51
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	55
<i>Список литературы</i>	55

Глава 3. ЗАЩИТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СЛУЧАЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

3.1. Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.....	56
3.2. Первый протокол и оккупация.....	78

3.3. Дополнительные протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям	81
3.4. Второй протокол к Гаагской конвенции	83
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	97
<i>Список литературы</i>	97

**Глава 4. КОНВЕНЦИЯ О МЕРАХ, НАПРАВЛЕННЫХ
НА ЗАПРЕЩЕНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
НЕЗАКОННОГО ВВОЗА, ВЫВОЗА И ПЕРЕДАЧИ
ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ 1970 г.**

4.1. История охраны движимого культурного наследия.....	99
4.2. Проблема возвращения культурного наследия.....	102
4.3. Положения Конвенции 1970 г.	105
4.4. Участие в Конвенции 1970 г.	124
4.5. Другие механизмы международного сотрудничества в деле пресечения нелегальной торговли культурными ценностями.....	125
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	128
<i>Список литературы</i>	128

**Глава 5. КОНВЕНЦИЯ ОБ ОХРАНЕ ВСЕМИРНОГО
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ 1972 г.**

5.1. История принятия Конвенции	129
5.2. Текст Конвенции всемирного наследия	133
5.3. Установление выдающейся универсальной ценности	138
5.4. Аутентичность и целостность.....	142
5.5. Режим охраны и менеджмента.....	143
5.6. Охрана культурного наследия на национальном уровне.....	144
5.7. Международная охрана культурного наследия.....	146
5.8. Список всемирного культурного и природного наследия.....	147
5.9. Международная помощь.....	157
5.10. Административная структура	160
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	164
<i>Список литературы</i>	164

**Глава 6. КОНВЕНЦИЯ ОБ ОХРАНЕ ПОДВОДНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

6.1. История принятия.....	165
6.2. Сфера действия Конвенции	167
6.3. Определение деятельности, подлежащей регулированию	169
6.4. Проблема юрисдикции	175

6.5. Режим правоприменения.....	178
<i>Вопросы для самоконтроля.....</i>	<i>183</i>
<i>Список литературы</i>	<i>184</i>

Глава 7. КОНВЕНЦИЯ ОБ ОХРАНЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 2003 г.

7.1. Подготовка и принятие Конвенции.....	185
7.2. Цели Конвенции и определение нематериального культурного наследия	188
7.3. Охрана нематериального культурного наследия согласно Конвенции	190
7.4. Обязательства государств – участников Конвенции	196
7.5. Участие сообществ	198
7.6. Списки нематериального культурного наследия и Реестр передовых практик по охране	201
7.7. Руководящие органы Конвенции	209
7.8. Международное сотрудничество	210
<i>Вопросы для самоконтроля.....</i>	<i>214</i>
<i>Список литературы</i>	<i>214</i>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ.....	216
--------------------------------------	------------

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ДОКУМЕНТЫ	221
---	------------

ОСНОВНЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ	227
--	------------

Учебное издание

Михайлец Михаил Анатольевич

**ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ**

Пособие

Редактор *А. А. Федосеева*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *В. В. Мироновой*

Корректор *О. С. Гладкова*

Подписано в печать 26.12.2017. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Ризография. Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 14,86.

Тираж 100 экз. Заказ 789.

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.